

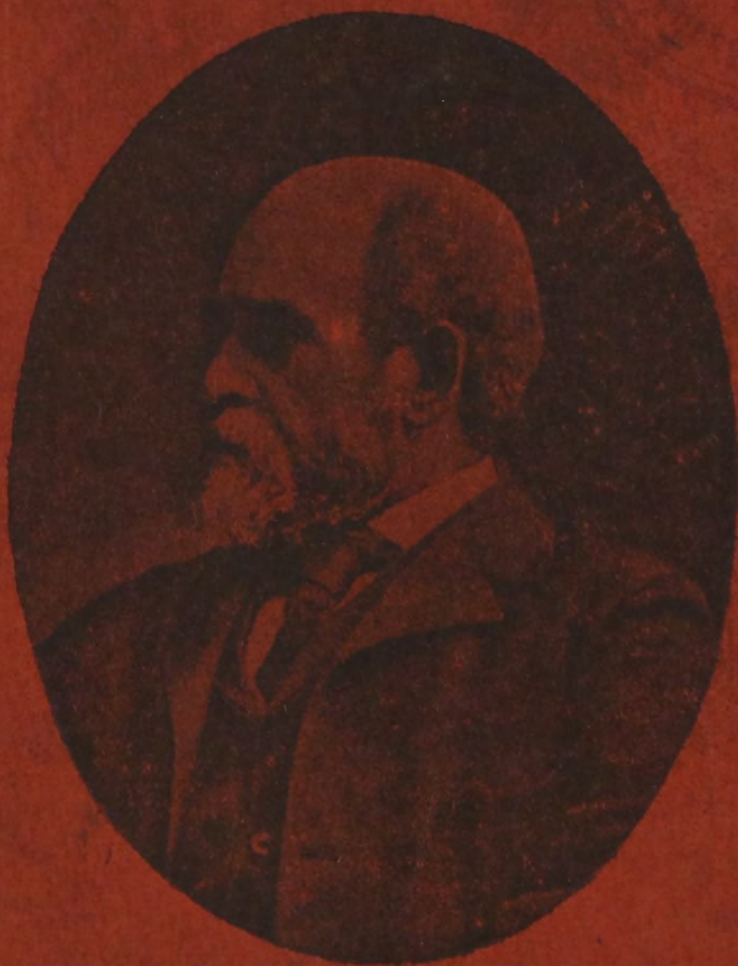
24467

ГЕНРИ ДЖОРДЖЪ.

ПОЛОЖЕНІЕ ТРУДЯЩИХСЯ.

Переводъ съ англійскаго
С. Николаева.

~~28074~~

Генри Джорджъ.

Издание „ПОСРЕДНИКА“.

24467

ГЕНРИ ДЖОРДЖЪ.

ПОЛОЖЕНІЕ

28074

ТРУДЯЩИХСЯ.

Переводъ съ англійскаго
С. Николаева.

„Издание ПОСРЕДНИКА“.

№ 643.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К^о, Пименовская ул., с. д.
МОСКВА—1906.

39

СССР

к

ЛЕНЬНЪЯ ЖОРЖЪЯ

ПОЛОЖЕНИЕ

ТРУДЯЩАЯСЯ

Положение о тружущейся

С. Николаев

76336

Издательство Госиздата

М. 1927

Издательство Т-ва Н. К. Калитерина и К. Колюбакинъ

МОСКВА—1927

Положеніе трудящихся.

Открытое письмо къ папѣ Льву XIII.

Ваше Святѣйшество!

Я со вниманіемъ прочелъ ваше окружное посланіе, касающееся положенія трудящихся и адресованное, чрезъ патриарховъ, митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ вашего вѣроисповѣданія, ко всѣму христіанскому міру.

Такъ какъ ваши наиболѣе рѣзкія осужденія направлены противъ теоріи, которую мы, приверженцы ея, признаемъ заслуживающей вашей поддержки, то я прошу у васъ позволенія изложить предъ вами самыя основы нашихъ убѣжденій и представить вамъ нѣкоторыя соображенія, къ несчастію, упущенныя вами изъ виду. Въ своемъ посланіи вы указываете на бѣдность, страданіе и жгучее недовольство, господствующія всюду въ христіанскомъ мірѣ, и на опасность, которая грозитъ ему въ виду того, что страсти могутъ довести невѣжество до слѣпой борьбы противъ общественныхъ условій, которыя дѣлаются все болѣе и болѣе невыносимыми. И именно сознавая огромную важность этихъ явленій, я рѣшился писать вамъ.

I.

Всѣ наши основныя положенія выражены въ вашемъ посланіи или признаются имъ. Положенія эти суть первичныя воспріятія человѣческаго разума, основныя ученія христіанской вѣры.

Мы утверждаемъ, что этотъ міръ есть твореніе Божіе.

Люди, приходящіе въ него на короткое время своей земной жизни, суть одинаково созданія благодати Божіей и одинаково достойны Божьяго провидѣнія и заботъ.

Имѣя извѣстную организацію, человѣкъ принужденъ считаться съ физическими потребностями, отъ удовлетворенія которыхъ зависитъ не только поддержаніе его тѣлесной дѣятельности, но также и развитіе его разумной и духовной жизни.

Богъ сдѣлалъ удовлетвореніе этихъ потребностей зависимымъ отъ собственныхъ усилій человѣка, давъ каждому способность къ труду и вложивъ въ cadaго побужденіе трудиться. Эта способность сама по себѣ ставитъ человѣка неизмѣримо выше животныхъ, и мы можемъ съ благоговѣніемъ сказать, что благодаря ей человѣкъ получилъ возможность сдѣлаться какъ бы Божьимъ помощникомъ въ дѣлѣ творенія.

Богъ не возложилъ на человѣка обязанности дѣлать кирпичи безъ соломы. Вмѣстѣ съ необходимостью трудиться и способностью къ труду Онъ далъ также человѣку и матеріалы для труда. Эти матеріалы заключаются въ землѣ, и человѣкъ, по физической природѣ своей, является животнымъ земнымъ, которое можетъ существовать лишь на землѣ и отъ земли и можетъ пользоваться другими элементами, воздухомъ, свѣтомъ, водою, только лишь пользуясь землей.

Будучи одинаково созданіями Творца, одинаково надѣленными отъ Его провидѣнія правомъ жить на землѣ и удовлетворять свои нужды, люди одинаково надѣлены также правомъ пользоваться землей, и всякое учрежденіе, отрицающее это равное право на пользованіе землей, является преступнымъ съ нравственной точки зрѣнія.

Относительно права собственности мы утверждаемъ, что каждый человѣкъ, будучи созданъ отдѣльной личностью, съ отдѣльными нуждами и силами, каждый въ отдѣльности надѣленъ правомъ прилагать къ дѣлу эти силы и пользо-

ваться результатами своего труда (подчиняя, конечно, это право тѣмъ нравственнымъ обязательствамъ, которыя возникаютъ изъ такихъ отношеній, какъ семейныя).

Такимъ образомъ, предшествуя всякому человѣческому закону, изъ закона Бога вытекаетъ право частной собственности на предметы, произведенные трудомъ. Владелецъ этого права можетъ передавать его другому лицу, но не можетъ быть лишенъ его. И всякая передача этого права другому лицу, помимо воли его владельца, есть кража.

Это право собственности, возникающее изъ права собственности человека на самого себя, есть единственное, полное и совершенное право собственности. Оно касается предметовъ, производимыхъ трудомъ, но не можетъ распространяться на предметы, созданные Богомъ.

Такъ, если человекъ ловитъ рыбу въ океанѣ, то онъ приобретаетъ право собственности на эту рыбу, а свое исключительное на нее право онъ можетъ передавать другимъ лицамъ путемъ продажи или даренія. Но онъ не можетъ приобрести подобнаго же права собственности на океанъ; не можетъ продавать его, дарить или запрещать другимъ пользоваться имъ.

Подобнымъ же образомъ если человекъ строитъ вѣтряную мельницу, то онъ приобретаетъ право собственности на производимое имъ при помощи вѣтра. Но онъ не можетъ предъявлять права собственности на самый вѣтеръ, продавать его или запрещать другимъ пользоваться имъ.

Или если человекъ занимается хлѣбопашествомъ, то онъ приобретаетъ право собственности на хлѣбъ, произведенный его трудомъ; но онъ не можетъ приобрести подобнаго же права на солнце, которое золотило хлѣбъ, или на почву, которая его выращивала. Ибо и то и другое суть вѣковѣчные дары Бога всѣмъ поколѣнιάмъ людей, и дарами этими каждый можетъ пользоваться, но никто не можетъ считать ихъ за принадлежащія ему одному.

Распространять на предметы, созданные Богомъ, то самое право частной собственности, которое по справедливости прилагается къ предметамъ, произведеннымъ трудомъ, значить нарушать и отрицать истинное право собственности. Ибо человекъ, который изъ производимаго его трудомъ обязанъ платить другому человеку за пользованіе океаномъ, воздухомъ, солнечнымъ свѣтомъ или почвой, всѣмъ, что обнимается только словомъ земля, лишается чрезъ это своей законной собственности и тѣмъ самымъ подвергается грабежу.

Относительно пользованія землей мы утверждаемъ, что если право собственности, по справедливости прилагаемое къ произведеніямъ труда, не можетъ прилагаться къ землѣ, то можетъ прилагаться къ землѣ право владѣнія или пользованія. Какъ выражается ваше святѣйшество: „Богъ далъ землю человѣческому роду вообще, — отнюдь не въ томъ смыслѣ, что всякій безъ разбора можетъ дѣлать съ ней все, что хочетъ“, и въ человѣческихъ законахъ должны заключаться постановленія, необходимыя для наилучшаго пользованія ею. Но постановленія эти должны согласоваться съ нравственнымъ закономъ, — должны обезпечивать за каждымъ равное участіе въ преимуществахъ, дарованныхъ всѣмъ Божьей благостью. Тутъ должно руководиться тѣмъ же началомъ, какимъ руководствуются, когда какой-либо человекъ оставляетъ собственность своимъ дѣтямъ, всѣмъ поровну. Изъ оставленныхъ предметовъ нѣкоторые могутъ не допускать общаго пользованія и точнаго раздѣла. И такіе предметы съ полнымъ основаніемъ передаются въ обладаніе кого-либо изъ наследниковъ, но лишь при условіи, чтобы равенство дохода отъ нихъ сохранялось между всѣми.

При наиболѣе грубомъ состояніи общества, когда вся промышленность состоитъ изъ охоты, рыбной ловли и собиранія самопроизрастающихъ плодовъ земли, не чувствуется необходимости въ особомъ владѣніи землею. Но лишь только люди начинаютъ обрабатывать землю и расходовать свой трудъ

на долговѣчныя сооруженія, какъ оказывается необходимымъ и особое владѣніе землей, на которую расходуется трудъ, ради обезпеченія права собственности на произведенія труда. Ибо кто сталъ бы сѣять, не будучи увѣренъ въ такого рода исключительномъ владѣніи землей, которое обезпечило бы за нимъ жатву? Кто сталъ бы возводить на землѣ цѣнныя сооруженія безъ такого исключительнаго владѣнія землей, которое позволило бы ему воспользоваться выгодами отъ его сооруженій?

Право частнаго владѣнія на предметы, созданныя Богомъ, однако весьма отличается отъ права собственности на предметы, создаваемые трудомъ. Первое право есть ограниченное право; второе право есть право неограниченное, — если исключить тѣ случаи, когда предъ требованіемъ самосохраненія смолкаютъ все другія права. Цѣль перваго права, исключительнаго владѣнія землей, состоитъ только лишь въ обезпеченіи втораго права, исключительной собственности на произведенія труда; и оно никогда не можетъ по справедливости простираться за тѣ предѣлы, за которыми нарушается или отрицается это второе право. Всякій можетъ пользоваться исключительнымъ владѣніемъ землей до тѣхъ поръ, пока онъ не сталкивается съ равнымъ правомъ другихъ лицъ, но затѣмъ онъ ужъ не можетъ, по справедливости, сохранять его за собой.

Такъ Каинъ и Авель, будь они единственными людьми на землѣ, могли бы, согласившись, раздѣлить всю землю между собою. При такомъ соглашеніи каждый изъ нихъ могъ бы выставить противъ другаго исключительное право на свою долю. Но ни Каинъ, ни Авель не могли бы, по справедливости, выставить свое право противъ рожденнаго затѣмъ челоуѣка. Ибо никто не вступаетъ въ міръ безъ Божьяго позволенія, и появленіе этого челоуѣка уже свидѣтельствовало бы о его равномъ правѣ на пользованіе Божьей благодатью. Не позволить ему пользоваться землей, которую

они раздѣлили бы между собою, значило бы, слѣдовательно, для Каина и Авеля совершить убійство. Позволить ему пользоваться ею лишь при условіи работать на нихъ или отдавать имъ часть произведеній своего труда, — значило бы совершить грабежъ.

Божьи законы неизмѣнны. Видоизмѣняясь въ своихъ приложеніяхъ въ зависимости отъ различія условій, одни и тѣ же принципы добра и зла сохраняютъ свою силу какъ тамъ, гдѣ народъ немногочислененъ и промышленность едва развита, такъ и тамъ, гдѣ кишмя кишитъ народонаселеніе и промышленность достигаетъ наиболѣе сложной организаціи. И среди нашихъ огромныхъ городовъ и государствъ съ многомилліоннымъ населеніемъ, среди цивилизаціи, при которой раздѣленіе труда доведено до такой степени, что значительное число жителей едва ли сознаетъ, что они пользуются землей, все же остается истиной, что всѣ мы — земныя животныя и можемъ жить лишь на землѣ; что земля есть даръ Божьей благодати всѣмъ людямъ; что лишить ея человѣка значитъ убить его, а заставить платить другому человѣку за пользование ею значитъ ограбить его. Тѣмъ не менѣе даже при томъ состояніи общества, когда развитіе промышленности и стремленіе къ прочнымъ улучшеніямъ въ землѣ дѣлаютъ всюду частное владѣніе землей настоятельной необходимостью, отнюдь не представляется труднымъ согласовать личное владѣніе съ равенствомъ правъ на землю. Ибо лишь только извѣстный участокъ земли начинаетъ давать своему владѣльцу доходъ больше того, какой онъ могъ бы, при той же затратѣ труда, получать на всякой другой землѣ, какъ участокъ этотъ пріобрѣтаетъ цѣнность, которая обнаруживается при его продажѣ или отдачѣ въ аренду. Такимъ образомъ цѣнность самой земли, не зависящая отъ цѣнности какихъ-либо улучшеній, сдѣланныхъ въ ней или на ней, всегда точнѣйшимъ образомъ опредѣляетъ цѣнность того блага, которое принадлежитъ въ этой землѣ всѣмъ людямъ, — цѣнность,

отличающуюся отъ той, которая принадлежитъ ея индивидуальному владѣльцу, какъ производителю или его наслѣднику.

Чтобы совмѣстить преимущества частнаго владѣнія съ правомъ общей собственности, нужно лишь отобразить въ общую пользу ту цѣнность, которая возникаетъ въ землѣ помимо затраты труда на этой землѣ. Тутъ слѣдуетъ примѣнить тотъ же самый принципъ, какъ въ томъ случаѣ, на который мы указывали, когда человѣкъ оставилъ своимъ дѣтямъ, всѣмъ поровну, предметы, не допускающіе точнаго дѣленія или общаго пользованія. Предметы эти были бы проданы или отданы въ аренду, а выручка поровну раздѣлена.

Этому-то ясному и простому принципу мы, люди, называющіе себя сторонниками единаго налога, и приглашаемъ слѣдовать общество.

Мы не предлагаемъ устанавливать равенства правъ на землю, удерживая ее въ общемъ владѣніи, — дозволяя каждому пользоваться извѣстной частью ея въ теченіе извѣстнаго времени. Мы не предлагаемъ невозможнаго при теперешнемъ состояніи общества дѣленія земли на равныя доли; того менѣе можемъ мы предлагать охраненіе земли, раздѣленной такимъ образомъ.

Мы предлагаемъ оставить землю въ частномъ владѣніи отдѣльныхъ лицъ, сохраняя за ними право дарить, завѣщать, продавать ее, но лишь обложивъ ее въ пользу общества налогомъ, который былъ бы равенъ ежегодному доходу съ самой земли, не зависящему отъ сдѣланнаго изъ нея употребленія или отъ сдѣланныхъ на ней улучшеній. А такъ какъ этого налога было бы вполне достаточно для покрытія всѣхъ общественныхъ надобностей, то мы предлагаемъ вмѣстѣ съ введеніемъ налога на земельныя цѣнности отмѣнить всѣ другіе теперешніе налоги, падающіе на произведенія труда и процессы производства. Налоги эти, отнимающіе заработокъ у трудящихся, мы признаемъ за нарушеніе права собственности.

И мы предлагаемъ это не какъ искусную выдумку человѣческой изобрѣтательности, а какъ соглашеніе человѣческихъ постановленій съ волею Бога.

Богъ не могъ противорѣчить самому себѣ и не могъ наложить на своихъ созданій законовъ, которые сталкивались бы другъ съ другомъ.

А Богъ повелѣлъ людямъ, чтобы они не воровали, другими словами, чтобы они уважали право собственности, какое имѣетъ каждый изъ нихъ на плоды своего труда.

Если же Богъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ Отецъ всѣхъ людей, внушившій каждому человѣку имѣть равную съ прочими долю участія въ дарахъ Его благодати людямъ, то, значитъ, на всякой ступени человѣческой цивилизаціи, какъ бы она ни была высока, всегда долженъ найтись способъ, какимъ могло бы быть согласовано право исключительной собственности на произведенія труда съ равнымъ правомъ на землю.

Всемогущій не могъ разойтись съ самимъ собой, и потому не можетъ быть, чтобы мы должны были, — какъ говорятъ социалисты, на которыхъ вы ссылаетесь, — ради равнаго участія людей въ удобствахъ для жизни и труда игнорировать право частной собственности. Не можетъ быть и того, — взгляды, видимо, раздѣляемый вами въ вашемъ посланіи, — чтобы ради охраненія права частной собственности мы должны были игнорировать равенство правъ на удобства для жизни и труда. Въ обоихъ случаяхъ мы отрицали бы существованіе гармоніи въ Божьихъ законахъ.

Тогда какъ частное владѣніе землею при обязательствѣ выплачивать государству цѣнность тѣхъ особыхъ преимуществъ, которыя получаютъ чрезъ него отдѣльными лицами, удовлетворяло бы обоимъ законамъ. Оно давало бы каждому равное участіе въ дарахъ Создателя и обезпечивало бы за всякимъ человѣкомъ право полной собственности на произведенія его труда.

И мы не колеблясь можемъ сказать, что этотъ способъ обезпеченія равнаго права на благодѣя Творца и исключительнаго права на производимое трудомъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ указанный Богомъ способъ собиранія общественныхъ доходовъ; ибо мы не отрицаемъ Бога, какъ атеисты, и не признаемъ, какъ полубоготы, чуждой для Него область политики и законодательства.

Вы справедливо замѣчаете, — а эту спасительную истину слишкомъ часто забываютъ, — что „человѣкъ древнѣе государства и обладаетъ правомъ припасать все необходимое для жизни своего тѣла ранѣе образованія какого-либо государства“. Но вы, конечно, признаете также и то, что государство составляетъ часть божественно предначертаннаго порядка. Ибо Тотъ, Кто все предвидѣлъ и все устроилъ, предвидѣлъ, конечно, и то, что съ ростомъ народонаселенія и развитіемъ промышленности организація человѣческаго общества въ видѣ государствъ и правительствъ сдѣлается столь же цѣлесообразной, какъ и необходимой.

Однако лишь только возникаетъ государство, какъ, понятно, оказываются необходимыми для него доходы. Сначала, при рѣдкомъ народонаселеніи, грубой промышленности и при немногочисленныхъ и простыхъ функціяхъ государства, потребность въ доходахъ бываетъ незначительна. Но съ ростомъ народонаселенія и развитіемъ цивилизаціи функціи государства осложняются и начинаетъ требоваться все больше и больше дохода.

И Тотъ, Кто создалъ міръ и поселилъ въ немъ человека, Тотъ, Кто предопредѣлилъ цивилизацію, какъ средство, при помощи котораго человѣкъ могъ бы подняться до болѣе высокаго состоянія и большаго пониманія дѣла Творца, — долженъ былъ предвидѣть возрастающую потребность въ доходахъ государства и позаботиться объ ея удовлетвореніи. Другими словами, такъ какъ возрастающая съ развитіемъ общества потребность въ государственныхъ дохо-

дахъ является естественной богоустановленной потребностью, то долженъ существовать и справедливый способъ собиранія этихъ доходовъ—способъ, о которомъ мы, поистинѣ, можемъ говорить, какъ объ указанномъ самимъ Богомъ. Ясно, что этотъ справедливый способъ собиранія общественныхъ доходовъ долженъ находиться въ согласіи съ нравственнымъ закономъ.

А потому:

Онъ не долженъ брать у индивидуумовъ того, что по праву принадлежит индивидуумамъ.

Онъ не долженъ давать нѣкоторымъ лицамъ преимущества предъ другими, повышая, напримѣръ, цѣну того, что одни продаютъ, а другіе должны покупать.

Онъ не долженъ вводить людей въ искушеніе, требуя площадныхъ клятвъ, дѣлая выгодными ложь, подкупы и взятки.

Онъ не долженъ затемнять различія между добромъ и зломъ и ослаблять авторитетъ религіи и государства, превращая въ преступленіе то, что не есть грѣхъ, и наказывая людей за то, что они имѣютъ несомнѣнное право дѣлать.

Онъ не долженъ подавлять промышленности. Онъ не долженъ задерживать торговли. Онъ не долженъ наказывать за бережливость. Онъ не долженъ ставить помѣхъ къ наибольшему и къ наилучшему распредѣленію богатства.

Я попрошу теперь ваше святѣйшество рассмотреть тѣ налоги на процессы и произведенія промышленности, посредствомъ которыхъ повсюду въ цивилизованномъ мірѣ собираются доходы: заставныя пошлины (octroi), которыя собираются итальянскими городами, чудовищныя таможенныя пошлины, которыя затрудняютъ сношенія между такъ называемыми христіанскими государствами; налоги на занятія, на заработокъ, на капиталъ, на постройку домовъ, на обработку полей, на трудолюбіе и бережливость во всевозможныхъ формахъ. Могутъ ли эти налоги признаваться за способъ, указанный Богомъ для собиранія доходовъ правительствами?

Обладаетъ ли какой-либо изъ этихъ налоговъ признаками, соотвѣтствующими тому порядку, который мы можемъ считать справедливымъ?

Всѣ эти налоги идутъ вразрѣзъ съ нравственнымъ закономъ. Они силой отбираютъ то, что принадлежитъ лишь индивидууму; они даютъ недобросовѣстности преимущество предъ честностью; они имѣютъ своимъ слѣдствіемъ и, пожалуй, цѣлью повышение цѣны того, что нѣкоторые продаютъ, а другіе должны покупать; они развращаютъ правительства; они превращаютъ клятву въ насмѣшку; они сковываютъ торговлю; они наказываютъ за трудолюбіе и бережливость; они уменьшаютъ богатство, которымъ люди могли бы пользоваться, и обогащаютъ однихъ, разоряя другихъ.

Но наиболѣе поразительнымъ доказательствомъ того, насколько противорѣчитъ христіанству эта система собиранія общественныхъ доходовъ, является вліяніе ея на мысль.

Христіанство учитъ насъ, что всѣ люди — братья; что ихъ истинные интересы совпадаютъ, а не противоположны. Оно предлагаетъ намъ, какъ золотое правило для жизни, дѣлать другимъ то, что мы желали бы, чтобы дѣлали намъ другіе. А изъ системы обложенія налогами продуктовъ и процессовъ труда и изъ ея дѣйствія въ смыслѣ повышения цѣны того, что нѣкоторые продаютъ, а другіе должны покупать, выработалась теорія „покровительства“, которая отвергаетъ это благовѣстіе, которая признаетъ Христа чуждымъ политической экономіи и провозглашаетъ законы народнаго благосостоянія, цѣликомъ расходящіеся съ Его ученіемъ. Эта теорія освящаетъ національную ненависть; она внушаетъ всеобщую тарифную войну; она проповѣдуетъ народамъ, что ихъ благоденствіе заключается въ наложеніи на произведенія другихъ народовъ такихъ стѣсненій, какихъ они желали бы избѣгать для себя, и вмѣсто христіанскаго сознанія братства людей дѣлаетъ гражданской доблестью причиненіе вреда иностранцамъ.

„По плодамъ ихъ узнаете ихъ“. Можетъ ли что-нибудь съ бѣльшей ясностью доказывать, что обложеніе налогами произведеній и процессовъ труда *не есть* указанный Богомъ способъ собиранія общественныхъ доходовъ?

Но, разсмотрѣвъ предлагаемый нами способъ собиранія общественныхъ доходовъ при помощи единаго налога съ цѣнности земли, не зависящей отъ улучшеній, мы замѣтимъ, что онъ во всѣхъ отношеніяхъ *согласуется* съ нравственнымъ закономъ.

Я буду просить ваше святѣйшество не упускать изъ виду того обстоятельства, что цѣнность, которую мы предлагаемъ обложить налогомъ, — цѣнность земли, не зависящая отъ улучшеній, — проистекаетъ не отъ затраты труда или капитала на этой землѣ и не отъ труда или капитала, вложенныхъ въ эту землю. Цѣнность, создаваемая на землѣ или въ землѣ трудомъ и капиталомъ, есть цѣнность улучшеній, и мы желаемъ, чтобы она была изъята отъ налога. Цѣнность земли, не зависящая отъ улучшеній, есть цѣнность, возникающая въ землѣ вслѣдствіе роста народонаселенія и прогресса общества. Это — цѣнность, которая всегда достается собственнику, какъ собственнику, и никогда не поступаетъ и не можетъ поступать къ лицамъ, пользующимся землей, въ силу ихъ пользованія. Ибо если человѣкъ, пользующійся землей, не состоитъ въ то же время собственникомъ земли, то онъ всегда выплачиваетъ собственнику цѣнность эту въ арендѣ или въ покупной цѣнѣ. Если же человѣкъ, пользующійся землей, является въ то же время и собственникомъ ея, то онъ беретъ себѣ эту цѣнность, какъ собственникъ, а не какъ человѣкъ, пользующійся землею. Онъ можетъ взять ее себѣ, какъ собственникъ, даже тогда, когда перестанетъ пользоваться землей, а сдать ее въ аренду или продать.

Потому налогъ на землю, минуящій улучшенія, никоимъ образомъ не можетъ повести къ уменьшенію вознагражденія

за трудъ, къ повышенію цѣнъ ¹⁾ и къ отобранію у инди-

1) Относительно этого пункта считаемъ необходимымъ добавить нижеслѣдующее. Налогъ на земельныя цѣнности или на доходность земель, минующій улучшенія или затраты труда и капитала, составляетъ то, что въ политической экономіи называется рентой, — терминъ, отличающійся отъ „арендной платы“ тѣмъ, что прилагается лишь къ платежамъ за пользованіе собственно землей. И всѣ экономисты согласно признаютъ, что налогъ этотъ долженъ уплачиваться собственниками земли и не можетъ перелagаться ими на лицъ, пользующихся землею. Доводъ, приведенный въ текстѣ, мы можемъ представить въ такой формѣ: цѣна чего бы то ни было опредѣляется не волей продавцовъ или покупателей, а уравненіемъ спроса и предложенія. Потому цѣна предметовъ, постоянно спрашиваемыхъ и постоянно производимыхъ, опредѣляется стоимостью производства. Все, что увеличиваетъ стоимость доставленія такихъ предметовъ потребителямъ, сдерживая предложеніе, повышаетъ цѣну, а все, что уменьшаетъ эту стоимость, усиливая предложеніе, понижаетъ цѣну. Налогъ на пшеницу, сахаръ или табакъ повышаетъ цѣну, какую приходится платить за нихъ потребителямъ, а удешевленіе стоимости производства стали, которое послѣдовало за усовершенствованіемъ металлургическихъ процессовъ, въ огромной мѣрѣ сократило цѣну на сталь. Но земля не знаетъ стоимости производства, ибо она создана Богомъ, а не произведена человѣкомъ. Потому цѣна ея опредѣляется иначе. Когда земля удерживается въ строго монопольномъ владѣніи, тогда цѣна ея (случай монопольной ренты) опредѣляется тѣмъ, что собственники ея могутъ брать съ лицъ, пользующихся землею, подъ угрозой лишенія ея и, слѣдовательно, голоданія, и достигаетъ всей той суммы, которую можетъ заработать на ней обыкновенный рабочій сверхъ необходимаго для жизни. Когда особой монополіи нѣтъ (случай собственно-экономической ренты), тогда цѣна на землю опредѣляется той суммой, которую обыкновенный рабочій можетъ заработать на этой землѣ выше того, что онъ можетъ заработать съ тѣми же расходами или затратой труда на землѣ, не имѣющей особыхъ преимуществъ и за которую вовсе не надо платить ренты. И, наконецъ (случай спекулятивной ренты, которая есть, въ сущности, та же монопольная рента, но сказывающаяся, преимущественно, на продажной цѣнѣ), когда земля становится предметомъ спекуляціи, тогда цѣна ея опредѣляется учетомъ будущаго возрастанія ея цѣнности вслѣдствіе ожидаемыхъ общественнаго развитія и усовершенствованій; въ ожиданіи ихъ

видуума того, что принадлежит индивидууму. Онъ можетъ отбирать лишь цѣнность, возникающую въ землѣ вслѣдствіе роста общества и потому принадлежащую обществу въ его цѣломъ.

Отобрать въ государственную собственность все земельныя цѣнности, отмѣнивъ все налоги на произведенія труда, значило бы, стало быть, сохранить за работникомъ все произведенія его труда, сохранить за индивидуумомъ все, что по праву принадлежит индивидууму. Мѣра эта не представляла бы никакого гнета для промышленности, никакихъ помѣхъ для торговли и не заключала бы въ себѣ наказанія за бережливость. Она обезпечивала бы наибольшее производство и наилучшее распредѣленіе богатства, сохраняя за всеми свободу производить и обмѣнивать, какъ кому нравится, и не вызывая сколь-нибудь искусственнаго повышенія цѣнъ.

Собственники земли удерживаются отъ сдачи земли по существующимъ цѣнамъ, и между ними какъ бы сама собою устраивается стачка.

Налогъ на земельныя цѣнности, которымъ отбирается экономическая рента, не можетъ, стало быть, никоимъ образомъ перелagаться собственниками земли на лицъ, пользующихся землею; ибо онъ отнюдь не усиливаетъ спроса на землю и не даетъ собственникамъ земли возможности сокращать предложеніе, удерживая землю внѣ употребленія. Гдѣ рента обуславливается лишь монополизаціей (а она можетъ взыскиваться еще ранѣе возникновенія экономической или естественной ренты), тамъ отобраніе въ налогъ того, что собственники земли, все равно, могли вымогать отъ трудящихся, не давало бы имъ возможности вымогать чего-либо большаго; ибо трудящіеся, если бы у нихъ не оставалось достаточно для существованія, стали бы умирать. Также въ случаѣ собственно-экономической ренты отобраніе отъ собственниковъ земли получаемой ими преміи никоимъ образомъ не повысило бы превосходства ихъ земли или спроса на нее. Тогда какъ, поскольку это касается вліянія спекулятивной ренты на цѣны, заставить собственниковъ земли уплачивать налогъ съ цѣнности ея, все равно, получаютъ ли они какой-либо доходъ отъ нея или нѣтъ, значило бы сдѣлать болѣе труднымъ для нихъ удержаніе земли внѣ пользованія; и налогъ, достигающій всей доходности или цѣнности земли, уничтожилъ бы среди собственниковъ земли не только возможность удерживать свои земли внѣ употребленія, но и самое тяготѣніе къ этому.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, передавъ въ общество цѣнность, которая не можетъ быть унесена, не можетъ быть скрыта, которая можетъ быть опредѣлена съ большей легкостью, чѣмъ всякая другая цѣнность, и собираема съ наибольшей точностью и дешевизной, мѣра эта сдѣлала бы возможнымъ огромное сокращеніе числа чиновниковъ, избавила бы насъ отъ клятвъ, взятокъ и мошенническихъ продѣлокъ и освободила бы отъ тѣхъ установленныхъ людьми преступленій, которыя по своей сущности являются невинными дѣйствіями.

Болѣе того. Что Богъ предназначилъ налогъ съ земельныхъ цѣнностей для покрытія расходовъ государства, это столь же ясно, какъ то, что Богъ предназначилъ молоко матери для питанія ребенка.

Посмотрите, какъ близка эта аналогія. При первобытномъ состояніи, когда еще нѣтъ нужды въ государствѣ, не существуетъ и земельныхъ цѣнностей. Произведенія труда имѣютъ цѣну, но земля, въ виду рѣдкости народонаселенія, еще не имѣетъ никакой цѣны. Однако лишь только возрастающая плотность народонаселенія и осложненіе промышленной дѣятельности страны дѣлаютъ необходимой государственную организацію, какъ, вмѣстѣ съ требованіемъ дохода для государства, возникаетъ цѣнность въ землѣ. По мѣрѣ того, какъ растетъ народонаселеніе и развивается промышленность, усиливается и потребность въ государственныхъ доходахъ. Но въ то же самое время, вслѣдствіе тѣхъ же самыхъ причинъ, возрастаетъ также и цѣнность земель. И связь эта остается неизмѣнной. Цѣнность произведеній труда обыкновенно уменьшается вмѣстѣ съ ростомъ общества, ибо большіе размѣры производства и усовершенствованіе въ методахъ его ведутъ къ сокращенію стоимости издѣлій. Но цѣнность земли, гдѣ сосредоточивается народонаселеніе, все возрастаетъ и возрастаетъ. Возьмите Римъ, Парижъ, Лондонъ, Нью-Йоркъ или Мельбѣрнъ. Подумайте объ огромной цѣнности земли въ этихъ городахъ, сравнительно съ цѣностью земли въ рѣдко

заселенныхъ частяхъ тѣхъ же странъ. Чѣмъ обусловливается она? Не обусловливается ли она плотностью и дѣятельностью населенія этихъ городовъ, тѣми самыми причинами, которыя требуютъ огромныхъ общественныхъ расходовъ на мостовыя, водостоки, общественныя зданія и множество различныхъ предметовъ, необходимыхъ въ большомъ городѣ для охраненія здравія, для удобства и для безопасности его жителей? И посмотрите, какъ съ ростомъ такихъ городовъ неуклонно возрастаетъ цѣнность земли; какъ увеличивается эта цѣнность съ проведеніемъ шоссе, съ постройкой желѣзныхъ дорогъ, съ возведеніемъ какихъ-либо общепользныхъ сооружений. Не ясно ли, что въ этомъ ростѣ земельныхъ цѣнностей сказывается естественный законъ, другими словами — воля Творца? Не означаетъ ли этотъ ростъ того, что Богъ, предвидѣвшій государство съ его нуждами, предназначилъ въ цѣлостяхъ, возникающихъ въ землѣ, средство для покрытія этихъ нуждъ?

Что это именно такъ, а не иначе, въ этомъ мы убѣдимся, если заглянемъ еще глубже и вникнемъ не только въ предназначеніе, но также и въ цѣль его. Мы увидимъ тогда въ томъ естественномъ законѣ, въ силу котораго земельныя цѣнности растутъ вмѣстѣ съ ростомъ общества, не только чудно приспособленное средство для покрытія нуждъ общества, говорящее нашему уму и показывающее намъ мудрость Творца, но также и цѣль въ отношеніи индивидуумовъ, удовлетворяющую наше нравственное чувство и указывающую на благодать Бога.

Въ самомъ дѣлѣ. Въ силу естественнаго закона, съ развитіемъ общества возрастаетъ не цѣнность продуктовъ труда, а цѣнность земли. Въ силу естественнаго закона, всякій приростъ народонаселенія, всякій успѣхъ въ технику, всякое улучшеніе какого бы то ни было рода увеличиваютъ тотъ фондъ, отобразить который въ пользу всего общества побуждаютъ насъ какъ справедливость, такъ и благоразуміе.

А увеличеніе этого фонда, при поступленіи его въ пользу всего общества, должно представлять изъ себя равную выгоду для всѣхъ членовъ общества. И потому развѣ не въ правѣ мы заключить, что самый законъ этотъ направленъ къ тому, чтобы съ развитіемъ цивилизаціи все болѣе и болѣе увеличивать относительное значеніе той доли, которую каждый индивидуумъ получаетъ отъ общества, сравнительно съ тѣмъ, что онъ зарабатываетъ своимъ личнымъ трудомъ? Развѣ не въ правѣ мы заключить, что законъ этотъ направленъ къ тому, чтобы съ развитіемъ цивилизаціи уменьшать разницу, существующую при грубомъ состояніи общества между сильнымъ и слабымъ, счастливымъ и несчастнымъ? Не въ правѣ ли мы заключить, что цѣль Создателя заключается въ томъ, чтобы съ успѣхами цивилизаціи не только развивались силы человѣка, но также устанавливалось все большее равенство между людьми, и что мы игнорируемъ эту цѣль, достигая чудовищнаго неравенства?

7633b Мы приходимъ, такимъ образомъ, къ окончательному убѣжденію въ томъ, что цѣнность, возникающая въ землѣ вмѣстѣ съ ростомъ общества, предназначена для покрытія общественныхъ нуждъ. Богъ, дѣйствительно, является ревнивымъ Богомъ, въ томъ смыслѣ, что люди, не слѣдующіе указанными имъ путями, могутъ ожидать для себя лишь бѣдъ и несчастій. Благіе дары, предлагаемые Имъ, въ томъ случаѣ, когда люди отвергають ихъ или неправильно пользуются ими, превращаются въ карающее зло. И все равно, какъ для матери отказаться отъ кормленія ребенка молокомъ, наполняющимъ ея грудь при его рожденіи, значитъ повредить своему тѣлесному здоровью, такъ и для общества отказаться отъ употребленія на общественныя надобности запасовъ, предназначенныхъ для нихъ, значитъ причинить общественное разстройство.

Ибо, отказавшись передать въ пользу общества возрастающую цѣнность, возникающую въ землѣ съ ростомъ

общества, мы неизбежно будемъ обращаться для покрытія общественныхъ расходовъ къ налогамъ, которые подрываютъ производство, извращаютъ распределеіе и вредятъ обществу. Мы неизбежно будемъ предоставлять нѣкоторымъ лицамъ брать себѣ то, что, по справедливости, принадлежитъ всѣмъ людямъ; мы выпустимъ изъ рукъ единственное средство, дающее возможность совмѣстить среди развивающейся цивилизаціи обезпеченность владѣнія, необходимую для улучшеній, съ равенствомъ правъ на естественныя удобства, которое является одной изъ наиболее важныхъ прерогативъ человѣка; мы сдѣлаемъ основой всей общественной жизни несправедливое неравенство между людьми и станемъ принуждать однихъ людей платить другимъ за право существовать, за возможность трудиться, за преимущества цивилизаціи, за дары ихъ Творца. Болѣе того, тотъ грабежъ, которому подвергаются чрезъ это народныя массы, ведетъ затѣмъ въ прогрессирующихъ странахъ къ новому грабежу. Ибо цѣнность, возникающая въ землѣ съ ростомъ народонаселенія и развитіемъ общества, въ томъ случаѣ, когда ею пользуются лица, завладѣвшія землей, обыкновенно является приманкою для спекуляторовъ, и земля захватывается ими всюду, гдѣ ожидается ростъ народонаселенія или общепользныя улучшенія. Чрезъ это создается искусственный недостатокъ въ естественныхъ элементахъ, необходимыхъ для жизни и труда, и вызывается разстройство въ производствѣ, которое обнаруживается въ періодическихъ промышленныхъ застояхъ, столь же бѣдственныхъ для міра, какъ опустошительныя войны.

Вотъ почему люди бѣгутъ изъ старыхъ странъ въ новыя страны, чтобы и туда принести съ собой проклятіе. Вотъ почему матеріальный прогрессъ не только не улучшаетъ положенія простыхъ рабочихъ, но дѣлаетъ условія жизни народныхъ массъ положительно худшими. Вотъ почему въ богатѣйшихъ христіанскихъ странахъ народная масса ведетъ

болѣе тяжелую, безнадежную и приниженную жизнь, чѣмъ жизнь любимхъ дикарей. Вотъ почему многіе люди начинаютъ думать о Богѣ, какъ о несовершенномъ существѣ, которое постоянно посылаетъ въ міръ болѣе народа, чѣмъ сколько можетъ кормиться въ немъ, а другіе и вовсе отрицаютъ Его существованіе, считая вѣру въ Него за суевѣріе, которое должны разсѣять жизненные явленія и прогрессъ науки.

Невѣжество на ряду съ просвѣщеніемъ, слабость среди силы, бѣдность среди богатства, жгучее недовольство, предвѣщающее распрю, которыми характеризуется современная цивилизація, суть естественныя и неизбѣжныя слѣдствія нашего отказа отъ Божьей благодати, нашего пренебреженія къ Его намѣреніямъ. Но если бы мы стали слѣдовать Его яеному, простому закону добра, если бы мы стали оставлять индивидуумамъ до послѣдней малости все то, что производитъ индивидуальный трудъ, и брать въ пользу общества ту цѣнность, какая возникаетъ въ землѣ именно вслѣдствіе роста общества, то мы не только избавились бы отъ гибельныхъ способовъ собиранія общественныхъ доходовъ, но также поставили бы всѣхъ людей въ равное положеніе относительно благодати Творца, въ равное положеніе относительно расходованія труда и пользованія его плодами. Въстѣ съ тѣмъ безъ всякихъ сильно дѣйствующихъ или выжущихъ средствъ мы положили бы конецъ и захвату земель спекуляторами. Ибо владѣніе землей стало бы давать тогда обезпеченіе лишь тѣмъ людямъ, которые пользуются ею. Искать земли или удерживать за собою землю, тѣмъло бы смыслъ лишь для лицъ, желающихъ работать на ней. Никто, владѣя лучшей землей, чѣмъ другіе, не пользовался бы несправедливымъ преимуществомъ и не причинялъ бы другимъ несправедливаго лишенія, ибо цѣнность, эквивалентная преимуществу, отбиралась бы государствомъ на общую пользу.

Преосвященный Тома (Др. Нельти), епископъ мизскій,

столь же ясно, какъ и мы, понимаетъ это. Указывая духовенству и мірянамъ своей епархіи на намѣреніе Божественнаго Провидѣнія, чтобы рента съ земли отбиралась въ пользу общества, онъ говоритъ ¹⁾:

„Мнѣ кажется, мы можемъ съ полнымъ правомъ утверждать, опираясь и на авторитеты и на собственный разумъ, что народъ является, и всегда долженъ быть; дѣйствительнымъ собственникомъ земли въ своей странѣ. Эта великая общественная истина, по моему мнѣнію, имѣетъ огромную важность. Къ счастью, ея соотвѣтствіе съ принципами свободы никогда не затемнялось и никогда не подвергалось сомнѣніямъ. Есть что-то чарующее и необычайно прекрасное въ той ясности, съ какой эта истина открываетъ намъ мудрость и благость Провидѣнія, показывая чудный запасъ, приготовленный Богомъ для удовлетворенія нуждъ и потребностей общественной жизни, которая была предначертана Имъ и къ которой влекутъ насъ глубочайшіе инстинкты нашей природы. Огромная общественная собственность, великій народный фондъ данъ былъ въ обладаніе и распоряженіе народа, чтобы онъ могъ съ избыткомъ покрывать всѣ расходы на управленіе, на отправленіе правосудія и на воспитаніе юношества и чтобы онъ могъ изъ него отдѣлять часть на содержаніе своихъ преступныхъ и неимущихъ членовъ. Одной изъ наиболѣе замѣчательныхъ особенностей этой собственности является то обстоятельство, что цѣнность ея никогда не стоитъ на мѣстѣ; она постоянно измѣняется, возрастая вмѣстѣ съ ростомъ народонаселенія, и тѣ самыя причины, которыя усиливаютъ спросъ на землю, въ то же время поднимаютъ пропорціонально и способность земли покрывать этотъ спросъ“.

Есть, дѣйствительно, какъ говоритъ епископъ Нельти,

---

¹⁾ Посланіе къ духовенству и мірянамъ мизской епархіи (въ Ирландіи) отъ 2 апрѣля 1881 г.

какая-то особенная прелесть въ той ясности, съ какой открываются намъ мудрость и благость Провидѣнія въ соотвѣтствіи между запасами общества и его нуждами, въ дѣйствіи того великаго общественнаго закона, который экономисты называютъ закономъ ренты. Изъ всѣхъ доказательствъ; представляемыхъ естественной религіей, это соотвѣтствіе всего яснѣе указываетъ намъ на существованіе любящаго Бога и всего рѣшительнѣе разсѣиваетъ тѣ сомнѣнія, которыя въ наше время приводятъ столь многихъ къ матеріализму.

Изъ этого чуднаго соотвѣтствія между естественнымъ закономъ и общественными нуждами цивилизованнаго состоянія мы усматриваемъ, что цивилизація была предначертана Богомъ; что всѣ наши открытія и изобрѣтенія не выходятъ и не могутъ выйти изъ Его предначертанія, и что паръ, электричество и берегающія трудъ орудія въ своихъ приложеніяхъ только лишь усиливаютъ ясность и значеніе великихъ нравственныхъ законовъ. Ростъ этого великаго фонда, возникающаго благодаря развитію общества и потому принадлежащаго обществу, не только открываетъ намъ возможность обойтись безъ налоговъ, которые расточаютъ богатство, порождаютъ растлѣніе нравовъ создаютъ неравенство и научаютъ людей отвергать евангеліе, но указываетъ также на средство, долженствующее, при надлежащемъ пользованіи имъ, обезпечить за всѣми, среди наивысшей цивилизаціи, равное право на благость Творца, полную возможность удовлетворять свои нужды и съ избыткомъ покрывать всѣ законныя требованія государства. Мы видимъ, что Богъ въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ является отнюдь не слабымъ или скуднымъ существомъ; что Онъ не послалъ въ міръ слишкомъ много людей, что Онъ не забылъ въ изобиліи снабдить ихъ всѣмъ необходимымъ; что Онъ не предназначилъ той жестокой конкуренціи среди народной массы изъ-за голаго животнаго существованія и того чудовищнаго скопленія богатства, которыми характеризуется наша

цивилизация, но что это зло, приводящее многихъ къ отрицанію Бога или къ еще болѣе нечестивому признанію Бога творцомъ этого зла, зависитъ отъ нашего отрицанія Его нравственнаго закона. Мы видимъ, что законъ справедливости, законъ не дѣлать другому того, чего не желалъ бы себѣ, есть не просто совѣтъ совершенства, а есть, по существу, законъ общественной жизни. Мы видимъ, что если бы мы соблюдали его, то у всякаго изъ насъ была бы работа, былъ бы досугъ, было бы изобиліе, и цивилизациа стала бы давать самому бѣдному не только необходимое для жизни, но также всевозможныя удобства и, до извѣстной степени, роскошь. Мы видимъ, что Христосъ не былъ пустымъ мечтателемъ, когда Онъ говорилъ людямъ, что если они будутъ искать царства Божія и правды Его, то имъ надо будетъ заботиться о матеріальныхъ предметахъ не болѣе, чѣмъ лиліи полевая заботятся о своей одеждѣ; но что при этомъ Онъ провозглашалъ лишь то, что политическая экономія, при свѣтѣ современныхъ открытій, признаетъ безспорной истиной.

Ваше святѣйшество, одно созерцаніе этого доставляетъ человѣку глубокую неослабѣвающую радость. Ибо видѣть это — значитъ чувствовать, что есть Богъ, который живетъ и царствуетъ, и что Онъ есть Богъ справедливости и любви, нашъ Отецъ, сущій на небесахъ. Видѣть это — значитъ видѣть лучъ свѣта среди тьмы сомнѣній и имѣть живую вѣру тамъ, гдѣ нѣтъ увѣренности въ невидимомъ.

II.

Ваше святѣйшество замѣтитъ изъ представленнаго мною объясненія, что реформа, предлагаемая нами, имѣетъ, подобно всѣмъ истиннымъ реформамъ, двѣ стороны: нравственную и экономическую. Игнорируя нравственную сторону и выставляя наше предложеніе просто какъ реформу обложенія, мы могли бы избѣгнуть возраженій, возникающихъ изъ смѣшенія собственности съ владѣніемъ и приписыванія част-

ной собственности на землю той обеспеченности пользования и улучшений, которая может быть достигнута, даже съ большимъ успѣхомъ, безъ обращенія земли въ частную собственность. Все, чего мы добиваемся, сводится на дѣль къ законодательной отмѣнѣ, — по возможности, безотлагательной, — всѣхъ налоговъ на произведенія и процессы труда и къ послѣдующей концентраціи налоговъ на земельныхъ цѣнностяхъ, минуя улучшения. Выставляя наше предложеніе въ такомъ видѣ, мы могли бы говорить о немъ просто какъ о вполне цѣлесообразномъ общественномъ мѣропріятіи.

И на самомъ дѣлѣ, есть не мало приверженцевъ единого налога, которые выставляютъ наше предложеніе именно въ такомъ видѣ. Относясь къ нашему плану, какъ къ прекрасному съ фискальной точки зрѣнія, они уже не заботятся ни о чемъ дальнѣйшемъ. Но для людей, единомышленниковъ со мною, нравственная сторона реформы представляется болѣе важною. Мы не только не хотимъ уклониться отъ разсмотрѣнія вопроса о частной собственности на землю, но, напротивъ, признаемъ тотъ благодѣтельный и много обещающій переворотъ, къ которому стремимся, слишкомъ серьезнымъ для того, чтобы его могъ вышолнить „разумно понятый собственный интересъ“, и полагаемъ, что осуществить его можно, лишь воздействуя на религіозное сознаніе людей.

Потому мы настойчиво добиваемся приговора религіи. А это—судъ, котораго вы, ваше святѣйшество, являетесь августѣйшимъ представителемъ, какъ глава самаго обширнаго общества христіанъ.

Въ виду сказаннаго мы считаемъ своимъ долгомъ разсмотрѣть тѣ доводы, на которые вы опираетесь, защищая частную собственность на землю. Мы признаемъ своей обязанностью принять ихъ, если они окажутся справедливыми, и, если они окажутся несправедливыми, почтительно указать вамъ, въ чемъ заключается ихъ ошибочность.

Остановимся на вашей мысли о томъ, что, „стремясь

облегчить положеніе народной массы, мы должны сдѣлать своимъ первымъ и основнымъ принципомъ ненарушимость частной собственности“. Мы радостно согласились бы съ вами, если бы только могли быть увѣрены, что, говоря это, вы не упускаете изъ виду нравственнаго элемента и подѣ частной собственностью понимаете то, что на самомъ дѣлѣ есть частная собственность, — все равно, какъ мы были бы увѣрены, что, говоря о бракѣ, какъ о богоустановленномъ учрежденіи, вы дѣйствительно понимали бы подѣ бракомъ то, что на самомъ дѣлѣ есть бракъ. Къ несчастію, другія ваши выраженія доказываютъ, что подѣ частной собственностью вы понимаете частную собственность вообще, при чемъ вы имѣете въ виду главнымъ образомъ частную собственность на землю. Эта неясность мысли, эта неточность терминологіи спутываетъ все ваше разсужденіе. Вслѣдствіе ея вы приходите къ заключеніямъ, которыя не только не вытекаютъ изъ вашихъ посылокъ, но даже стоятъ съ ними въ крайнемъ противорѣчій. Такъ, опираясь на нравственную санкцію для частной собственности на предметы, произведенныя трудомъ, вы утверждаете нѣчто совершенно отличное отъ нея и крайне противоположное, — подобное же право собственности на землю, созданную Богомъ.

Существуетъ много видовъ частной собственности, и признавать за всѣми ими нравственную санкцію можно не съ бѣльшимъ правомъ, чѣмъ признавать нравственную санкцію за всѣми видами брака. Тотъ фактъ, что истинный бракъ согласуется съ закономъ Бога, никоимъ образомъ не можетъ служить оправданіемъ полигаміи, полиандріи или кровосмѣсительныхъ браковъ, допускаемыхъ въ нѣкоторыхъ странахъ гражданскимъ закономъ. А какъ могутъ быть безнравственные браки, такъ можетъ быть и безнравственная частная собственность. Частной собственностью можетъ быть все то, что принадлежитъ индивидууму, или все то, что принадлежитъ индивидууму съ согласія государства. Простой

юристъ, простой слуга государства остановятся тутъ, отказываясь устанавливать различіе между тѣмъ, что одинаково признаеть законнымъ государство. Но вѣдь вы, ваше святѣйшество, не слуга государства; вы—служитель Бога, хранитель нравственности. Вы знаете, какъ это было выражено Оомою Аквинатскимъ, что—

„Человѣческій законъ является закономъ лишь въ силу своего согласія съ справедливостью, и чрезъ это согласіе обнаруживается, что онъ вытекаетъ изъ вѣчнаго закона. Отклоняясь отъ справедливости, законъ утрачиваетъ свою святость. Онъ даже вовсе перестаетъ тогда быть закономъ, а превращается скорѣе въ одинъ изъ видовъ насилія“.

Потому, если какой-либо изъ видовъ собственности допускается государствомъ, то чрезъ это онъ еще не получаетъ нравственной санкціи. Государство нерѣдко дѣлало собственностью предметы, которые, по справедливости, не могутъ быть собственностью, учиняя, такимъ образомъ, насиліе или грабежъ. Предметы религіи, напримѣръ, достоинство и власть служителей Церкви, право совершать ея таинства и распоряжаться ея доходами часто передаваемы были развращенными принцами, какъ продажная собственность, своимъ царедворцамъ и любовницамъ. Не далѣе, какъ теперь, въ Англии любой атеистъ или язычникъ можетъ открыто купить и сохранять за собой, какъ свою законную собственность, которую можно продавать, дарить, завѣщать по своему усмотрѣнію, право назначенія на должность духовнаго пастыря, и общая цѣнность этихъ законныхъ правъ назначенія, говорятъ, достигаетъ не менѣе 17.000.000 ф. стер. (прибл. 170 милл. руб.).

Или хотя бы рабы по обычаямъ и законамъ древнихъ народовъ повсюду считались собственностью и признавались ею въ Европѣ долгое время спустя послѣ принятія христіанства. Въ началѣ этого столѣтія не было ни одной христіан-

скої націи, которая въ своихъ колоніяхъ, по крайней мѣрѣ, не признавала бы права собственности на рабовъ, и суда работорговцевъ бороздили моря подъ христіанскими флагами. Въ Соединенныхъ Штатахъ съ небольшимъ тридцать лѣтъ тому назадъ при покупкѣ челоуѣка пріобрѣталось столь же законное право собственности, какъ и при покупкѣ лошади; а въ магометанскихъ странахъ законъ и обычай до сего времени признають раба собственностью того лица, которымъ онъ былъ захваченъ въ плѣнъ или купленъ.

Однимъ изъ славныхъ дѣлъ вашего первосвященническаго служенія является попытка выбить рабство изъ его послѣднихъ твердынь, и, конечно, вы не скажете, что та нравственная санкція, которая придается праву собственности на предметы, производимые трудомъ, можетъ или могла когда-либо прилагаться къ праву собственности на рабовъ.

Общій терминъ „собственность“ или „частная собственность“, противъ значенія котораго ничего нельзя утверждать или отрицать съ нравственной точки зрѣнія, вы употребляете во многихъ мѣстахъ вашего окружнаго посланія. Для челоуѣка, который будетъ сосредоточивать вниманіе на отдѣльныхъ вашихъ выраженіяхъ, смыслъ этотъ во многихъ случаяхъ будетъ представляться двойственнымъ. Но для всякаго, кто вникнетъ во все ваше посланіе, станетъ уже внѣ сомнѣнія, что тамъ, гдѣ вы просто говорите о частной собственности, слѣдуетъ понимать частную собственность на землю. Истолковывая васъ такимъ образомъ, я нахожу въ вашемъ посланіи восемь доводовъ, которыми оправдывается, по вашему мнѣнію, частная собственность на землю. Позволю себѣ разсмотрѣть ихъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ они слѣдуютъ въ посланіи. Вы утверждаете:

1. *Все, купленное въ обмѣнъ на законную собственность, есть законная собственность.*

Понятно, покупка или продажа не могут создать права собственности, а могут лишь передать его. Собственность, которая сама по себѣ не имѣетъ нравственной санкціи, отнюдь не приобрѣтаетъ ея путемъ перехода изъ рукъ продавца въ руки покупателя.

Если, по справедливости, рабъ не можетъ быть собственностью охотника, поймавшего его, то онъ не можетъ быть собственностью и человѣка, который купилъ его у охотника. Однако тѣмъ разсужденіемъ, какимъ вы оправдываете частную собственность на землю, столь же хорошо оправдывается право собственности на рабовъ. Чтобы показать это, нужно лишь замѣнить въ вашемъ доказательствѣ слово „земля“ словомъ „рабы“. И у насъ получится такое разсужденіе:

„Никоимъ образомъ нельзя отрицать того, что когда человѣкъ бываетъ занятъ вознаграждающимъ трудомъ, то самой цѣлью и побужденіемъ къ его работѣ бываетъ приобрѣтеніе собственности и исключительное владѣніе ею.

„Если одинъ человѣкъ отдаетъ другому свою силу или искусство, то онъ дѣлаетъ это съ цѣлью получить въ возвратъ то, что необходимо для пропитанія и жизни; онъ явно предполагаетъ посредствомъ этого приобрѣсть полное и законное право не только на вознагражденіе, но также и на распоряженіе этимъ вознагражденіемъ по своему усмотрѣнію.

„Такимъ образомъ, если онъ живетъ бережливо, копить деньги и помѣщаетъ свои сбереженія ради большаго обезпеченія въ рабовъ, то эти рабы, въ такомъ случаѣ, будутъ представлять лишь его заработную плату въ другой формѣ, и, слѣдовательно, рабы трудящагося человѣка, купленные такимъ образомъ, должны находиться въ столь же полномъ его распоряженіи, какъ плата, которую онъ получаетъ за свой трудъ“.

И превративъ, такимъ образомъ, ваше доказательство права частной собственности на землю въ доказательство

права частной собственности на людей, я, въ сущности, не пришелъ ни къ чему новому. Въ моемъ отечествѣ въ мое время то же самое доказательство, что покупка даетъ право собственности, сплошь и рядомъ выставялось въ качествѣ оправданія рабства. Оно выставялось государственными людьми, юристами, священниками и епископами и оно принималось всюду въ нашей странѣ огромной массой населенія. Имъ оправдывалось отдѣленіе женъ отъ мужей, дѣтей отъ родителей, принудительный трудъ, захватъ плодовъ труда рабочаго, покупка и продажа христіанъ христіанами. Словами почти тождественными съ вашими тогда говорили у насъ: „вотъ бѣднякъ, который упорно трудился, во всемъ урѣзывалъ свою жизнь и на свои сбереженія купилъ нѣсколькихъ рабовъ. Рѣшится ли вы отнять у него заработанное имъ, освободивъ этихъ рабовъ?“ Или: „вотъ бѣдная вдова; ея мужъ могъ оставить ей лишь нѣсколькихъ негровъ, которые были пріобрѣтены имъ цѣною тяжелаго труда. Неужели вы ограбите эту вдову и ея сиротъ, освободивши этихъ негровъ?“ И изъ-за этого извращенія разума, изъ-за этого смѣшенія справедливой собственности съ несправедливой и признанія человѣческаго закона Божескимъ надъ нашимъ народомъ произнесенъ былъ приговоръ меча и огня.

Та ошибка, которую дѣлалъ нашъ народъ, когда онъ полагалъ, что предметы, не составляющіе справедливой собственности, могутъ становиться справедливой собственностью при ихъ покупкѣ и продажѣ, есть та самая ошибка, въ которую впадаетъ ваше святѣйшество. Ваша ошибка не только съ внѣшней стороны тождественна съ ней, она тождественна съ ней по существу. Частная собственность на землю, не менѣе, чѣмъ частная собственность на рабовъ, есть нарушеніе истиннаго права собственности. Обѣ онѣ суть различныя формы одного и того же грабежа, органически связанные между собой выдумками, помощью которыхъ извращенная человѣческая изобрѣтательность пыталась оказать со-

дѣйствіе людямъ сильнымъ и хищнымъ въ ихъ стремленіи уклониться отъ труда, котораго требуетъ Богъ, путемъ во-зложенія его на другихъ людей.

Будетъ ли какая разница, если я возьму только землю, на которой долженъ жить другой человѣкъ, или завладѣю этимъ человѣкомъ? Не сдѣлаюсь ли я его властелиномъ въ первомъ случаѣ въ такой же мѣрѣ, какъ и во второмъ? Не буду ли я въ состояніи принуждать его къ работамъ на меня? Не буду ли я въ состояніи брать для себя столько же плодовъ его труда, такъ же распоряжаться его поступками? Не буду ли я имѣть надъ нимъ права жизни и смерти? Вѣдь лишить человѣка земли столь же вѣрно значитъ убить его, какъ если лишить его крови, открывши жилы, или лишить воздуха, затаивъ петлю вокругъ шеи.

Сущность рабства заключается въ предоставленіи одному человѣку власти брать себѣ трудъ другого, не вознаграждая его. Частная собственность на землю предоставляетъ эту власть въ такой же мѣрѣ, какъ право собственности на раба. Рабовладѣлецъ долженъ оставлять своему рабу изъ добываемаго его трудомъ столько, сколько тому требуется для жизни. И развѣ болѣе этого получаетъ огромная масса рабочихъ въ такъ называемыхъ свободныхъ странахъ? Получаютъ ли земледѣльческіе рабочіе въ Италіи и Англіи изъ плодовъ своего труда болѣе, чѣмъ получали рабы въ Южныхъ Штатахъ? Развѣ не частная собственность на землю позволяла земельнымъ собственникамъ Европы, въ болѣе грубыя времена, требовать „права первой ночи“? Развѣ не существуетъ въ настоящее время того же самаго крайняго поруганія правъ человѣка, лишь въ болѣе скрытой формѣ, въ безнравственности, проистекающей изъ чудовищнаго богатства, съ одной стороны, и страшной бѣдности — съ другой?

Всюду, гдѣ захватъ земли заходилъ такъ далеко, что уже не оставалось свободныхъ запасовъ ея, къ которымъ

могли бы обращаться безземельные, сама собой, вмѣсто тѣлеснаго порабощенія, устанавливалась болѣе предательская форма захвата труда, заключающаяся въ частной собственности на землю. Она оказывалась болѣе экономичной и удобной. При ней уже не нужно ловить раба или удерживать въ повиновеніи, или кормить его въ то время, когда не требуется его услугъ. Онъ самъ приходитъ къ господину, прося привилегіи служить ему, и его тотчасъ же можно расчитать, когда не требуется болѣе его услугъ. Кнутъ становится уже ненужнымъ, достаточно одного голода. Вотъ почему норманскіе завоеватели Англійи и англійскіе завоеватели Ирландіи не раздѣляли между собой народа, а дѣлили землю. Вотъ почему суда европейскихъ работорговцевъ направлялись съ своимъ грузомъ въ Новый Свѣтъ, а не въ Европу.

Рабство еще не уничтожено. Хотя во всѣхъ христіанскихъ странахъ миновали его болѣе грубыя формы, но оно еще существуетъ въ самомъ сердцѣ нашей цивилизаціи въ болѣе предательской формѣ и все растетъ и растетъ. Еще не мало предстоитъ поработать во славу Бога и на освобожденіе человѣка инымъ крестоносцамъ, помимо тѣхъ воиновъ-монаховъ, которыхъ, съ благословенія вашего свѣтѣйшества, отправляетъ въ Сахару кардиналъ Лавижери. Однако ваше окружное посланіе пользуется для защиты новой формы рабства тѣми самыми заблужденіями, какими апологеты тѣлеснаго порабощенія пользовались для защиты прежней!

Арабамъ не занимать стать сметки. Ваше окружное посланіе проникнетъ во всѣ уголки міра. Что скажутъ ваши воины-монахи, когда они, съ ружьями наготовѣ, потребуютъ отъ какого-нибудь арабскаго работорговца отказа отъ его несчастнаго каравана, а тотъ станетъ увѣрять ихъ, что онъ купилъ рабовъ на свои сбереженія, и, представивъ списокъ вашего посланія, станетъ доказывать при помощи вашего

разсужденія, что его рабы суть лишь его заработная плата въ другой формѣ? Что скажутъ эти монахи въ отвѣтъ на упрекъ этого человѣка, что они, люди, дѣйствующіе съ вашего благословенія и вашей властью, хотятъ лишить его „свободы распоряжаться своей заработной платой и такимъ образомъ отнимаютъ у него надежду и возможность увеличить свой капиталъ и улучшить свои жизненные условія?“

2. *Частная собственность на землю есть слѣдствіе человѣческой разумности.*

Это второе ваше утвержденіе. Вы доказываете, что человѣкъ, обладая разумомъ и предусмотрительностью, можетъ приобрѣтать въ собственность не только плоды земли, но также самую землю, чтобы изъ нея произведеній заготовлять запасы для будущаго.

Разумъ съ предусмотрительностью, которой онъ всегда сопутствуется, есть дѣйствительно отличительное свойство человѣка, которое поднимаетъ его выше животныхъ и доказываетъ, какъ говорить писаніе, что онъ созданъ по подобію Божію. И этотъ даръ разума, согласно утвержденію вашего святѣйшества, приводитъ къ установленію частной собственности на предметы, производимые дѣятельностью разума и его спутницы предусмотрительности, вмѣстѣ съ правомъ собственности на предметы, производимые физическимъ трудомъ. Но на самомъ дѣлѣ эти элементы человѣческаго производства неотдѣлимы, и всякій трудъ совершается при участіи разума. Только лишь благодаря своему разуму человѣкъ, въ отличіе отъ животныхъ, является производителемъ и можетъ прилагать свои силы къ труду. Его физическія силы сами по себѣ ничтожны и образуютъ собою лишь средство, при помощи котораго мысль овладѣваетъ матеріальными предметами и обращаетъ на служеніе человѣку вещество или силы природы. Лишь въ разумѣ человѣка, въ его просвѣщенномъ умѣ, заключается движущая сила труда, — основной дѣтель производства.

Потому право собственности безспорно прилагается къ предметамъ, произведеннымъ дѣятельностью разума и предусмотрительностью человѣка. Но оно не можетъ прилагаться къ предметамъ, которые произведены дѣятельностью разума и предусмотрительностью Бога.

Поясимъ это. Предположимъ общество людей, странствующихъ въ пустынѣ, какъ странствовали израильтяне по выходѣ изъ Египта. Тѣ изъ этихъ людей, которые имѣли бы предусмотрительность застисъ сосудами съ водою, обладали бы безспорнымъ правомъ собственности на воду, которую они несли; а тѣ, которые не позаботились бы застисъ водою, страдаая жаждой среди безводной пустыни, могли бы просить воды у первыхъ, какъ милости, но никоимъ образомъ не могли бы ея требовать по праву. Ибо хотя вода сама по себѣ есть даръ Божьей предусмотрительности, но ея присутствіе въ сосудахъ и въ пустынѣ было бы слѣдствіемъ предусмотрительности этихъ людей. И потому они имѣли бы на нее исключительное право.

Но предположимъ теперь, что нѣкоторые люди воспользовались бы своею предусмотрительностью такимъ образомъ, что обогнали бы прочихъ и захватили бы въ свое обладаніе источники, а когда подошли бы ихъ товарищи, то стали бы требовать съ нихъ платы за воду для питья. Давали бы имъ на это право ихъ предусмотрительность?

А защищая частную собственность на землю, ваше святѣйшество оправдываетъ ее не предусмотрительностью людей, которые несутъ воду туда, гдѣ она нужна, но предусмотрительностью людей, которые захватываютъ въ свое обладаніе источники!

Я позволю себѣ нѣсколько дольше остановиться на этомъ предметѣ, чтобы вообще дать отвѣтъ на возраженія людей, которые утверждаютъ, что если бы частная собственность на землю была несправедлива, то была бы несправедлива и частная собственность на произведенія труда, ибо матеріаль

этихъ произведеній берется изъ земли. Вникнувъ въ дѣло, нетрудно замѣтить, что всѣ виды человѣческаго производства вполне аналогичны работѣ тѣхъ людей, которые въ нашемъ предположеніи несли воду пустыней. Выращивая хлѣбъ, выплавляя металлы, выстраивая дома, выработывая сукно или выдѣлывая любой изъ тѣхъ предметовъ, которые входятъ въ кругъ производства, люди лишь измѣняютъ мѣстонахожденіе или форму ранѣе существовавшего вещества. Человѣкъ, какъ производитель, бываетъ только лишь преобразователемъ, но отнюдь не творцомъ; творить только лишь Богъ. А такъ какъ преобразованія, которымъ подвергается при производствѣ вещество, за все время своего существованія бываютъ неотдѣлимы отъ него, то и право частной собственности приурочивается случайное къ существенному и распространяется на тотъ естественный матеріалъ, въ которомъ воплощается трудъ производителя. Такъ, вода въ своихъ естественныхъ скопленіяхъ или источникахъ является общимъ даромъ Творца всѣмъ людямъ; но, будучи взята изъ этихъ скопленій и перенесена въ пустыню, она, по праву, становится собственностью того лица, которое, измѣнивъ ея мѣстонахожденіе, какъ бы произвело ее въ пустынь.

И право собственности такого рода есть, въ сущности, не болѣе, какъ право временнаго владѣнія; ибо матеріалъ, который человѣкъ беретъ изъ хранилищъ природы, измѣняя его мѣстонахожденіе и форму согласно своимъ желаніямъ, съ того самаго момента, какъ онъ попадетъ въ руки человѣка, уже стремится назадъ къ этимъ хранилищамъ. Дерево гніетъ, желѣзо ржавѣетъ, камни вывѣтриваются и выпадаютъ, а предметы, болѣе подверженные порчѣ, существуютъ лишь нѣсколько мѣсяцевъ, нѣсколько дней, нерѣдко пропадая тотчасъ по употребленіи. Хотя, насколько намъ извѣстно, матерія вѣчна и сила неуничтожаема; хотя мы не можемъ ни создать, ни уничтожить малѣйшей пылинки, плавающей въ солнечномъ лучѣ, или самаго нѣжнаго дуновенія, отъ котораго колеблется

листь, — однако „потокъ времени въ своемъ теченіи уноситъ всѣ дѣла людей“, которыми перемѣщаются и комбинируются вещества и силы природы. Потому признаніе права собственности на тотъ естественный матеріалъ, въ которомъ воплощается трудъ производителя, устанавливаетъ не болѣе, какъ временное владѣніе и не можетъ препятствовать пользованію тѣми запасами, которые заготовлены для всѣхъ. Вода, взятая въ одномъ мѣстѣ и перенесенная въ другое, не можетъ уменьшить всего запаса воды; ибо — вышютъ ли ее, выльютъ ли на землю, оставятъ ли испаряться — она все равно должна вернуться къ своимъ естественнымъ хранилищамъ; также и всѣ предметы, на которые человекъ при производствѣ накладываетъ отпечатокъ своего труда.

Вы правы, стало быть, когда вы говорите, что за человекомъ, въ виду его разума, должно быть признано право прочнаго и постояннаго обладанія не только предметами, которые уничтожаются при употребленіи, но также предметами, которые сохраняютъ свою пригодность для пользованія въ будущемъ. Но вы правы лишь постольку, поскольку вы можете при этомъ включать такіе предметы, какъ зданія, которыя при ремонтѣ существуютъ въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній, въ одну категорію съ такими предметами, какъ пища и дрова, которыя уничтожаются при употребленіи. Когда же вы дѣлаете отсюда выводъ, что частная собственность можетъ распространяться на тѣ предметы, имѣющіе продолжительное существованіе, которые являются природными хранилищами, предназначенными для общаго пользованія, то вы, понятно, заблуждаетесь. Человекъ можетъ по праву признавать своей частной собственностью плоды земли, произведенные его трудомъ, ибо они утрачиваютъ со временемъ отпечатокъ этого труда и снова возвращаются въ тѣ естественныя хранилища, изъ которыхъ были взяты; право собственности на нихъ со стороны какого-либо человека не можетъ причинить обиды другимъ людямъ. Но онъ не можетъ считать своей самую

землю, ибо она представляет изъ себя хранилище, изъ котораго берутся постоянно не только матеріалы, составляющіе предметъ всякаго производства, но и самыя тѣла людей.

Рѣшительный доводъ, въ силу котораго человѣкъ не можетъ предъявлять права собственности на самую землю, — владѣя по праву плодами ея, произведенными его трудомъ, — заключается въ признаніи тѣхъ самыхъ фактовъ, которые усмотрѣны были вами. Вы справедливо замѣчаете, что —

„Человѣческія нужды никогда не исчезаютъ совершенно, а постоянно возникаютъ вновь; будучи удовлетворены сегодня, завтра онѣ требуютъ новаго удовлетворенія. Природа, слѣдовательно, должна была заготовить для человѣка запасъ, изъ котораго онъ могъ бы постоянно удовлетворять свои повседневныя нужды. И этимъ запасомъ является именно неистощимое плодородіе земли“.

Подъ *человѣкомъ* вы понимаете *всѣхъ людей*. Можно ли запасъ, заготовленный природою для всѣхъ, дѣлать частной собственностью нѣкоторыхъ, отстраняя отъ него всѣхъ другихъ людей?

Я позволю себѣ остановиться на словахъ вашего святѣйшества. „Природа, слѣдовательно, должна была заготовить для человѣка запасъ“. Подъ природою вы понимаете Бога. Такимъ образомъ, ваша мысль, что, создавая насъ, Богъ позаботился снабдить насъ запасомъ для постояннаго удовлетворенія нашихъ нуждъ, есть та же самая мысль, которая выражена въ нижеслѣдующихъ словахъ епископомъ мизскимъ и доведена имъ до ея рокового заключенія:

„Богъ былъ абсолютно свободенъ въ томъ актѣ, которымъ Онъ создалъ насъ; но Онъ, конечно, позаботился снабдить насъ средствами, необходимыми для существованія. А единственнымъ извѣстнымъ намъ источникомъ этихъ средствъ является земля. Стало быть, земля каждой страны есть общая собственность насе-

ленія этой страны; ибо она предназначена для него ея единственнымъ собственникомъ, Творцомъ, который создалъ ее. „Землю же даде сыновомъ человеческимъ“. Такъ какъ каждый житель всякой страны есть созданіе и чадо Божіе и такъ какъ всѣ созданія Божіи равны предъ лицомъ Его, то всякій захватъ земли въ странѣ, при которомъ самый смиренный житель этой страны лишается бы своей доли въ общемъ наслѣдіи, долженъ представлять изъ себя не только несправедливость или обиду въ отношеніи этого жителя, но также нечестивое противленіе благимъ намъреніямъ его Творца“.

3. Частная собственность на землю никого не лишаетъ возможности пользоваться землей.

Ваша собственная мысль, что земля заключаетъ въ себѣ неистощимый запасъ, который Богъ позаботился заготовить для людей, видимо, вызвала въ умѣ вашего святѣйшества нелегкое сомнѣніе относительно ея обращенія въ частную собственность; ибо вы, какъ бы для того, чтобы успокоить себя, переходите затѣмъ къ доказательству, что право собственности нѣкоторыхъ людей на землю не можетъ быть вреднымъ для другихъ. Вы говорите, что земля, даже раздѣленная между частными собственниками, не перестаетъ, въ сущности, служить удовлетворенію нуждъ каждаго, ибо тѣ лица, которыя не владѣютъ землей, могутъ, продавая свой трудъ, получать въ обмѣнъ произведенія земли.

Предположите, что какой-нибудь человѣкъ обратился бы къ вашему святѣйшеству, какъ судіи нравственности, съ такого рода дѣломъ совѣсти:

„Я одинъ изъ нѣсколькихъ братьевъ, которымъ нашъ отецъ оставилъ поле, вполне достаточное для нашего прокормленія. Такъ какъ отецъ нашъ не указалъ отдѣльной доли каждому изъ насъ и предоставилъ намъ самимъ назначить границы владѣній каждаго, то я, какъ старшій, взялъ все поле въ свою исключительную собственность. Но, устроивъ

такъ, я не лишилъ моихъ братьевъ возможности кормиться съ нашего поля, ибо я позволилъ имъ работать на немъ и изъ производимаго ими удѣляю имъ такую же заработную плату, какую я выдавалъ бы и людямъ постороннимъ. Есть ли какое-либо основаніе считать мою совѣсть нечистой?“

Что отвѣтили бы вы ему? Не сказали ли бы вы ему, что онъ смертельно согрѣшилъ и что его оправданіе лишь увеличиваетъ его вину. Не настояли ли бы вы на томъ, чтобы онъ вернулъ захваченное и исполнилъ епитимію?

Или предположите, что въ качествѣ свѣтскаго государя вы были бы правителемъ бездождной страны, подобной Египту, въ которой не было бы ни источниковъ, ни ключей и гдѣ вся потребность въ водѣ покрывалась бы благодатной рѣкой, въ родѣ Нила. Предположите, что, заботясь о плодородіи этой страны, вы отправили бы въ нее извѣстное число вашихъ подданныхъ и повелѣли бы имъ, поступая справедливо, сдѣлать все необходимое для благоденствія жителей этой страны. И вотъ вы услышали бы, что нѣкоторые изъ этихъ лицъ захватили въ свою собственность рѣку и не стали давать другимъ жителямъ ни капли воды, отпускаая ее лишь за плату; что лица эти такимъ образомъ безъ труда обогатились, тогда какъ всѣ прочіе люди, хотя и работавшіе изо всѣхъ силъ, были настолько разорены этой платой за воду, что съ трудомъ стали поддерживать свое существованіе. Не воспылали ли бы вы негодованіемъ, услыхавъ это?

Предположите, что собственники рѣки прислали бы такого рода оправданіе своего поступка:

„Рѣка, хотя и раздѣленная между частными собственниками, не перестаетъ изъ-за этого служить удовлетворенію нуждъ каждаго жителя, и всякій, кто пьетъ, пьетъ воду изъ рѣки. Люди, которые не владѣютъ водою рѣки, получаютъ ее, отдавая свой трудъ; такъ что съ полнымъ правомъ можно сказать, что воду получаетъ всякій или какъ собственникъ рѣки, или какъ трудящійся человѣкъ, создаю-

шіе предметы, которые въ концѣ-концовъ обмѣниваются на воду“.

Успокоилось ли бы негодование вашего святѣйшества? Не возросло ли бы оно отъ того поруганія, какому подвергался бы разумъ при такомъ оправданіи?

Я не вижу необходимости болѣе точнымъ образомъ доказывать вашему святѣйшеству, что разница между установленіемъ, при которомъ человѣкъ совершенно лишается Божіихъ даровъ, и установленіемъ, при которомъ человѣкъ лишается Божіихъ даровъ до тѣхъ поръ, пока ихъ не купить, есть только лишь разница между разбоемъ, при которомъ бросаютъ умирающую жертву, и разбоемъ, при которомъ берегутъ ее для выкупа. Но мнѣ хотѣлось бы показать, насколько ваше утвержденіе, будто „земля, хотя и раздѣленная между частными собетвенниками, не перестаетъ чрезъ это служить удовлетворенію нуждъ каждаго“, стоитъ въ противорѣчій съ наиболѣе крупными фактами.

Изъ вашего дворца въ Ватиканѣ открывается видъ на Кампанью, обширное пространство которой только лишь теперь начинаетъ дѣлаться пригоднымъ для человѣческихъ поселеній благодаря благочестивому труду религіозныхъ обществъ и усиліямъ государства. А нѣкогда все пространство это обрабатывалось трудолюбивыми хозяевами и усѣяно было веселыми поселками. Что же привело эту страну къ ея многолѣтнему запустѣнію? Исторія говоритъ намъ объ этомъ. Причиной была частная собственность на землю: ростъ крупныхъ помѣстій, въ которомъ Плиній видѣлъ погибель древней Италіи,—та самая причина, которая, вызвавъ неурожай на людей, допустила вторженіе готовъ и вандаловъ, дала Римской Британіи культъ Одина и Тора, опустошила богатые, населенныя провинціи Восточной Имперіи, склонивъ обезсиленное оружіе порѣдѣвшихъ легионовъ предъ палашами магометанскихъ завоевателей, попрадала крестъ

на гробницѣ нашего Господа и воздвигла полумѣсяцъ на церкви святой Софіи!

Если бы вы отправились въ Шотландію, то вы увидѣли бы тамъ огромныя пространства земли, на которыхъ, при гальской системѣ владѣнія, признававшей за каждымъ человекомъ право на землю для прокормленія, выращивались поколѣнія крѣпкихъ людей. А теперь эти пространства, благодаря признанію частной собственности на землю, находятся во власти дикихъ звѣрей. Если бы вы отправились въ Ирландію, то ваши епископы показали бы вамъ на тѣхъ земляхъ, гдѣ теперь пасутся овцы, слѣды поселеній, въ которыхъ они видѣли, когда были молодыми священниками, честныхъ, ласковыхъ, религіозныхъ жителей.

Если бы вы поѣхали Соединенные Штаты, то въ этой странѣ, достаточно обширной и богатой, чтобы поддерживать въ благоденствіи населенія цѣлой Европы, вы замѣтили бы ростъ чувства, которое побуждаетъ относиться враждебно къ прибытію новыхъ поселенцевъ. Благодаря частной собственности на землю у насъ сказывается искусственный недостатокъ въ землѣ, и потому кажется, что у насъ нѣтъ мѣста и работы даже для существующаго населенія.

Отправьтесь къ антиподамъ, и въ Австраліи, какъ въ Англіи, вы замѣтите то же дѣйствіе частной собственности на землю: огромныя пространства голой земли и скопленіе большей части народонаселенія въ городахъ. Отправьтесь въ любую страну, гдѣ только еще начинаютъ чувствоваться силы освобождаемыя современной изобрѣтательностью, и вы всюду увидите, что частная собственность на землю есть то проклятіе, возвѣщенное пророкомъ, которое побуждаетъ присоединять поле къ полю, такъ что другимъ не остается мѣста на землѣ.

Для простаго матеріалиста она есть грѣхъ и стыдъ. Станете ли защищать ее вы, человекъ, признающій этотъ

міръ Божимъ твореніемъ и утверждающій, что наша земная жизнь есть лишь переходъ къ болѣе высокой жизни?

4. Трудъ, затраченный на землю, даетъ право на самую землю, и при земельныхъ улучшеніяхъ создаются блага, неотличимыя и неотдѣлимыя отъ самой земли.

Это утвержденіе, будь оно основательно, могло бы оправдывать владѣніе землей, какъ собственностью, лишь для тѣхъ людей, которые затрачиваютъ на ней свой трудъ. Но имъ никоимъ образомъ не оправдывалось бы существующее право собственности на землю. Напротивъ, имъ оправдывался бы повсемѣстный отказъ отъ платежа ренты съ тѣмъ, чтобы земля взята была изъ рукъ тѣхъ лицъ, которыя теперь по закону владѣютъ ею—помѣщиковъ, и перешла бы къ съемщикамъ земли и работникамъ. И будь справедливо, что земельныя улучшенія не могутъ быть отличены и отдѣлены отъ земли, развѣ могли бы помѣщики предъявлять свои права даже на *сдѣланныя ими* улучшенія?

Но вы, ваше святѣйшество, конечно, хотѣли сказать этими словами не то, что выражается ими. Насколько я понимаю, вы хотѣли сказать ими, что первичнымъ оправданіемъ и основой права собственности на землю является затрата труда на этой землѣ. Однако и отсюда нельзя вывести оправданія для существующаго права частной собственности на землю. Ибо едва ли кто откажется признать универсальной истиной, что существующее право частной собственности на землю имѣетъ своимъ началомъ не приложеніе труда къ землѣ, а или насиліе или обманъ.

Возьмите Италію. Развѣ не справедливо, что землей этой страны большею частью владѣютъ лица, которыя не только не затрачивали труда на ней, а всегда были лишь присвоителями труда людей, которые его затрачивали? Развѣ не справедливо это также относительно Великобританіи и другихъ странъ? Это справедливо даже относительно Соеди-

ненныхъ Штатовъ, несмотря на то, что силы концентраціи не имѣли еще времени, чтобы вполнѣ проявить тамъ свое дѣйствіе, и несмотря на попытки сохранить землю за людьми, которые ее обрабатываютъ. Можно думать, что большей частью нашей земли владѣютъ въ настоящее время тѣ люди, которые никогда не обрабатывали и никогда не думали обрабатывать землю своими руками, но которые владѣютъ землею только для того, чтобы брать съ другихъ людей плату за позволеніе обрабатывать ее.

И если затрата труда даетъ право собственности на землю, то гдѣ предѣлы этого права? Если человѣкъ можетъ пріобрѣтать право собственности на нѣсколько квадратныхъ миль земли вслѣдствіе того, что онъ пасетъ на ней овецъ, то сохраняетъ ли онъ за собой и своими наслѣдниками право на эту землю въ томъ случаѣ, когда въ ней оказывается богатая рудная залежь или когда, вслѣдствіе роста народонаселенія и прогресса общества, въ ней начинается чувствоваться надобность для земледѣлія, для садоводства или для тѣсныхъ построекъ большого города? Гдѣ возникло право тѣхъ людей, которые владѣютъ въ настоящее время землей, занятой Нью-Йоркомъ и имѣющей цѣнность нѣсколькихъ милліардовъ долларовъ? Признаете ли вы началомъ его право, пріобрѣтенное трудомъ тѣхъ людей, которые впервые пользовались этой землей, пася коровъ и выращивая картофель?

Однако ваше утвержденіе, и при какихъ бы то ни было ограниченіяхъ, не можетъ быть признано основательнымъ. Трудъ, затраченный на землѣ, даетъ право собственности на плоды этого труда, но не на самую землю, все равно, какъ трудъ, затраченный въ океанѣ, даетъ право собственности на пойманную въ немъ рыбу, но не на самый океанъ. Невѣрно и то, будто право собственности на землю необходимо для обезпеченія плодовъ труда, затраченнаго на этой землѣ; неvěрно и то, будто при улучшеніяхъ въ землѣ со-

здаются блага, неотличимыя и неотдѣлимыя отъ самой земли. Для пользованія землей и улучшеній въ ней, какъ я уже объяснилъ, необходима обеспеченность владѣнія; право же собственности для этихъ цѣлей отнюдь не необходимо, какъ это можно усмотрѣть изъ того факта, что во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ земля обыкновенно составляетъ собственность однихъ лицъ, а обрабатывается и утилизируется другими. Большая часть пахотной земли на Британскихъ островахъ, какъ въ Италіи и другихъ странахъ, обрабатывается не собственниками ея, а съемщиками. Подобнымъ же образомъ самыя дорогія зданія сплошь и рядомъ воздвигаются на землѣ не собственниками ея, но тѣми лицами, которыя получили отъ собственниковъ лишь право владѣнія ею на нѣкоторое время при условіи уплаты имъ извѣстнаго вознагражденія. Почти весь Лондонъ построенъ такимъ образомъ, и въ Нью-Йоркѣ, Чикаго, Денверѣ, Санъ-Франциско, Сидней и Мельбурнѣ, какъ и въ городахъ Европы, собственниками множества огромныхъ зданій являются обыкновенно не собственники земли, а постороннія лица. Цѣнность улучшеній не только не отдѣлима отъ цѣнности земли, но на самомъ дѣлѣ постоянно отдѣляется отъ нея при разнаго рода сдѣлкахъ между частными лицами. Недавно, на примѣръ, была продана отдѣльно половина земли, на которой построенъ огромный Тихоокеанскій отель въ Чикаго, а на Цейлонѣ признается обыкновеннымъ явленіемъ, что фруктовое дерево принадлежитъ одному лицу, а земля подъ нимъ—другому.

На самомъ дѣлѣ, всякое улучшеніе въ землѣ или на землѣ, состоитъ ли оно въ расчисткѣ ея, въ пахотѣ, въ унавоженіи, въ засаживаніи растеніями, въ выкапываніи погребовъ, въ разрытіи ключей, или въ постройкѣ домовъ, до тѣхъ поръ, пока оно сохраняетъ свою полезность, всегда имѣетъ цѣнность, ясно отличимую отъ цѣнности самой земли. Ибо земля, заключающая въ себѣ такого рода улучшенія,

всегда продается или сдается въ аренду за цѣну высшую, чѣмъ подобная же земля безъ улучшеній.

Стало бытъ, если государство обложить землю налогомъ, равнымъ доходу съ этой земля, не зависящему отъ улучшеній, то оно будетъ брать себѣ лишь прибыль отъ права собственности на землю, оставляя въ неприкосновенности прибыль отъ пользованія ею и улучшеній въ ней, чего отнюдь не дѣлаютъ господствующія системы налоговъ. Лица, которымъ принадлежитъ земля, съ формальной стороны попрежнему оставались бы ея собственниками. Во всякое время они могли бы передать другимъ людямъ или продать какъ свое владѣніе, такъ и улучшенія въ немъ, имѣя предъ собой лишь уплату государству налога съ цѣнности земли. Потому они во всей полнотѣ сохраняли бы въ своемъ обладаніи и распоряженіи то количество собственности, которое было внесено въ ихъ землю или накоплено въ ней затратой ихъ труда или приложеніемъ ихъ капитала.

Какъ видите, предлагаемая нами мѣра обезпечивала бы, какъ не можетъ обезпечить ничто другое, тотъ порядокъ вещей, который вы съ полнымъ основаніемъ признаете законнымъ и справедливымъ, говоря, что „результаты труда должны принадлежать тому, кто трудился“. А частная собственность на землю, позволяя собственнику брать въ свою пользу безъ соотвѣтственнаго вознагражденія государству ту цѣнность, которая возникаетъ въ землѣ вслѣдствіе общественнаго роста и улучшеній, отнимаетъ результаты труда у того, кто трудился, и отдаетъ ихъ другимъ людямъ. Ибо только трудъ, какъ активный факторъ, есть производитель всякаго богатства. Простое право собственности не производитъ ничего. Такъ сильно повелѣніе Бога: „въ потѣ лица твоего будешь ѣсть хлѣбъ“, что человекъ могъ бы владѣть міромъ и все же безъ труда не могъ бы добыть себѣ пищи или снабдить себя одеждой. И когда собственники земли въ силу своего права собственности, не трудясь, въ изоби-

ли приобрѣтають продукты труда, то всѣ эти продукты имѣють одно происхожденіе. Они созданы были въ потѣ лица другими людьми, были отобраны отъ того, кто имѣлъ на нихъ право, и отданы тому, кто не имѣлъ его.

Единственное преимущество частной собственности на землю предъ правомъ владѣнія выражается въ несчастной возможности для собственника брать произведенія труда, которыя не были выработаны имъ. Ибо до тѣхъ поръ, пока земля не станетъ давать своему собственнику нѣкоторое вознагражденіе, свѣше вознагражденія за трудъ и капиталъ, затраченные имъ на ней, другими словами, до тѣхъ поръ, пока собственникъ земли не приобрѣтетъ возможности, путемъ продажи ея или отдачи въ аренду, получать отъ нея продукты труда,—до тѣхъ поръ право собственности на эту землю сводится лишь къ обезпеченности владѣнія и не имѣетъ никакой цѣны. Право это начинаетъ получать значеніе и цѣну лишь тогда, когда оно станетъ давать или обѣщать доходъ,—другими словами, когда обладатель этого права, въ качествѣ такового, получитъ возможность приобрѣтать произведенія труда безъ затраты его съ своей стороны и такимъ образомъ пользоваться плодами чужого труда.

Что всего болѣе препятствуетъ людямъ видѣть грабежъ, заключающійся въ частной собственности на землю, такъ это то обстоятельство, что въ случаяхъ, наиболѣе бросающихся въ глаза, грабежу этому подвергаются не индивидуумы, а общество. Рента, въ экономическомъ смыслѣ, то есть та цѣнность, которая возникаетъ въ землѣ благодаря росту и усовершенствованію общества,—какъ я уже объяснялъ ранѣе,—никоимъ образомъ не можетъ доставаться лицамъ, пользующимся землею. Она можетъ доставаться лишь собственникамъ земли или обществу. Такимъ образомъ тѣ люди, которые выплачиваютъ огромныя суммы въ видѣ ренты за пользованіе землей въ такихъ центрахъ, какъ Лондонъ и Нью-Йоркъ, лично не подвергаются обидѣ. Лично

они получают въ возвратъ все то, что уплачивается ими, и они сознаютъ притомъ, что на бесплатное пользованіе какой-либо особенно выгоднойъ землей они имѣютъ не больше права, чѣмъ тысячи другихъ людей. И потому, не думая и не заботясь объ интересахъ общества, они не возражаютъ противъ такой системы.

Недавно обнаружилось въ Нью-Йоркѣ, что нѣкій господинъ, не имѣя никакихъ правъ собственности или владѣнія, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ собиралъ ренту съ участка земли, который получилъ большую цѣнность вслѣдствіе роста города. Лицамъ, которыя уплачивали эту ренту, никогда и въ голову не приходило спросить себя, имѣетъ ли на нее право тотъ, кому они ее платятъ. Они сознавали, что сами они не имѣютъ права на землю, пользоваться которой бесплатно пожелало бы множество другихъ лицъ, а о правѣ всѣхъ они не думали и не заботились.

5. *Частная собственность на землю оправдывается общимъ мнѣніемъ человечества, она ведетъ къ миру и спокойствію и санкціонируется божественнымъ закономъ.*

Если бы и на самомъ дѣлѣ общее мнѣніе человечества санкціонировало частную собственность на землю, то все же это доказывало бы справедливость ея не болѣе, чѣмъ нѣкогда всеобщее признаніе рабства — справедливость рабства.

Но на самомъ дѣлѣ этого нѣтъ. Изслѣдованіе показываетъ, что согласно первымъ представленіямъ человечества всюду, гдѣ мы можемъ ихъ обнаружить, неуклонно признается равенство правъ на землю; когда же становится необходимымъ личное владѣніе для обезпеченія права собственности на предметы, произведенные трудомъ, то для обезпеченія равнаго права на землю принимаются тѣ или другія мѣры, соотвѣтственно степени общественнаго развитія. Такъ, среди нѣкоторыхъ народовъ вся обрабатываемая земля подвергалась періодическимъ раздѣламъ, а пастбища и лѣсныя

земли сохранялись въ общемъ владѣніи. Среди другихъ народовъ каждому семейству дозволялось брать себѣ подъ усадьбу и подъ обработку столько земли, сколько ему требовалось; но лишь только оно переставало пользоваться своей землей, какъ всякая другая семья получала право занять ее на тѣхъ же условіяхъ. Подобный же характеръ имѣли земельные законы Моисеева кодекса: земля, раздѣленная сначала съ полнымъ равенствомъ между населеніемъ, была сдѣлана затѣмъ неотчуждаемою при помощи учрежденія юбилейныхъ годовъ, наступавшихъ чрезъ каждыя сорокъ девять лѣтъ, когда вся она, хотя бы и проданная, возвращалась къ дѣтямъ ея первыхъ владѣльцевъ.

Частная собственность на землю, въ томъ видѣ, въ какомъ она извѣстна намъ, какъ приложеніе къ землѣ того самаго права, какое справедливо прилагается къ производеніямъ труда, никогда и нигдѣ не возникала иначе, какъ путемъ захвата или насилія. Подобно рабству, она является слѣдствіемъ войны. Она досталась намъ, людямъ новаго міра, отъ вашихъ предковъ—римлянъ, которыхъ цивилизацію она извратила и власть уничтожила.

Объединяясь съ болѣе свободнымъ духомъ сѣверныхъ народовъ, она выродилась въ феодальную систему, при которой, хотя равенство и было замѣнено подчиненіемъ, все же сохранялось еще грубое признаніе принципа общности правъ на землю. Ленъ, въ сущности, былъ имѣніемъ, управляемымъ по довѣрію, и пользованіе имъ было связано съ извѣстными обязательствами. Государь, представитель цѣлаго народа, былъ единственнымъ собственникомъ земли. Отъ него прямо или косвенно получали свои права ленники, владѣвшіе землей на условіи отправленія разнаго рода обязанностей и уплаты повинностей. А въ этихъ платежахъ и повинностяхъ воплощалась какъ разъ та самая идея отобранія земельныхъ цѣнностей въ общую пользу, которую мы желаемъ провести въ жизнь подъ видомъ единаго налога. Съ коронныхъ зе-

мель получались средства для содержанія короля и оплаты цивиль-листа; церковныя земли были источникомъ для уплаты расходовъ на общественное богослуженіе и образованіе, на призрѣніе больныхъ, нуждающихся и странниковъ, тогда какъ военныя владѣнія доставляли средства для государственной защиты и для покрытія расходовъ на войны. Четвертый и наиболѣе крупный разрядъ земель оставался въ общемъ владѣніи, при чемъ все окрестное населеніе имѣло право пасти на такихъ земляхъ скотъ, рубить лѣсъ или какъ-либо иначе сообща пользоваться ими.

И въ этомъ частичномъ, но существенномъ, признаніи общаго права на землю слѣдуетъ видѣть причину, почему въ то время, когда промышленность была груба, войны часты, а великія открытія и изобрѣтенія нашего времени неизвѣстны, положеніе рабочихъ было далеко отъ той гнетущей бѣдности, которая господствуетъ теперь всюду, несмотря на наши удивительные успѣхи. Говоря объ Англіи, наивысшій авторитетъ въ предметахъ такого рода, покойный профессоръ Сорольдъ Роджерсъ заявлялъ, что въ тринадцатомъ столѣтіи тамъ не было класса столь бѣднаго, столь безпомощнаго, столь угнетеннаго и униженнаго, какъ милліоны англичанъ въ нашемъ хваленомъ девятнадцатомъ вѣкѣ, и что если исключить голодные годы, то нельзя было въ то время встрѣтить рабочаго, который боялся бы, въ случаѣ своей смерти, оставить жену и дѣтей безъ хлѣба. Какъ ни темно и грубо во многихъ отношеніяхъ было то время, однако это было время, за которое построены были соборы и церкви, еще и теперь вызывающіе удивленіе въ своихъ развалинахъ; время, когда Англія не знала государственнаго долга, законовъ о бѣдныхъ, постоянной арміи, потомственныхъ нищихъ и той массы человѣческихъ существъ, которая, вставая утромъ, не знаетъ, гдѣ склонить голову вечеромъ.

Съ паденіемъ феодальной системы установилась система частной собственности на землю, погубившая Римъ. Отно-

сительно Англии ходъ дѣла можетъ быть кратко представленъ въ такомъ видѣ. Коронныя земли по большей части были розданы фаворитамъ. Церковныя земли были раздѣлены между своими придворными Генрихомъ VIII, а въ Шотландіи захвачены были дворянствомъ. Военныя владѣнія въ семнадцатомъ вѣкѣ перешли окончательно въ частную собственность, и повинности съ нихъ возмѣщены были налогомъ на предметы потребленія, а земли, находившіяся въ общемъ пользованіи, кромѣ малой части ихъ, были захвачены крупными собственниками, которые начали отгораживать ихъ еще со времени Тюдоровъ и продолжаютъ до нашихъ дней. Въ то же время частная собственность на землю была распространена на Ирландію и Шотландское плоскогорье, — гдѣ помощью меча, гдѣ помощью подкупа начальниковъ. Тогда какъ однихъ повинностей съ военныхъ земель, будь онѣ реорганизованы, а не уничтожены, въ настоящее время, вѣроятно, было бы болѣе чѣмъ достаточно для покрытія всѣхъ существующихъ общественныхъ расходовъ, безъ всякаго обращенія къ другимъ налогамъ.

Добавимъ нѣсколько словъ о Новомъ Свѣтѣ, который по своимъ учрежденіямъ является лишь продолженіемъ Европы. Отсталость Испанской Америки и постоянныя смуты среди ея обуславливаются здѣсь именно раздѣломъ земли на огромныя помѣстья. Рабство въ Южныхъ Штатахъ было обязано своимъ прочнымъ положеніемъ тоже существованію крупныхъ плантацій. Болѣе сѣверныя поселенія послѣдовали стариннымъ англійскимъ традиціямъ и ввели болѣе или менѣе справедливое дѣленіе земли между поселенцами, при чемъ попытки установить среди нихъ помѣстныя владѣнія или вовсе ни къ чему не приводили, или приводили лишь къ ничтожнымъ результатамъ. И именно это обстоятельство въ концѣ-концовъ было причиной болѣе сильнаго роста Сѣверныхъ Штатовъ. Но еще до конца колониальнаго періода нашей исторіи въ англійской мысли утвердилось стремленіе отно-

ситься къ землѣ, какъ къ предмету частной собственности, и это стремленіе сказалось также въ нашей странѣ какъ въ сферѣ общегосударственной политики, такъ и въ области законодательства отдѣльныхъ штатовъ. Земля, правда, первоначально продавалась у насъ по очень дешевой цѣнѣ и ею надѣлялись дѣйствительно нуждающіеся, тѣмъ не менѣе она продавалась также въ огромныхъ количествахъ спекулянтамъ, и огромныя пространства ея передавались въ вѣдѣніе желѣзнодорожныхъ и другихъ обществъ. Въ концѣ-концовъ въ странѣ, гдѣ поколѣніе тому назадъ земельные запасы казались неисчерпаемыми, теперь уже вовсе не оказывается государственной земли. И это, какъ показываетъ опытъ другихъ странъ, является естественнымъ слѣдствіемъ установленія частной собственности на землю среди развивающагося государства. Когда владѣніе землей начинаетъ означать собой пріобрѣтеніе незаработаннаго дохода, тогда овладѣваютъ ею лишь сильные и неразборчивые въ средствахъ люди. Но когда, — какъ мы предлагаемъ, — экономическая рента, „незаработанный приростъ дохода“, станетъ отбираться государствомъ въ пользу общества, тогда земля станетъ переходить въ руки людей, которые трудятся на ней, и будетъ оставаться въ ихъ рукахъ; ибо какова бы ни была цѣнность ея, а владѣніе ею будетъ тогда прибыльнымъ только лишь для трудящихся.

Что же касается того утвержденія, будто частная собственность на землю содѣйствуетъ миру и спокойствію человѣческой жизни, то оно находится въ явномъ противорѣчій съ общеизвѣстными фактами. Борьба за землю во всѣ времена была неизсякаемымъ источникомъ войнъ и правонарушеній, и именно бѣдность, порождаемая частной собственностью на землю, дѣлаетъ тюрьмы и рабочіе дома роковымъ слѣдствіемъ того, что мы называемъ христіанской цивилизаціей.

Вы указываете, ваше святѣйшество, что божественный

законъ даетъ свою санкцію частной собственности на землю, и приводите слова Второзаконія: „Не желай жены ближняго твоего и не желай дома ближняго твоего, ни поля его, ни раба его, ни рабы его, ни вола его, ни осла его, ни всего, что есть у ближняго твоего“.

Ваше святѣйшество даетъ понять, что это включеніе словъ „ни поля его“ слѣдуетъ принимать за санкціонированіе частной собственности на землю въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ теперь. Но если это такъ, то и слова „ни раба его, ни рабы его“ того болѣе слѣдуетъ принимать за санкцію личнаго рабства. Ибо очевидно изъ другихъ постановленій того же кодекса, что термины эти относятся какъ къ временно-обязаннымъ, такъ и къ пожизненнымъ рабамъ. Однако въ словѣ „поле“ заключается мысль о пользованіи и улучшеніи, къ которымъ приурочивается право владѣнія и собственности на самую землю. И что упоминаніе о полѣ никоимъ образомъ не представляетъ изъ себя санкціи частной собственности на землю въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ въ настоящее время, — въ этомъ мы можемъ убѣдиться изъ самаго Моисеева кодекса. Онъ самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергалъ подобное неограниченное право собственности, провозглашая отъ лица Бога: „землю не должно продавать навсегда, ибо Моя земля: вы пришельцы и поселенцы у Меня“; а установленное имъ возвращеніе земли черезъ каждыя сорокъ девять лѣтъ, — мѣропріятіе, соответствовавшее первобытной промышленной организаціи того народа и времени, — обезпечивало за каждымъ человѣкомъ возможность пользоваться землею для своего существованія.

Въ сущности, во всемъ священномъ писаніи нельзя найти ни малѣйшаго оправданія для распространенія на землю того самаго права собственности, которое по справедливости прилагается къ предметамъ, произведеннымъ трудомъ. Земля всюду разсматривается въ немъ, какъ свободный даръ Бо-

жвѣй благодати, какъ полученное отъ Бога достояніе всего народа.

6. *Отецы* должны доставлять пропитаніе своимъ дѣтямъ, и частная собственность на землю необходима, чтобы дать имъ къ тому возможность.

Все то, что говоритъ ваше святѣйшество относительно святости семейнаго союза, мы вполнѣ признаемъ. Но какимъ образомъ обязанности отца въ отношеніи ребенка могутъ оправдывать частную собственность на землю, этого мы не можемъ понять. Вы разсуждаете, что частная собственность на землю требуется для выполненія обязанностей отца и что, въ виду этого, она необходима и справедлива, ибо „является самымъ святымъ закономъ природы, что отецъ долженъ доставлять пропитаніе и все необходимое для тѣхъ, кого онъ породилъ; подобнымъ образомъ природа повелѣваетъ также, чтобы дѣти человѣка, которыя какъ бы распространяютъ и продолжаютъ его личность, получали бы отъ него все необходимое для того, чтобы имѣть возможность съ достоинствомъ удерживать себя отъ нужды и нищеты при всѣхъ превратностяхъ нашей земной жизни. Но отецъ никакимъ другимъ путемъ не можетъ осуществить этого иначе, какъ владѣя прибыльной собственностью, которую онъ можетъ передавать своимъ дѣтямъ въ наслѣдство“.

Божественная предусмотрительность связала одно съ другимъ поколѣнія людей. Она окружила насъ самой нѣжной любовью при нашемъ вступленіи въ міръ и смягчила сыновней преданностью наше удаленіе изъ него. Для отца является какъ долгомъ, такъ и радостью заботиться о дѣтяхъ, пока не окрѣпнутъ ихъ силы, а затѣмъ въ естественномъ порядкѣ становится долгомъ и привилегіей дѣтей быть опорой для родителей. Это естественная основа того брачнаго союза, который является для людей источникомъ са-

мыхъ глубокихъ, нѣжныхъ и чистыхъ радостей и который католическая церковь оберегала съ неусыпной бдительностью.

Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ мы, дѣйствительно, нуждаемся въ заботливости своего отца по плоти. Но какъ ничтожна, какъ преходяща, какъ ограничена эта потребность сравнительно съ нашей постоянной нуждой въ заботливости Того, въ Комъ мы живемъ, движемся и существуемъ,— Нашего Отца, который на небесахъ! Къ Нему, „подателю всякаго добраго и совершеннаго дара“, а не къ отцамъ нашимъ по плоти, училъ насъ обращаться Христосъ съ молитвой: „Хлѣбъ нашъ насущный дай намъ на сей день“. И какъ вѣрно, что лишь чрезъ Него существуютъ поколѣнія людей! Пусть средняя температура земли повысилась бы или понизилась на нѣсколько градусовъ, — на количество ничтожное сравнительно съ тѣми измѣненіями, которыя производятся въ нашихъ лабораторіяхъ,—и человечество стало бы гибнуть, какъ таетъ ледъ подъ лучами тропическаго солнца или падаютъ листья отъ прикосновенія мороза.

Долгъ родителей передать своимъ дѣтямъ въ наслѣдство прибыльную собственность, которая дала бы имъ возможность удерживать себя отъ нужды и нищеты въ превратностяхъ земной нашей жизни! То, что невозможно, не можетъ быть долгомъ. Какимъ образомъ родители будутъ въ состояніи выполнить его? Вы не вникли, ваше святѣйшество, насколько человечество живетъ, въ сущности, „изъ рукъ да въ ротъ“, на каждый день получая для себя свой насущный хлѣбъ; какъ мало одно поколѣніе оставляетъ и можетъ оставить другому. Представляется сомнительнымъ, чтобы богатство цивилизованнаго міра равнялось во всей своей совокупности тому, что производится за одинъ годъ, и навѣрное можно сказать, что если бы пріостановилась трудовая дѣятельность и люди стали бы разсчитывать лишь на существующія накопленія, то самое большее чрезъ нѣсколько дней въ бога-

тѣйшихъ странахъ обнаружилась бы повальная заболѣванія и голодъ.

Прибыльная собственность, о которой говоритъ ваше святѣйшество, есть частная собственность на землю. А прибыльная земля, какъ въ этомъ согласны всѣ экономисты, есть земля, превосходящая по своимъ качествамъ ту, которую можетъ имѣть всякій человѣкъ. Это—земля, которая можетъ доставлять доходъ собственнику, какъ таковому, и которая можетъ, значить, дать своему собственнику возможность брать въ свою пользу произведенія труда безъ всякой съ его стороны работы,—земля, доходность которой обусловливается ограбленіемъ другихъ лицъ. Потому оставлять своимъ дѣтямъ прибыльную землю возможно лишь для нѣкоторыхъ отцовъ. Стало быть, ваше святѣйшество, въ сущности, провозглашаетъ, что долгъ каждаго отца заключается въ борьбѣ изъ-за того, чтобы оставить своимъ дѣтямъ наслѣдство, которое могутъ оставить лишь немногіе, особенно сильные, счастливые, особенно неразборчивые въ средствахъ,—наслѣдство, которымъ предполагается ограбленіе другихъ людей, лишеніе ихъ матеріальныхъ даровъ Бога.

Это противохристіанское ученіе издавна примѣнялось къ дѣлу всюду въ цивилизованномъ мірѣ. Каковы же его результаты?

Не заключаются ли они въ томъ самомъ злѣ, на которое вы указываете въ вашемъ окружномъ посланіи? Развѣ не это ученіе лишаетъ людей возможности оградить себя отъ нужды и нищеты среди превратностей ихъ земной жизни? Развѣ не оно осуждаетъ огромную массу людей на нужду и нищету, которыя отнюдь не представляютъ изъ себя естественныхъ условій нашей жизни и которыя распространены среди насъ несравненно болѣе, чѣмъ среди язычниковъ дикарей? При господствѣ частной собственности на землю даже въ наиболѣе богатыхъ странахъ не болѣе пяти процентовъ родителей оставляетъ своимъ дѣтямъ мало-мальски значительное наслѣдство,

а огромное большинство умираетъ, вѣроятно, не оставивъ даже средствъ на свое погребеніе! Немногія дѣти остаются послѣ родителей съ большимъ богатствомъ, чѣмъ то, какое было бы полезно для нихъ, но огромное большинство остается послѣ своихъ родителей не только безъ всякихъ средствъ, но лишается еще даже благодати своего небеснаго Отца благодаря системѣ, которая дѣлаетъ землю частной собственностью. Огромное большинство принуждено бываетъ вымаливать у нѣкоторыхъ лицъ позволеніе жить, работать и трудиться всю свою жизнь изъ-за милостыни, которой часто не хватаетъ даже для того, чтобы избѣжать голодной смерти и нищеты.

На чемъ вы настаиваете, ваше святѣйшество, — конечно, сами того не замѣчая, — такъ это, въ сущности, на томъ, чтобы земные отцы приняли на себя дѣло Небеснаго Отца. Одно поколѣніе никоимъ образомъ не можетъ заготовить для людей смѣняющаго его другаго поколѣнія „все необходимое для того, чтобы съ достоинствомъ удерживать себя отъ нужды и нищеты“. Это можетъ быть лишь въ Божьихъ силахъ. Мы не болѣе создаемъ нашихъ дѣтей, чѣмъ создаемъ нашихъ отцовъ. Никто другой, какъ Богъ, является Творцомъ каждаго послѣдующаго поколѣнія, равно какъ и всякаго предшествующаго. И, говоря вашими словами (7), „природа, слѣдовательно, должна была заготовить для человѣка запасъ, изъ котораго онъ могъ бы постоянно удовлетворять свои повседневныя нужды. И этимъ запасомъ является именно неистощимое плодородіе земли“. *Теперь* же вы утверждаете, что долгъ каждаго человѣка состоитъ въ удовлетвореніи нуждъ *своихъ* дѣтей путемъ захвата этого запаса, лишая чужихъ дѣтей того изобилія средствъ къ жизни, которое было заготовлено Богомъ для всѣхъ.

Долгъ отца въ отношеніи своего ребенка можетъ быть лишь долгомъ, выполнимымъ для каждаго отца. Въ чемъ можетъ онъ состоять, какъ не въ томъ, чтобы, сознательно

относясь къ своимъ поступкамъ, учить и воспитывать своего ребенка такъ, чтобы онъ достигъ зрѣлаго возраста съ здоровымъ тѣломъ, облагороженнымъ умомъ, привычками къ добродѣтели, благочестію и трудолюбію? Въ чемъ можетъ состоять долгъ отца, какъ не въ заботѣ о томъ, чтобы ребенокъ его вступалъ въ жизнь при такомъ состояніи общества, которое открывало бы ему и всѣмъ другимъ свободный доступъ къ благодати Творца, къ Его отеческимъ заботамъ?

Понимая такъ свой долгъ, всякій отецъ сдѣлаетъ для обезпеченія своихъ дѣтей отъ нужды и нищеты болѣе, чѣмъ сколько могутъ сдѣлать теперь самые богатые изъ отцовъ, — сдѣлаетъ во столько разъ болѣе, во сколько заботливость Божія превосходитъ человѣческую. Ибо справедливость Божія смѣется надъ усиліями людей уклониться отъ нея, и тотъ всепроникающій законъ, который связываетъ вмѣстѣ человечество, заражаетъ богатыхъ страданіемъ бѣдняковъ. Достигаютъ ли своей цѣли даже тѣ немногія лица, которымъ удается, среди всеобщей борьбы, скопить для своихъ дѣтей богатство, безумно признаваемое за что-то, могущее избавить ихъ отъ нужды и нищеты среди превратностей нашей смертной жизни? Показываетъ ли намъ опытъ, что поставить ребенка выше его товарищей и дать ему возможность думать, что Божій законъ труда не распространяется на него, значитъ оказать ему благодѣяніе? Не является ли такое богатство скорѣе проклятіемъ, чѣмъ благословеніемъ; не разрушаетъ ли его ожиданіе сыновнюю любовь и не вноситъ ли оно въ семьи раздоръ и злобу? И оказываются ли даже наиболѣе богатые и сильные въ состояніи избавить на болѣе или менѣе долгое время своихъ дѣтей отъ общей участи? Вѣдь не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что кровь властителей міра течетъ нынѣ въ жилахъ лаццарони, и потомки королей и принцевъ ютятся въ трущобахъ и рабочихъ домахъ.

Но при томъ состояніи общества, котораго мы домогаемся, когда былъ бы уничтоженъ монополюный захватъ и расхищеніе Божьей благодати, когда плоды труда стали бы доставаться трудящимся, сдѣлалось бы возможнымъ для каждаго вести болѣе чѣмъ довольную жизнь при умѣренномъ трудѣ. А люди увѣчные или утратившіе способность къ труду, равно потерявшіе своихъ естественныхъ покровителей и кормильцевъ, могли бы получать наиболѣе полное содержаніе изъ того огромнаго и возрастающаго фонда, который Богъ припасъ для всего общества въ своемъ законѣ ренты; и они стали бы получать это содержаніе не какъ скупую и унижительную милостыню, а какъ нѣчто, по праву принадлежащее имъ, какъ обезпеченіе, которымъ можетъ пользоваться всякій членъ общества въ христіанскомъ государствѣ.

Такимъ образомъ выходитъ, что долгъ отца, его обязанность въ отношеніи дѣтей, не только не оправдываетъ частную собственность на землю, но, наоборотъ, безусловно осуждаетъ ее и требуетъ, въ виду наиболѣе важныхъ соображеній, чтобы она была отмѣнена простымъ и вѣрнымъ путемъ единаго налога.

Этотъ долгъ отца, эта обязанность въ отношеніи дѣтей не ограничивается лишь тѣми людьми, которые на самомъ дѣлѣ имѣютъ собственныхъ дѣтей, но распространяется на всѣхъ насъ, пришедшихъ въ зрѣлый возрастъ съ его правами и отвѣтственностью.

Развѣ Христосъ, поставивъ дитя посреди своихъ учениковъ, не сказалъ имъ, что ангелы такихъ младенцевъ всегда видятъ лицо Его Отца; что для того, кто соблазнитъ одного изъ малыхъ сихъ, было бы лучше, если бы ему повѣсили мельничный жерновъ на шею и потопили въ пучинѣ морской?

А въ чемъ же выражается въ настоящее время результатъ частной собственности на землю въ наиболѣе богатыхъ изъ такъ называемыхъ христіанскихъ странъ? Развѣ не въ томъ, что молодые люди боятся вступать въ бракъ; что су-

пруги бояться имѣть дѣтей; что дѣти или мрутъ отъ плохого питанія и ухода, или трудятся въ такое время, когда бы имъ надо было учиться или играть; что огромное количество ихъ достигаетъ зрѣлости уже съ истощенными мускулами, разбитыми нервами и разслабленнымъ мозгомъ, — вступаетъ въ жизнь при условіяхъ, которыя обрекаютъ ихъ не только на страданія, но даже на преступленія, которыя напередъ готовятъ ихъ къ тюрьмамъ и домамъ терпимости?

Если бы вы, ваше святѣйшество, приняли въ соображеніе все это, то вы, конечно, не стали бы защищать частную собственность на землю, а предали бы ее анаѣмъ!

7. Частная собственность на землю поощряетъ трудолюбіе, увеличиваетъ богатство, привязываетъ людей къ землѣ и своему отечеству.

Мысль, выраженная еще Артуромъ Юнгомъ, будто „чудо-дѣйственная сила собственности превращаетъ въ золото голый песокъ“, возникаетъ изъ того смѣшенія права собственности съ правомъ владѣнія, о которомъ я ранѣе говорилъ, при чемъ частной собственности на землю приписываетъ то дѣйствіе, какое обуславливается обезпеченностью владѣнія произведеніями труда. Для меня нѣтъ надобности доказывать снова, что перемѣна, которую мы предлагаемъ, — то-есть отобраніе въ пользу общества земельной цѣнности или экономической ренты въ видѣ налога и отмѣна всѣхъ другихъ налоговъ, — привела бы къ несравненно большому, чѣмъ теперь, обезпеченію за каждымъ человѣкомъ, пользующимся землею, плодовъ его труда и прочности его владѣнія. Нѣтъ необходимости и въ доказательствѣ того, что она дала бы также домашній очагъ тому, кто лишенъ теперь дома, и привязала бы людей къ своей странѣ. Ибо при той системѣ каждый, кто нуждался бы въ участкѣ земли для усадьбы или для какого-либо производительнаго употребленія, могъ бы получить его, не уплачивая покупной цѣны, и затѣмъ владѣть имъ, даже не платя налоговъ. Налогъ, который мы

предлагаемъ, падалъ бы не на всякую землю и даже не на всякую землю, находящуюся въ употребленіи, а лишь на землю, превышающую по своимъ качествамъ самую плохую землю, находящуюся въ употребленіи. Онъ былъ бы, въ сущности, даже не налогомъ, а лишь вознагражденіемъ государству за пользованіе нѣкоторой цѣнной привилегіей. Даже тѣ люди, которые, вслѣдствіе какихъ-либо обстоятельствъ или вслѣдствіе особенностей своего занятія, не стремились бы къ болѣе или менѣе постоянному пользованію землей, даже и они были бы одинаково съ прочими заинтересованы въ землѣ своей страны и въ общемъ благосостояніи.

Я лишь попрошу ваше святѣйшество принять въ соображеніе то крайне неестественное положеніе, въ какомъ находится народная масса въ наиболѣе богатыхъ и прогрессивныхъ христіанскихъ странахъ; подумать о томъ, что огромная часть ея обитаетъ въ жилищахъ, въ которыя богатый человѣкъ не помѣстилъ бы своихъ собакъ, что значительное большинство населенія не имѣетъ пристанища, изъ котораго ихъ нельзя было бы выгнать при малѣйшемъ несчастіи, и что множество людей вовсе не имѣютъ дома, а должны искать его тамъ, гдѣ пошлетъ имъ его случай или благотворительность. Я попрошу ваше святѣйшество принять въ соображеніе, что огромное большинство населенія такихъ странъ вовсе не имѣетъ интереса въ томъ, что ихъ учатъ называть *своей* родной землей, за которую они должны при случаѣ, какъ это внушается имъ, сражаться или умирать. Какое право, на примѣръ, имѣетъ большинство вашихъ крестьянъ на землю своей родины? Могутъ ли они жить въ Италіи внѣ тюремъ или богадленъ иначе, какъ покупая на то привилегію у кого-либо изъ исключительныхъ собственниковъ страны? Не такимъ ли правомъ можетъ пользоваться также всякій англичанинъ, американецъ, арабъ или японецъ? Развѣ нельзя еще и теперь сказать то, что было сказано сотни лѣтъ тому назадъ Тиберіемъ Гракхомъ:

„Люди римскіе! вы называетесь властелинами міра, но не имѣете права ни на одинъ квадратный футъ земли! У дикихъ зверей есть свои логовища, а у воиновъ италійскихъ есть только вода и воздухъ!“

Это вѣрно относительно Италіи, вѣрно и относительно всего цивилизованнаго міра, и съ каждымъ днемъ пріобрѣтаетъ для насъ все большее и большее значеніе. Таковы неизбѣжные результаты частной собственности на землю среди прогрессирующей цивилизаціи.

8. Право частной собственности на землю проистекаетъ отъ природы, а не отъ человека; государство не властно отменить это право, и отобрать чуждость земельной собственности путемъ налога значило бы поступить несправедливо и жестоко въ отношеніи частныхъ собственниковъ.

Какъ и въ другихъ случаяхъ, ваше святѣйшество выражается объ этомъ въ неопредѣленныхъ терминахъ: „частная собственность“ и „частные собственники“, — неточность, которая, видимо, немало вредитъ ясности вашей собственной мысли. Однако контекстъ не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что подъ частной собственностью вы понимаете частную собственность на землю, а подъ частными собственниками — частныхъ собственниковъ земли.

Вы утверждаете, такимъ образомъ, что частная собственность на землю проистекаетъ отъ природы, а не отъ человека. Но это утвержденіе имѣетъ своей основой лишь смѣшеніе собственности съ владѣніемъ и приписываніе собственности на землю тѣхъ свойствъ, которыми обладаетъ лишь противоположная ей собственность на произведенія труда. Вы не потрудились дать этому утвержденію какую-либо иную основу, и никто никогда не основывалъ его на чемъ-либо иномъ. Что частная собственность на произведенія труда проистекаетъ отъ природы, — яено для всякаго, ибо природа даетъ предметы, составляющіе богатство, труду и только труду.

Относительно каждаго предмета такого рода мы знаемъ, что онъ явился, какъ отвѣтъ природы на затрату труда какимъ-либо лицомъ или какими-либо лицами, и данъ былъ природою прямо и исключительно этому лицу или этимъ лицамъ. Такимъ образомъ произведеніямъ труда какъ бы присуще право частной собственности, которое получаетъ свое начало и имѣетъ опору въ источникѣ собственности, производителѣ. Право это древнѣе государства и не подлежитъ его законодательному воздѣйствію, такъ что мы съ полнымъ основаніемъ признаемъ за нарушеніе естественнаго права и за несправедливость въ отношеніи частныхъ собственниковъ, когда государство облагаетъ налогомъ процессы и продукты труда. Они не принадлежатъ кесарю. Предметы, составляющіе результатъ труда, согласно волѣ Божіей, выраженной всюду въ природѣ, должны принадлежать людямъ, трудомъ которыхъ они произведены.

Но кто дерзнетъ отнести право личной собственности на землю къ какому-либо дарственному акту Творца земли? Чѣмъ отвѣчаетъ природа на такое право? Гдѣ признаетъ она его? Можетъ ли кто доказать, основываясь на сравненіи формъ тѣла, чертъ лица, роста или тѣлосложенія, на анатомическомъ изученіи органовъ или на анализѣ способностей и потребностей, что одни люди предназначены природою къ тому, чтобы быть собственниками земли, а другіе — жить на ней въ качествѣ ихъ арендаторовъ? Все то, что получаетъ свое существованіе отъ человѣка, и исчезаетъ подобно ему; все, что является, въ сущности, лишь проходящимъ выраженіемъ его труда, — конечно, можетъ быть исключительной собственностью человѣка и можетъ передаваться, какъ собственность, отъ одного лица къ другому. Но какимъ образомъ такое право индивидуальной собственности можетъ быть приурочено къ землѣ, которая существовала еще до человѣка и продолжаетъ существовать все время, пока приходятъ и уходятъ людскія поколѣнія, — къ тому

неистощимому запасу, который Творецъ далъ человѣку „для постояннаго удовлетворенія своихъ повседневныхъ нуждъ“.

Не подлежитъ сомнѣнью, что частная собственность на землю проистекаетъ отъ государства, а не отъ природы. Потому съ нравственной точки зрѣнія никоимъ образомъ нельзя возражать противъ того предложенія, чтобы государство отмѣнило ее. Напротивъ, частная собственность на землю является нарушеніемъ естественнаго права; въ ея существованіи выражается тяжкая несправедливость со стороны государства; „нечестивое противленіе благимъ намѣреніямъ Творца“, и нравственный долгъ государства—отмѣнить ее.

Отобравъ въ пользу общества всю цѣнность земельной собственности, мы не поступили бы несправедливо, — оставлять ее въ рукахъ частныхъ лицъ столь же несправедливо, какъ грабить и убивать.

И потому я увѣренъ, что ваше святѣйшество, понявъ это, ни на минуту не задумается надъ тѣмъ безстыднымъ требованіемъ, чтобы общество прежде, чѣмъ взять то, что пазначено ему Богомъ, прежде, чѣмъ вернуть обездоленнымъ людямъ ихъ естественныя права, сначала вознаградило те-перешнихъ собственниковъ земли.

Ибо вы поймете, что единый налогъ будетъ прямымъ и великимъ благодѣяніемъ для тѣхъ мелкихъ собственниковъ, которые будутъ чувствовать его болѣе, какъ работники и капиталисты, чѣмъ какъ землевладѣльцы. Вы поймете, что и крупные собственники, — тѣ состоятельные люди, между которыми, въ сущности, распредѣляются выгоды земельной собственности въ видѣ дохода отъ закладныхъ, арендныхъ взносовъ и т. п., — будутъ лишь относительно терять отъ этого налога; что абсолютно они будутъ тоже въ выигрышѣ отъ него вслѣдствіе возрастанія благоденствія и поднятія уровня нравственности. Но быстрѣе, сильнѣе и рѣшительнѣе всякихъ соображеній о выгодахъ или потеряхъ заговорить въ васъ при такомъ требованіи вашъ долгъ человѣка, ваша

вѣра христіанина; и они не допустятъ, чтобы вы, хотя бы на минутѣ, приведены были въ замѣшательство какой-либо уловкой.

Когда государство отбираетъ извѣстную землю для общественной надобности, тогда бываетъ справедливо, чтобы вознаграждены были тѣ лица, у которыхъ отбирается эта земля, ибо иначе одни землевладѣльцы несли бы большую тягость, чѣмъ другіе. Но когда, въ качествѣ мѣры, распространяющейся на всѣхъ безъ различія, отбирается въ общую пользу рента, тогда не можетъ быть и рѣчи о вознагражденіи. Вознагражденіе въ такомъ случаѣ означало бы собой лишь продолженіе той же несправедливости въ другой формѣ, — уплату землевладѣльцамъ въ видѣ процента того, что они получали ранѣе въ видѣ ренты. Вашему святѣйшеству извѣстно, что справедливость и несправедливость не таковы, чтобы съ ними можно было раздѣлаться путемъ подобнаго изворота; и когда вы усвоите вполнѣ ту истину, что земля на самомъ дѣлѣ есть запасъ, который заготовленъ Богомъ для всѣхъ Своихъ дѣтей, тогда вы остановитесь предъ требованіемъ вознагражденія за отобраніе ея не дольше, чѣмъ остановился бы Моисей предъ требованіемъ вознаградить сначала фараона, прежде чѣмъ вывести дѣтей Израиля.

Вознаградить, за что? За отобраніе того, что было не по праву взято? Но требованіе землевладѣльцевъ о вознагражденіи не таково. Мы не желаемъ обобратить египтянъ. Мы не требуемъ, чтобы работникамъ возвращено было все то, что было несправедливо взято у нихъ. Мы хотимъ, чтобы прошлое осталось прошлымъ, а причиненныя обиды были забыты. Пусть тѣ люди, которые путемъ минувшихъ захватовъ дохода съ земли овладѣвали плодами труда, сохранять за собой все пріобрѣтенное ими такимъ образомъ. Мы предлагаемъ лишь положить конецъ подобному ограбленію труда на будущее время; чтобы за будущее время, а не за прошлое, землевладѣльцы выплачивали обществу ренту, которая по справедливости принадлежитъ обществу.

III.

Сказанное мною должно достаточно ясно показать вашему святѣйшеству, насколько несправедливо поступаете вы, относя насъ, людей, стремящихся путемъ фактической отмѣны частной собственности на землю достигнуть болѣе полного обезпеченія истинныхъ правъ собственности, въ одну категорію съ тѣми людьми, желающими сдѣлать общей всякую собственность, о которыхъ вы говорите, какъ о социалистахъ. Но вы неправы и въ отношеніи социалистовъ.

Правда, въ числѣ людей, съ горечью сознающихъ страшную несправедливость теперешняго распредѣленія богатства, есть не мало такихъ, которые одухотворены лишь слѣпой ненавистью къ богачамъ и неистовымъ желаніемъ разрушить существующій общественный порядокъ. Въ сущности, они не опаснѣе тѣхъ, которые провозглашаютъ, что не требуется никакихъ особыхъ улучшеній или что они невозможны. Однако, было бы несправедливо смѣшивать съ ними людей, которые предлагаютъ опредѣленные, хотя бы и ошибочныя, средства для упорядоченія общества.

На мой взглядъ, социалисты, если прилагать этотъ терминъ къ лицамъ, придерживающимся болѣе или менѣе опредѣленной теоріи, а не огуломъ ко всѣмъ, желающимъ общественныхъ улучшеній, — не стремятся, какъ полагаете вы, къ отмѣнѣ всякой частной собственности. Лица, добивающіяся этой отмѣны, называются, собственно, коммунистами. Социалисты же стремятся къ тому, чтобы государство взяло въ свои руки капиталъ (къ которому они ошибочно относятъ также землю), выражаясь точнѣе, взяло въ свои руки крупные капиталы и затѣмъ завѣдывало бы и управляло всѣми или, по крайней мѣрѣ, болѣе крупными промышленными операціями. Чрезъ это они надѣются отмѣнить процентъ, признаваемый ими за несправедливость и зло; уничтожить прибыль банкировъ, спекулянтовъ, подрядчиковъ и

посредниковъ, въ которой они видятъ растрату; покончить съ теперешней системой наемной работы, достигнувъ общей коопераціи, и устранить конкуренцію, которую они признаютъ за основную причину обѣднѣнія трудящихся. Болѣе умѣренные изъ нихъ, не заходя такъ далеко, придерживаются того же направленія и стремятся устранить или облегчить наихудшія формы бѣдности путемъ правительственнаго вмѣшательства. Основной характеръ социализма заключается именно въ томъ, что онъ видитъ въ расширеніи функцій государства средство избавленія отъ общественныхъ золъ, что онъ желаетъ замѣнить конкуренцію постановленіями и руководствомъ и, вмѣсто полного простора для индивидуальныхъ желаній и усилій, установить разумный надзоръ организованнаго общества.

Сторонники рабочихъ союзовъ и покровительственной системы, которые обыкновенно не причисляются къ социалистамъ, по существу дѣла не отличаются отъ нихъ. Сторонники рабочихъ союзовъ добиваются повышенія рабочей платы, сокращенія рабочаго дня и общаго улучшенія въ положеніи наемныхъ рабочихъ путемъ организаціи ихъ въ цехи или общества, которые должны устанавливать нормы заработной платы, улаживать столкновенія съ хозяевами, пускать, при случаѣ, въ ходъ свое необходимое оружіе, забастовки, и накапливать средства для вспомошествованія своимъ членамъ при забастовкѣ или при потерѣ занятія. Сторонники покровительственной системы стремятся, при помощи правительственныхъ запрещеній или пошлинъ на ввозимые товары, руководить промышленной дѣятельностью страны и ея обменомъ якобы съ цѣлью содѣйствія разнообразію отечественной промышленности и устраненію чужестранной конкуренціи.

Прямую противоположность представляютъ изъ себя анархисты, — терминъ, который нерѣдко прилагается лишь къ наглымъ и свирѣпымъ разрушителямъ. Эти, видя великое зло отъ излишняго правительственнаго вмѣшательства, смо-

трать на само правительство, какъ на зло, и полагають, что при отсутствіи принудительной власти взаимный интересъ людей самъ по себѣ привелъ бы ихъ къ потребной коопераціи.

Мы—люди иной категоріи. Признавая священнымъ истинное право собственности, мы смотримъ на принудительный коммунизмъ, какъ на грабежъ, который долженъ вести къ гибели. Однако мы не расположены отрицать, что добровольный коммунизмъ могъ бы привести къ наивысшему общественному состоянію, о какомъ только люди могутъ мечтать. Не говоримъ мы и того, чтобы для человѣчества невозможно было достигнуть его. Ибо среди первыхъ христіанъ, какъ и среди религіозныхъ орденовъ католической церкви, мы имѣемъ примѣры коммунистическихъ обществъ въ маленькомъ видѣ. Св. Петръ и св. Павелъ, Тома Аквинатскій и Фра Анджелико, знаменитые ордена кармелитовъ и францисканцевъ, іезуиты, героизмъ которыхъ распространялъ христіанство среди наиболѣе дикихъ племенъ въ американскихъ лѣсахъ, члены тѣхъ обществъ, существующихъ всюду, гдѣ извѣстно ваше вѣроисповѣданіе, которыя не считали никакого дѣла милосердія слишкомъ опаснымъ или слишкомъ тяжелымъ для себя, — всѣ были или остаются коммунистами. Зная это, мы не рѣшимся сказать, чтобы невозможно было то общественное состояніе, при которомъ всеобъемлющая любовь замѣнила бы собой всѣ другія побужденія. Однако мы полагаемъ, что коммунизмъ возможенъ лишь тамъ, гдѣ существуетъ общее и горячее религіозное чувство, и что люди могутъ достигнуть этого состоянія, лишь вступивъ на путь справедливости. Прежде, чѣмъ стать святымъ, человѣкъ долженъ сдѣлаться честнымъ.

Мы, люди, за недостаткомъ лучшаго термина начавшіе называться сторонниками одинаго налога (Single tax men), по самому существу своему отличаемся отъ анархистовъ и социалистовъ. Мы смотримъ на нихъ, какъ на заблуждающихся въ двухъ противоположныхъ направленіяхъ. Анар-

Хисты оставляютъ безъ вниманія общественную природу чело-
вѣка, а социалисты — его индивидуальную природу, тогда
какъ мы принимаемъ въ соображеніе и ту и другую. Мы
знаемъ, что челоуѣкъ есть прежде всего личность, и вѣримъ,
что изъ вмѣшательства государства въ область индивидуаль-
наго дѣйствія можетъ послѣдовать лишь зло. Но мы при-
знаемъ челоуѣка также общественнымъ существомъ, „госу-
дарственнымъ животнымъ“, какъ назвалъ его Аристотель,
и полагаемъ, что государство необходимо для общественнаго
прогресса, представляя изъ себя нѣчто незамѣнимое въ есте-
ственномъ порядкѣ. Приравнивая общественную организацію
къ тѣлесному организму, мы можемъ уподобить функціи,
свойственныя государству, тѣмъ функціямъ челоуѣческаго
организма, которыя выполняются сознательной дѣятельностью
челоуѣка; тѣ же функціи, которыя выполняются въ обществѣ
при посредствѣ индивидуальныхъ побужденій и интересовъ,
мы можемъ уподобить функціямъ, которыя выполняются въ
тѣлесныхъ организмахъ путемъ бессознательныхъ инстинктовъ
и произвольныхъ движеній. Анархистовъ мы уподобимъ
людямъ, которые желали бы двигаться впередъ безъ головы,
а социалистовъ — людямъ, которые желали бы подчинить
сознательной волѣ удивительно сложные и тонкіе процессы
внутри своего организма.

Приверженцы философскаго анархизма, о которыхъ я
упомянулъ, немногочисленны и имѣютъ мало практическаго
значенія, и намъ приходится выдерживать борьбу лишь съ
социализмомъ въ его различныхъ видахъ.

Въ нѣкоторыхъ пунктахъ мы сходимся съ социалистами,
ибо мы вполне признаемъ общественную природу челоуѣка
и настаиваемъ, чтобы всѣ предпріятія, имѣющія монопольный
характеръ, находились въ рукахъ и подъ управленіемъ го-
сударства. Въ этой области, а также въ области обществен-
наго здравія, образованія, пользы и удобствъ, мы тоже
желали бы возможнаго расширенія функцій государства.

Тѣмъ не менѣе мы ставимъ въ вину социализму, во всѣхъ его видахъ, отсутствіе радикализма, стремленія къ корню. Онъ получаетъ свои теоріи отъ людей, которые стремятся оправдать разореніе народныхъ массъ, и его приверженцы обыкновенно проповѣдуютъ ту ложную и унижительную доктрину, будто рабство было первоначальнымъ состояніемъ трудящихся. Онъ признаетъ за естественный законъ стремленіе заработной платы къ минимуму и добивается отъ мѣны заработной платы; онъ признаетъ за естественное слѣдствіе конкуренціи угнетеніе трудящихся и стремится уничтожить конкуренцію путемъ разнаго рода стѣсненій, запрещеній и расширенія правительственной власти. Омѣшивая, такимъ образомъ, причины со слѣдствіями и, какъ ребенокъ, браня тотъ камень, о который ударился, онъ расточаетъ силы на погоню за средствами, которыя въ лучшемъ случаѣ могутъ оказаться лишь бесполезными. Объединяясь, во многихъ случаяхъ, съ демократическими стремленіями, онъ остается все же, по существу своему, тѣмъ самымъ заблужденіемъ, которое издавна спутывало людей и которое всюду развращало демократію, — тѣмъ заблужденіемъ, будто власть надъ народомъ можетъ употребляться во благо народа и будто можетъ быть придуманъ такой механизмъ, когда въ завѣдываніе промышленными дѣлами черезъ особыхъ агентовъ будетъ вноситься болѣе мудрости и добродѣтели, чѣмъ сколько есть ея у самого народа.

Такая поверхностность и такого рода стремленія присущи всѣмъ видамъ социализма.

Возьмите, на примѣръ, протекціонизмъ. Сверхъ себялюбиваго желанія продавцовъ принудить покупателей платить имъ болѣе, чѣмъ сколько стоятъ ихъ товары, онъ находитъ для себя опору лишь въ тѣхъ поверхностныхъ представленіяхъ, будто цѣль человѣческихъ усилій есть производство, а не потребленіе; будто деньги имѣютъ болѣшую цѣнность, чѣмъ равноцѣнное количество товаровъ, и будто продавать болѣе

выгодно, чѣмъ покупать. Главной же опорой его является желаніе ограничить конкуренцію, вытекающее изъ непониманія необходимыхъ слѣдствій того порядка, когда люди, желающіе трудиться, оказываются изъ-за монополіи лишенными доступа къ естественному и необходимому элементу всякаго труда. Для приложенія къ дѣлу теоріи протекціонизма необходимо допустить, будто правительство можетъ направлять расходованіе труда и приложеніе капитала съ бѣльшей мудростью, чѣмъ работники и капиталисты, и будто правительственные агенты не будутъ пользоваться своей властью въ своихъ личныхъ интересахъ. На дѣлѣ протекціонизмъ приводитъ къ умноженію числа чиновниковъ, къ ограниченію свободы, къ изобрѣтенію преступленій, къ содѣйствію лже-присягамъ, обманамъ и подкупамъ. И будь теорія доведена до ея логическихъ заключеній, протекціонизмъ уничтожилъ бы цивилизацію и низвелъ бы человѣчество до дикаго состоянія.

Возьмите принципъ рабочихъ союзовъ. Въ узкихъ предѣлахъ рабочіе союзы содѣйствуютъ уясненію взаимности интересовъ, нерѣдко поднимаютъ духъ рабочихъ и способствуютъ ихъ политическому воспитанію. Иногда они давали ограниченнымъ кружкамъ рабочихъ возможность улучшить нѣсколько свое положеніе, добиться для себя извѣстной свободы. Однако союзы рабочихъ не затрагиваютъ общихъ причинъ, которыми опредѣляется положеніе трудящихся, и добиваются улучшеній не для всей народной массы, а лишь для небольшой ея части. Стремясь къ стѣсненію конкуренціи, къ ограниченію права на трудъ, рабочіе союзы по своимъ приѣмамъ ничѣмъ не отличаются отъ военныхъ отрядовъ и приводятъ, даже при наилучшихъ условіяхъ, къ полному отрицанію свободы и къ нескончаемымъ злоупотребленіямъ. Ихъ оружіе — забастовки — разрушительно по своей природѣ. Сказываясь какъ на сражающихся, такъ и на непринимающихъ участія въ битвахъ, забастовки, устраиваемыя

рабочими, являются не чѣмъ инымъ, какъ одной изъ формъ пассивной войны. Распространить принципъ рабочихъ союзовъ на всѣ отрасли промышленности, какъ того желаютъ нѣкоторыя лица, значило бы водворить среди людей систему кастъ.

Или возьмите даже такія умѣренные средства, какъ ограниченіе рабочихъ часовъ и труда женщинъ и дѣтей. Лица, скользящія своимъ взглядомъ по поверхности, видятъ среди мужчинъ, женщинъ и малыхъ дѣтей стремленіе работать черезъ силу; и вотъ, не понимая причины такого явленія, той бѣдности, которая давитъ этихъ людей, они, естественно, обращаются къ мѣрамъ правительственнаго ограниченія. А чтобы установить эти ограниченія, приходится увеличивать число чиновниковъ, стѣснять личную свободу и создавать условія, благопріятныя для подкуповъ и злоупотребленій.

Что касается крайняго социализма, то за нимъ надо признать, по крайней мѣрѣ, ту заслугу, что онъ имѣлъ смѣлость довести до конца свои основныя положенія и далъ полное выраженіе недостаткамъ, присущимъ самой системѣ. Схватывая заключенія, онъ не задается изслѣдованіемъ причинъ. Онъ не замѣчаетъ того, что угнетеніе рабочихъ классовъ обусловливается не природой капитала, а той несправедливостью, которая отнимаетъ капиталъ у трудящихся, разлучая ихъ съ землей, и которая создаетъ мнимый капиталъ, представлявшій изъ себя лишь капитализированную монополію. Онъ не замѣчаетъ того, что для капитала было бы невозможно угнетеніе трудящихся, если бы они имѣли свободный доступъ къ естественнымъ факторамъ производства. Онъ не замѣчаетъ того, что система заработной платы, въ сущности, возникаетъ изъ взаимнаго удобства, представляя изъ себя ту форму коопераціи, при которой одна сторона предпочитаетъ опредѣленное вознагражденіе случайной прибыли. Онъ не замѣчаетъ того, что такъ называемый „желѣзный законъ заработной платы“ отнюдь не есть есте-

ственный законъ заработной платы, а есть законъ заработной платы лишь при тѣхъ неестественныхъ условіяхъ, при которыхъ люди оказываются въ безпомощномъ положеніи, будучи лишены самаго необходимаго для жизни и труда. Онъ не замѣчаетъ того, что зло, приписываемое имъ конкуренціи, обуславливается, въ сущности, стѣненіемъ конкуренціи; обуславливается односторонностью конкуренціи, которая гнететъ людей, лишенныхъ земли. Средства же, которыя имѣетъ въ виду социализмъ, то - есть организація людей въ промышленныя арміи и передача всего производства и обмѣна въ вѣдѣніе и управленіе правительственныхъ или полу-правительственныхъ учрежденій, будучи доведены до своего полного выраженія, представляли бы изъ себя не что иное, какъ египетское рабство.

Мы отличаемся отъ социалистовъ въ своемъ распознаваніи зла и мы отличаемся отъ нихъ въ отношеніи средствъ борьбы съ нимъ. Мы не боимся капитала, видя въ немъ естественнаго слугу трудящихся. Мы смотримъ на процентъ, какъ на нѣчто естественное и справедливое само по себѣ. Мы не желаемъ ставить никакихъ предѣловъ для накопленія, не желаемъ налагать на богатыхъ какихъ-либо тягостей, которыя не падали бы равно и на бѣдныхъ. Мы не видимъ зла въ конкуренціи: напротивъ, мы признаемъ неограниченную конкуренцію столь же необходимой для здоровья промышленнаго и общественнаго организма, какъ свободное обращеніе крови для здоровья животнаго организма, — признаемъ ее за средство, при помощи котораго можетъ быть осуществленъ принципъ наиболѣе полного сотрудничества. Мы желаемъ лишь взять въ пользу общества то, что принадлежитъ обществу, ту цѣнность, которая возникаетъ въ землѣ вслѣдствіе роста общества; желаемъ оставить въ цѣлости у индивидуумовъ все, что принадлежитъ индивидуумамъ, и, относя необходимыя монополіи къ функціямъ государства, желаемъ отмѣнить всѣ ограниченія и запрещенія,

за исключеніемъ тѣхъ, которыя устанавливаются въ виду общественнаго здравія, безопасности, нравственности и приличія.

Но наше основное различіе, — различіе, на которое я попрошу ваше святѣйшество обратить особое вниманіе, — заключается въ слѣдующемъ: социализмъ во всѣхъ своихъ видахъ признаетъ бѣдствія нашей цивилизаціи за вытекающія изъ несоотвѣтствія и негармоничности естественныхъ отношеній, которыя нужно якобы искусственно упорядочивать или улучшать. И вотъ, въ своемъ планѣ, онъ возлагаетъ на государство обязанность разумнаго упорядоченія промышленныхъ отношеній между людьми, какъ бы постройку какой-то огромной машины, сложныя части которой должны работать совмѣстно надлежащимъ образомъ подъ управленіемъ разумныхъ людей. Потому-то социализмъ и тяготеетъ всегда къ атеизму. Не видя порядка и симметріи естественнаго закона, онъ не сознаетъ и Бога.

Мы же, приверженцы единаго налога (а имъ опредѣляется лишь ближайшая наша цѣль), видимъ въ общественныхъ и промышленныхъ отношеніяхъ между людьми не машину, которую надо строить, а организмъ, который требуетъ лишь отсутствія помѣхъ для своего роста. Въ естественныхъ общественныхъ и промышленныхъ законахъ мы замѣчаемъ ту же гармонию, какая обнаруживается въ различныхъ органахъ человѣческаго тѣла. Мы признаемъ, что дѣло упорядоченія этихъ законовъ и управленія ими настолько же превосходитъ силу человѣческаго разума, насколько превосходитъ ее дѣло упорядоченія и направленія жизненныхъ функцій нашего организма. Мы видимъ въ этихъ общественныхъ и промышленныхъ законахъ столь близкія отношенія къ нравственному закону, что признаемъ ихъ за дѣло рукъ одного и того же Творца и признаемъ нравственный законъ надежнымъ руководителемъ человѣка всюду, гдѣ можетъ блуждать или сбиваться съ пути его мысль. Такимъ

образомъ, по нашему мнѣнію выходитъ, что для избавленія отъ золь нашего времени требуется лишь возстановить справедливость и дать свободу. Потому-то при нашихъ убѣжденіяхъ и только лишь при нихъ возможно сохранять въ своемъ сердцѣ твердую, благоговѣйную вѣру въ Бога и въ законъ Его видѣть высшій законъ, которому *должны* слѣдовать люди, желая достигнуть благоденствія и избѣгнуть погибели. Потому-то и политическая экономія лишь содѣйствуетъ открыть намъ глубокую мудрость въ тѣхъ простыхъ истинахъ, которыя радостно слушалъ черный народъ изъ устъ Того, о комъ говорили съ изумленіемъ: „не плотникъ ли онъ изъ Назарета?“

Въ нашемъ предложеніи, обезпечить за всѣми людьми равное право на приложеніе своихъ силъ къ природнымъ богатствамъ и устранить всѣ законодательныя стѣсненія для законнаго приложенія этихъ силъ, мы видимъ попытку согласовать гражданскій законъ съ закономъ нравственнымъ. А потому мы увѣренно признаемъ наше предложеніе не только за средство, достаточное для избавленія отъ всѣхъ тѣхъ золь, которыя вы съ ужасомъ описываете, но также за средство единственно возможное.

Другого средства нѣтъ. Такова организація человѣка. Таковы его отношенія къ міру, въ которомъ онъ живетъ. Таковы неизмѣнные законы Бога. Человѣческая изобрѣтательность не въ силахъ устранить зло, проистекающее отъ несправедливости, отъ лишенія людей ихъ природнаго права инымъ путемъ, помимо возстановленія справедливости, помимо предоставленія людямъ тѣхъ благъ, которыя были приготовлены Богомъ для каждаго изъ нихъ.

Вѣдь человѣкъ можетъ жить лишь на землѣ и отъ земли. Вѣдь земля есть тотъ запасъ матеріи и силы, изъ котораго взято самое тѣло человѣка и къ которому онъ всегда долженъ обращаться, желая что-либо произвести. Потому дать землю въ собственность нѣкоторымъ людямъ и лишить

другихъ всякаго права на нее роковымъ образомъ — значить раздѣлить человѣчество на классъ богатыхъ и бѣдныхъ, привилегированныхъ и безпомощныхъ. Потому люди, не имѣющіе правъ на пользованіе землей, могутъ существовать, лишь продавая свою способность къ труду лицамъ, владѣющимъ землей. Потому „желѣзный законъ заработной платы“ социалистовъ или стремленіе заработной платы къ минимуму, о которомъ толкуютъ экономисты, должны отнимать у безземельной массы, — у простыхъ рабочихъ, которые сами по себѣ не имѣютъ возможности пользоваться своимъ трудомъ, — всѣ блага какихъ бы то ни было усовершенствованій и улучшеній, не измѣняющихъ этого несправедливаго раздѣленія земли. Не имѣя возможности самостоятельно пользоваться своими силами, люди эти должны, въ качествѣ продавцовъ труда или арендаторовъ земли, конкурировать другъ съ другомъ изъ-за права трудиться; а эта конкуренція людей, отрѣзанныхъ отъ даннаго Богомъ неисчерпаемаго источника богатства, имѣетъ своимъ предѣломъ лишь голоданіе и должна въ концѣ концовъ довести заработную плату до самой низкой точки, — той точки, при которой только лишь можетъ поддерживаться существованіе и воспроизведеніе.

Говоря это, мы не хотимъ сказать, что до этой точки должны пасть всѣ виды заработной платы, но утверждаемъ лишь, что до нея должна пасть заработная плата, по необходимости, самаго широкаго слоя работниковъ обычнаго знанія, искусства и способностей. Заработная плата лицъ иныхъ классовъ, огражденных отъ давленія конкуренціи ихъ особыми познаніями, искусствомъ или другими причинами, можетъ оставаться выше этого обычнаго уровня. Такъ, гдѣ умѣніе читать и писать является рѣдкостью, тамъ обладаніе этими искусствами даетъ возможность человѣку получать высшую заработную плату сравнительно съ обыкновеннымъ рабочимъ. Но лишь только распространеніе образованія дѣ-

лаеть умѣніе читать и писать общимъ достояніемъ; какъ утрачивается за нимъ и преимущество. Такимъ же образомъ, когда извѣстное занятіе требуетъ особой подготовки или искусства или когда доступъ къ нему затрудняется искусственными стѣсненіями, то задержка конкуренціи стремится поддержать заработную плату въ этомъ занятіи на болѣе высокомъ уровнѣ. Но лишь только прогрессъ изобрѣтеній дѣлаеть ненужнымъ въ немъ особое искусство или устраняются искусственные стѣсненія, какъ и болѣе высокая заработная плата въ немъ падаетъ до обычнаго уровня. Такимъ же образомъ трудолюбіе, бережливость и благоразуміе даютъ возможность простому рабочему удерживаться выше тѣхъ условій, которыя обезпечиваютъ за нимъ одно голое существованіе только лишь до тѣхъ поръ, пока эти качества являются его особымъ достояніемъ. Чуть только гдѣ они становятся общими, и законъ конкуренціи долженъ низвести заработокъ рабочихъ, обладающихъ этими качествами, до общаго уровня, который при монополизациі земли и безпомощности рабочихъ всегда будетъ граничить съ голодной смертью.

Или, выражая нѣсколько иначе свою мысль: такъ какъ земля необходима для жизни и труда, то собственники ея, въ возмездіе за позволеніе пользоваться ею, могутъ требовать отъ простыхъ рабочихъ все то, что производятъ ихъ трудъ, за вычетомъ того количества продуктовъ, которое необходимо для поддержанія жизни рабочихъ, потребныхъ для землевладѣльцевъ и ихъ подчиненныхъ.

Такимъ образомъ, всюду, гдѣ вслѣдствіе частной собственности на землю установилось дѣленіе людей на классъ владѣющихъ землей и на классъ безземельныхъ, никакое возможное изобрѣтеніе или улучшеніе въ области промышленности, общественнаго управленія или нравственности, если только имъ не затрогивается право собственности на землю, не можетъ устранить бѣдности или улучшить жизненные

условія простыхъ рабочихъ. Ибо изобрѣтенія или улучшенія такого рода могутъ лишь увеличивать производительность труда рабочаго или уменьшать стоимость его содержанія; а потому, дѣлаясь общимъ достояніемъ, они могутъ лишь увеличивать доходъ собственниковъ земли, не приводя ни къ какимъ благодѣяніямъ для простыхъ рабочихъ. Обладая лишь обычною способностью къ труду, способностью крайне безполезной безъ средствъ, необходимыхъ для труда, эти рабочіе никоимъ образомъ не будутъ въ состояніи удержать изъ вырабатываемаго ими болѣе, чѣмъ сколько нужно для поддержанія ихъ существованія.

Въ справедливости этого заключенія могутъ убѣдить насъ и явленія окружающей насъ жизни. У насъ на глазахъ цѣлый рядъ открытій и изобрѣтеній въ чрезвычайной степени увеличивалъ производительность труда, сокращая въ то же время въ огромной мѣрѣ стоимость множества предметовъ, необходимыхъ въ жизни рабочаго. Но что же эти усовершенствованія, повысили ли они сколько-нибудь заработокъ простаго рабочаго? Не шло ли все благодѣяніе отъ нихъ, главнымъ образомъ, къ собственникамъ земли, въ огромной мѣрѣ увеличивая цѣнность земель?

Я говорю: „главнымъ образомъ“, ибо нѣкоторая часть этихъ благодѣяній уходила на содержаніе чудовищныхъ постоянныхъ армій и военныя приготовленія, на уплату процентовъ по огромнымъ государственнымъ долгамъ и въ не малой мѣрѣ доставалась, въ видѣ процента на мнимый капиталъ, собственникамъ другихъ монополій, помимо земельной. Однако какое-либо улучшеніе въ дѣлахъ, которымъ устранялись бы эти потери, отнюдь не послужило бы на благо рабочихъ; благодаря ему лишь увеличилась бы прибыль земельныхъ собственниковъ. Пусть были бы уничтожены постоянныя арміи со всѣми своими принадлежностями; пусть были бы отмѣнены всѣ монополіи, за исключеніемъ земельной; пусть государственное управленіе сдѣлалось бы

образцомъ экономіи; пусть сохранена была бы въ рукахъ производителей прибыль спекулянтовъ, посредниковъ и разнаго рода мѣновщиковъ; пусть всѣ граждане сдѣлались бы настолько честными, что не стало бы болѣе надобности ни въ судахъ, ни въ тюрьмахъ, ни въ предупредительныхъ мѣрахъ противъ обмана, — и въ результатѣ получилось бы то же, что получалось вслѣдствіе роста производительныхъ силъ.

Болѣе того, всѣ эти благодѣянія могли бы даже повести къ голодной смерти для множества людей, которые еще находятъ теперь средства къ жизни. Предположите, что во вниманіе къ мольбѣ всѣхъ христіанъ въ настоящее время было бы предложено полное разоруженіе всѣхъ армій Европы. Развѣ наибольшія опасенія не возбудило бы тогда слѣдствіе этой мѣры: появленіе на рабочемъ рынкѣ множества незанятыхъ рабочихъ?

Не трудно найти объясненіе этому и другимъ подобнымъ парадоксамъ, спутывающимъ цивилизованный міръ. Слѣдствіемъ всякаго изобрѣтенія или усовершенствованія, повышающаго производительность труда и устраняющаго потери, бываетъ уменьшеніе количества труда, потребнаго для произведенія данной работы, и чрезъ это — сбереженіе труда. При естественномъ состояніи общества, когда за каждымъ человѣкомъ признается право на пользованіе землей, сберегающія трудъ усовершенствованія могли бы продолжаться, нимало не уменьшая спроса на трудъ, ибо при этихъ естественныхъ условіяхъ спросъ на трудъ людей бываетъ связанъ съ ихъ стремленіемъ пользоваться жизнью и съ тѣми могучими инстинктами, которые Творецъ вложилъ въ сердце человѣка. Но при томъ неестественномъ состояніи общества, когда народнымъ массамъ достается въ удѣлъ лишь способность къ труду, когда онѣ могутъ прилагать къ землѣ свой трудъ лишь съ дозволенія нѣкоторыхъ лицъ, — спросъ на ихъ трудъ становится лишь спросомъ на ихъ услуги со

стороны этихъ лицъ, владѣющихъ землей, и самъ человѣкъ становится товаромъ. Естественнымъ слѣдствіемъ берегающихъ трудъ усовершенствованій бываетъ повышеніе заработной платы. Но при томъ неестественномъ положеніи, которое создается частной собственностью на землю, даже такія нравственныя усовершенствованія, какъ распущеніе постоянныхъ армій и устраненіе потерь отъ преступленій, могли бы, ослабляя спросъ, лишь понижать заработную плату и доводить простыхъ рабочихъ до голода или нищеты. Пусть, благодаря берегающимъ трудъ изобрѣтеніямъ и усовершенствованіямъ, устранена была бы самая необходимость въ трудѣ, — и что оказалось бы тогда въ результатѣ? Развѣ землевладѣльцы не получили бы возможности брать себѣ все то богатство, какое можетъ производить ихъ земля, и развѣ рабочимъ, которые сдѣлались бы тогда ненужными, не предоставлено было бы умирать голодной смертью или жить на счетъ милости землевладѣльцевъ?

Потому-то до тѣхъ поръ, пока будетъ сохраняться частная собственность на землю, пока нѣкоторые люди будутъ признаваться собственниками земли, а прочіе жить на ней лишь съ ихъ позволенія, — до тѣхъ поръ человѣческая мудрость не въ состояніи будетъ придумать какого-либо средства, избавляющаго насъ отъ бѣдствій нашего теперешняго положенія. Не въ состояніи была бы придумать его и мудрость Бога!

Имѣя въ виду то соотвѣтствіе между закономъ и справедливостью, о которомъ говоритъ Тома Аквинатскій, мы съ полнымъ основаніемъ можемъ утверждать, что даже Богъ Всемогуцій, сохраняя въ силѣ Свои законы, ничего не могъ бы сдѣлать для устраненія бѣдности и голодной смерти при существованіи частной собственности на землю.

Что могъ бы Онъ сдѣлать? Придать новую силу солнечному свѣту? новыя свойства воздуху? особое плодородіе почвѣ? Но развѣ всѣ эти новыя милости Его не достались бы соб-

ственникамъ земли, принеся скорѣе вредъ, чѣмъ пользу, простымъ рабочимъ? Онъ могъ бы открыть человѣку новыя вещества, новыя приспособленія, новыя силы; но развѣ они стали бы содѣйствовать облегченію бѣдности въ большей мѣрѣ, чѣмъ паръ, электричество и всѣ безчисленные открытія и изобрѣтенія нашего времени? Богъ могъ бы сдѣлать такъ, что пища, одежда и всѣ прочіе предметы, потребныя для удовлетворенія человѣческихъ нуждъ, стали бы падать съ неба въ видѣ дождя или бить ключомъ изъ нѣдръ земли. Однако кому, при нашихъ законахъ, стало бы доставаться все это? Нимало не благодѣтельствуя людямъ, развѣ не оказалось бы это новое прибавленіе къ Божиимъ милостямъ лишь проклятіемъ, сдѣлавъ возможной для привилегированныхъ классовъ еще болѣе беспорядочную жизнь въ богатствѣ и внеся въ среду обездоленныхъ еще болѣе лишеній и нужды?

IV.

Признавая общественный вопросъ въ основѣ религіознымъ вопросомъ, мы видимъ счастливое предзнаменованіе для міра въ томъ, что вы, глава наиболѣе вліятельной изъ всѣхъ христіанскихъ церквей, въ своемъ окружномъ посланіи обратили вниманіе на положеніе трудящихся.

Но цѣня многія спасительныя истины, выраженные вами; видя, какъ и всякій долженъ это замѣтить, что вы одухотворены желаніемъ помочь страждущимъ и угнетеннымъ и положить конецъ тому убѣжденію, будто церковь подвергается опасности отъ стремленія къ свободѣ и прогрессу, — мы тѣмъ не менѣе, съ тяжелымъ чувствомъ, считаемъ своимъ долгомъ признать, что одно роковое заблужденіе скрыло отъ васъ причину усмотрѣннаго вами зла и не дозволило вамъ предложить сколь-нибудь пригоднаго средства борьбы съ нимъ. Заблужденіе это заключается въ томъ, что вы признаете, будто частная собственность на землю имѣетъ

ту же природу и тѣ же санкціи, какъ частная собственность на предметы, произведенные трудомъ. Въ своемъ окружномъ посланіи вы высказываете непреложныя истины, и оно проникнуто духомъ милосердія; тѣмъ не менѣе оно, несомнѣнно, доказываетъ, что вы находитесь въ положеніи врача, который, будучи призванъ къ больному, страдающему расстройствомъ желудка, началъ бы съ того, что отказался бы изслѣдовать желудокъ.

Не имѣя возможности изъ-за этого заблужденія открыть истинную причину, вы, естественно, стали приписывать ростъ бѣдности и нищеты лишь уничтоженію ремесленныхъ цеховъ въ прошломъ столѣтіи, уклоненію общественныхъ учрежденій и законовъ отъ древней религіи, хищному ростовщичеству, обычаю работы по договору и концентраціи промышленности.

Ваше распознаваніе такого рода, конечно, не могло раскрыть вамъ самый корень того зла, которое одинаково чувствуется въ странахъ католическихъ, въ странахъ протестантскихъ, въ странахъ, придерживающихся греческаго вѣроисповѣданія, и въ странахъ, гдѣ нѣтъ религіи, установленной государствомъ; того зла, которое одинаково чувствуется и въ Старомъ и въ Новомъ Свѣтѣ,—тамъ, гдѣ промышленная организація еще проста, и тамъ, гдѣ она достигаетъ наиболѣе сложныхъ формъ,—одинаково чувствуется при всемъ разнообразіи промышленныхъ обычаевъ и отношеній.

Тѣмъ не менѣе истинная причина была бы ясна для васъ, если бы вы приняли въ соображеніе, что трудъ можетъ находить мѣсто и матеріалъ для своего примѣненія лишь въ землѣ, что рабочій вопросъ есть лишь иное названіе земельного вопроса, и если бы вы дали себѣ трудъ разобратся въ своемъ убѣжденіи, будто частная собственность на землю необходима и законна.

Посмотрите, какъ согласуется со всѣми обстоятельствами дѣла наше изслѣдованіе причинъ зла. Наиболѣе важнымъ

изъ всѣхъ матеріальныхъ отношеній человѣка является его отношеніе къ планетѣ, на которой онъ живетъ, и потому, то „нечестивое противленіе благимъ намѣреніямъ его Творца“, которое, по выраженію епископа Нѣлти, заключается въ частной собственности на землю, *должно* производить зло всюду, гдѣ она существуетъ. А въ силу закона: „кому дано много, съ того много и требуется“, самый прогрессъ цивилизаціи содѣйствуетъ распространенію и усиленію того зла, которое порождается частною собственностью на землю.

То положеніе вещей, которое вы съ полнымъ правомъ называете невыносимымъ, создается повсюду въ цивилизованномъ мірѣ не той или другой мѣстной неурядицей и не тѣмъ или инымъ мелкимъ промахомъ. Оно создается не чѣмъ инымъ, какъ самымъ прогрессомъ цивилизаціи; не чѣмъ инымъ, какъ умственнымъ развитіемъ и промышленнымъ ростомъ, особенно сильными за послѣднее столѣтіе, проявляющимися среди общества, въ основу котораго положенъ институтъ частной собственности на землю; не чѣмъ инымъ, какъ тѣми новыми дарами, которыми у насъ на глазахъ Богъ надѣлялъ людей, но которые превращались въ проклятіе изъ-за „нечестиваго противленія человѣка благимъ намѣреніямъ его Творца“.

Научныя открытія, прогрессъ изобрѣтеній дали намъ за время этого чуднаго столѣтія болѣе, чѣмъ сколько доставалось людямъ когда-либо раньше. Но вмѣстѣ съ новыми благодѣяніями для насъ возникали и новыя обязательства. Среди цивилизаціи, овладѣвшей паромъ и электричествомъ, когда солнце рисуетъ картины, а фонографъ хранитъ рѣчь, мы не можемъ уже держаться тѣхъ нормъ справедливости, которыя были пригодны для нашихъ отцовъ. Промышленный и умственный прогрессъ требуютъ соотвѣтственнаго нравственнаго прогресса. Знаніе и власть, сами по себѣ, ни добро, ни зло. Они не цѣль, а лишь средство, и тѣ силы, которыя заключаются въ нихъ, если ихъ не направитъ надлежащимъ образомъ, должны принять беспорядочныя и разру-

шительныя формы. Гнетущая мука, возрастающія затрудненія, усиливающееся недовольство, для устраненія которыхъ, какъ вы замѣчаете, *должно быть найдено, и быстро найдено, какое-либо средство*, служатъ вѣрнымъ признакомъ того, что намъ грозятъ уже разрушительныя силы, болѣе стремительныя и ужасныя, чѣмъ тѣ, отъ которыхъ погибли всѣ предшествующія цивилизаціи. Явленія эти— вѣрный признакъ того, что если цивилизованный міръ не подыметъ быстро до болѣе высокаго нравственнаго уровня, если онъ не сдѣлается христіанскимъ на дѣлѣ, а не на словахъ, то среди своего великолѣпія онъ вскорѣ прочтетъ огненные слова, осудившія Вавилонъ: „ты взвѣшенъ на вѣсахъ и найденъ очень легкимъ!“

Заблужденіе, спутавшее васъ, не дозволило вамъ открыть дѣйствительную причину и понять истинное значеніе тѣхъ явленій, которыя вызвали ваше посланіе. И это заблужденіе роковымъ образомъ сбило васъ съ пути при изысканіи врачующаго средства.

Вы утверждаете, что вы увѣренно касаетесь предмета. Тѣмъ не менѣе въ вашемъ посланіи, въ той большей его части, которая посвящена изысканію средствъ помощи, среди множества нравственныхъ размышленій и правилъ, прекрасныхъ по своей сущности, но бесполезныхъ и ничтожныхъ при томъ приложеніи, какое вы дѣлаете изъ нихъ, вы предлагаете только лишь нижеслѣдующія опредѣленные средства для улучшенія положенія трудящихся:

1. Чтобы государство вмѣшивалось для предупрежденія чрезмѣрной работы, для ограниченія работы женщинъ и дѣтей, для обезпеченія въ мастерскихъ условій, не вредящихъ здоровью и нравственности, и для установленія заработной платы, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ случаяхъ, когда изъ-за недостаточной платы грозитъ возникновеніе стачекъ.

2. Чтобы государство поощряло пріобрѣтеніе (земельной) собственности рабочими.

3. Чтобы устроены были союзы рабочих.

Средства эти, по природѣ своей, суть социалистическія. И все ваше посланіе, несмотря на признаніе индивидуальнаго характера человѣка и первенства индивидуума и семьи предъ государствомъ, по своимъ стремленіямъ и по духу предлагаемыхъ мѣропріятій, несомнѣнно склоняется къ социализму, правда, къ крайне умѣренному социализму, социализму подавленному и обезжизненному высшимъ уваженіемъ къ частнымъ владѣніямъ, но тѣмъ не менѣе все же къ социализму. При всемъ томъ, нерѣдко употребляя двусмысленный терминъ „частная собственность“, когда контекстъ показываетъ, что вы имѣете въ виду лишь частную собственность на землю, вы настаиваете лишь на одномъ: что бы тамъ ни было, а частная собственность на землю должна оставаться неприкосновенной!

Я уже указывалъ на недостатки всѣхъ вообще социалистическихъ средствъ для улучшенія положенія трудящихся; тѣмъ не менѣе уваженіе къ вашему святѣйшему побуждаетъ меня сказать нѣсколько словъ о тѣхъ средствахъ, которыя предлагаются собственно вами.

Самыя сильныя и наиболѣе значительныя изъ нихъ заключаются въ томъ, что на государство возлагается обязанность ограничивать число рабочихъ часовъ, регулировать работу женщинъ и дѣтей, слѣдить за санитарнымъ состояніемъ мастерскихъ и т. п. Однако этимъ путемъ можно достигнуть лишь очень немногаго.

Сильный неограниченный правитель помощью такого рода постановленій могъ бы еще надѣяться облегчить положеніе рабовъ въ своей странѣ. Однако въ наше время уже все клонится къ демократіи, а въ демократическихъ государствахъ отеческая власть, по необходимости, бываетъ болѣе слабой; къ тому же при томъ промышленномъ рабствѣ, возникающемъ изъ частной собственности на землю, какое господствуетъ въ современномъ христіанскомъ мірѣ, не хозяинъ

побуждаетъ раба работать, а рабъ побуждаетъ хозяина давать ему работу. Потому-то, при проведеніи въ жизнь такого рода постановленій, наибольшее препятствіе ставятъ именно тѣ самыя лица, для блага которыхъ они вырабатываются. Напримѣръ, примѣнить ограниченіе дѣтскаго труда на фабрикахъ оказывается дѣломъ труднымъ не изъ-за хозяевъ, а изъ-за самихъ матерей, которыя по своей бѣдности невѣрно показываютъ возрастъ дѣтей даже хозяевамъ, подучая къ тому также и своихъ дѣтей.

Но если на крупныхъ фабрикахъ, на горныхъ заводахъ эти постановленія, касающіяся рабочихъ часовъ, возраста и т. п., допуская уклоненія и представляя случаи для вымогательствъ и подкуповъ, до нѣкоторой степени все же еще могутъ быть примѣнены къ дѣлу, то какое дѣйствіе могутъ имѣть они въ тѣхъ несравненно болѣе обширныхъ отрасляхъ промышленности, въ которыхъ работники занимаются сами отъ себя или у небольшихъ хозяевъ?

Всѣ средства такого рода, по своей природѣ, ничѣмъ не отличаются отъ мѣръ, обычно принимаемыхъ противъ скученности населенія, когда устанавливаютъ число жильцовъ, могущихъ помѣщаться въ каждой комнатѣ, грозя наказаніемъ въ случаяхъ нарушенія, и сносятъ дома съ нездоровыми помѣщеніями. Такъ какъ мѣры эти не содѣйствуютъ благоустройству квартиръ и не повышаютъ платежной способности квартирантовъ, то скученность жильцовъ, уничтоженная въ одной мѣстности, обнаруживается даже съ большей силой въ другихъ. Всѣ эти средства начинаютъ не съ того, съ чего слѣдовало бы начать. Они ничѣмъ не отличаются отъ попытки сдержать вожжами лошадей, неистово нахлестываемыхъ кнутомъ. Они ничѣмъ не отличаются отъ попытки остановить локомотивъ, хватаясь за его колеса и не прекращая притока пара къ цилиндрамъ, или отъ попытки излѣчить оспу, вырѣзывая пустулы. Люди работаютъ чрезъ силу не потому, что это имъ нравится; не по влеченію своего сердца

матери посылають своихъ дѣтей на работу, когда тѣмъ слѣдовало бы играть; не по своей охотѣ и работники трудятся въ опасныхъ и нездоровыхъ условіяхъ. Все это, какъ и скученность жильцовъ, порождается бѣдностью. И до тѣхъ поръ, пока не будетъ уничтожена бѣдность, ограничительныя мѣры, подобныя тѣмъ, какія предложены вами, могутъ приводить лишь къ незначительнымъ и преходящимъ результатамъ. До тѣхъ поръ, пока будетъ оставаться причина, ограничительныя мѣры будутъ лишь перемѣщать ея слѣдствія съ одного мѣста на другое, и задача, возлагаемая вами на государство, будетъ оказываться столь же невыполнимой, какъ вычерпываніе воды изъ моря съ цѣлью понизить ея уровень въ океанѣ.

Не можетъ государство устранить бѣдности и регулируя заработную плату. Регулировать заработную плату свыше силъ государства, какъ и регулировать размѣръ процента. Законы противъ ростовщичества вводились очень нерѣдко, и однако единственнымъ слѣдствіемъ ихъ всегда было увеличеніе того, что приходилось платить бѣднымъ заемщикамъ. По той же самой причинѣ и всѣ попытки понизить при помощи регулирующихъ мѣропріятій цѣну товаровъ обыкновенно приводили лишь къ повышенію ея. Общій размѣръ заработной платы опредѣляется относительной легкостью или трудностью для рабочихъ получить доступъ къ землѣ. Тамъ, гдѣ земля свободна, заработную плату представляетъ изъ себя все добываемое трудомъ; тамъ, гдѣ земля вполнѣ монополизирована, рабочей платой бываетъ лишь безусловно необходимое для существованія и воспроизведенія рабочихъ. Потому-то въ Соединенныхъ Штатахъ и въ Австраліи, когда для рабочихъ былъ сравнительно легокъ тамъ доступъ къ землѣ, заработная плата стояла выше, чѣмъ въ Европѣ, и европейскіхъ рабочихъ нельзя было нанять тамъ за ту плату, за какую они охотно стали бы работать у себя на родинѣ; но вмѣстѣ съ наступленіемъ монополизациі земли подъ влія-

ніемъ частной собственности на землю тамъ стала падать и заработная плата, давая мѣсто общественнымъ условіямъ Европы. Потому-то при частичномъ, но довольно-таки существенномъ признаніи того общаго права на землю, о которомъ я говорилъ, британскій парламентъ терпѣлъ полныя неудачи при своихъ многочисленныхъ попыткахъ понизить заработную плату. А когда учрежденіе частной собственности на землю сдѣлало свое дѣло въ Англіи, тогда оказались безуспѣшными всѣ попытки парламента поднять заработную плату. Въ началѣ этого столѣтія пробовали даже увеличивать заработокъ рабочихъ, выдавая имъ отъ казны прибавку къ ихъ заработной платѣ. Однако въ результатѣ получалось лишь соотвѣтственное сокращеніе платы, назначаемой хозяевами.

Какъ это я доказывалъ, трудъ, лишенный земли, становится товаромъ, и государство могло бы удержать заработную плату выше ея рыночной нормы только лишь въ томъ случаѣ, если бы оно стало давать работу всякому, кто ея пожелаетъ, или стало бы санкціонировать стачки рабочихъ, поддерживая ихъ изъ своихъ фондовъ. Потому-то крайніе социалисты, которые желаютъ, чтобы государство взяло въ свои руки всѣ виды промышленной дѣятельности, являются несравненно болѣе вѣрными логикѣ, чѣмъ тѣ робкіе социалисты, которые предлагаютъ, чтобы государство лишь слегка регулировало промышленную дѣятельность своихъ гражданъ.

Не болѣе можно возлагать надеждъ и на другое ваше предложеніе, чтобы государство содѣйствовало рабочему люду въ приобрѣтеніи участковъ земли. Подъ этимъ содѣйствіемъ вы понимаете, очевидно, выкупъ земли государствомъ у крупныхъ собственниковъ и передачу ея мелкимъ, съ цѣлью образованія класса крестьянъ-собственниковъ, какъ это пытаются въ настоящее время сдѣлать въ Ирландіи. Допустимъ даже, что это содѣйствіе могло бы получить широкое распространеніе. Но что было бы достигнуто чрезъ него, кромѣ

замѣны менѣе многочисленнаго привилегированнаго класса болѣе многочисленнымъ? Что было бы сдѣлано для остающагося наиболѣе многочисленнаго класса безземельныхъ рабочихъ въ деревняхъ и городахъ и для столичныхъ пролетаріевъ? Развѣ не правда, какъ утверждаетъ профессоръ де-Лавелэ, что въ такихъ странахъ, какъ Бельгія, гдѣ существуетъ крестьянская собственность, съемщики земли, — а тамъ еще имѣются таковыя, — прижимаются съ жестокостью, невѣдомой въ Ирландіи? Развѣ не правда, что въ такихъ странахъ, какъ Бельгія, положеніе простыхъ рабочихъ даже хуже, чѣмъ въ Великобританіи, гдѣ преобладаетъ крупное землевладѣніе? И если бы государство сдѣлало попытку скупать земли для крестьянъ-собственниковъ, то развѣ не послѣдовало бы изъ-за того повышенія рыночныхъ цѣнъ на землю, какое замѣчается теперь въ Ирландіи, и развѣ не стало бы дѣломъ болѣе труднымъ пріобрѣсти себѣ земли для лицъ менѣе покровительствуемыхъ или для пожелавшихъ купить ее нѣкоторое время спустя? Притомъ, сохраняя въ силѣ провозглашенный вами принципъ, что „для государства равно дороги интересы каждаго — богатаго ли, бѣднаго ли“, какимъ образомъ могли бы вы оправдать помощь государства одному человѣку при покупкѣ клочка земли, не требуя также, чтобы государство помогало другому при покупкѣ осла, третьему при покупкѣ лавки, четвертому при покупкѣ орудій и матеріаловъ для его ремесла, — короче, чтобы государство помогало каждому, кто на самомъ дѣлѣ или по предположенію только можетъ воспользоваться на благо его помощью? И развѣ вы не приходите такимъ образомъ къ коммунизму — не къ коммунизму первыхъ христіанъ и монашескихъ орденовъ, а къ коммунизму, который пользуется принудительною властью государства для насильственнаго отобранія законной собственности у имущихъ и передачи ея неимущимъ? Вѣдь у государства нѣтъ неразмѣннаго рубля, оно не можетъ повторить чуда съ хлѣбами и рыбами;

все, что может быть дано государствомъ, должно быть взято имъ въ той или другой формѣ въ видѣ налоговъ. Даетъ ли оно деньги безъ возврата или ссужаетъ ихъ, пользуется ли оно наличными средствами или прибѣгаетъ къ займамъ, все равно, оно не можетъ давать тѣмъ, у кого нѣтъ, не требуя съ тѣхъ, у кого есть.

Но, и помимо этого, всѣ планы раздѣленія земли при сохраненіи частной собственности на землю должны оказываться несостоятельными. Мелкія владѣнія несовмѣстимы съ частною собственностью на землю тамъ, гдѣ прогрессируетъ въ матеріальномъ отношеніи цивилизація и умножается богатство. Мы можемъ видѣть это на тѣхъ экономическихъ тенденціяхъ, которыя были въ древнія времена главной причиною, преобразившей владычицу міра, Италію, изъ страны мелкихъ собственниковъ въ страну крупныхъ помѣстій. Мы можемъ видѣть это на томъ фактѣ, что арендованіе земли съ давняго времени сдѣлалось почти всеобщимъ явленіемъ среди англійскихъ крестьянъ, несмотря на то, что двѣсти лѣтъ тому назадъ большинство ихъ было собственниками той земли, которую они обрабатывали. А теперь явились новыя могучія силы, побуждающія къ концентраціи — паръ и электричество. И у насъ, въ Соединенныхъ Штатахъ, можемъ видѣть въ крупномъ размѣрѣ ихъ дѣйствіе, въ смыслѣ превращенія народа изъ владѣльцевъ земли въ ея арендаторовъ. Принципъ этого дѣйствія ясенъ и несокрушимъ. Вслѣдствіе матеріальнаго прогресса земля получаетъ большую цѣнность, и когда эта возрастающая цѣнность достается частнымъ собственникамъ, то земля неминуемо должна переходить изъ собственности бѣдняковъ въ собственность богачей, какъ превращаются въ собственность послѣднихъ брильянты, когда ихъ находятъ бѣдные люди. Попытка британскаго правительства въ Ирландіи есть не болѣе, какъ попытка строить изъ снѣга дома въ Аравійской пустынѣ, попытка разводить бананы на Лабрадорѣ!

Существуетъ одинъ путь, и только одинъ, какимъ среди нашей цивилизаціи можетъ быть обезпечена за рабочимъ населеніемъ доля участія въ пользованіи землей его родины, и этотъ путь есть именно тотъ, который мы предлагаемъ — отобраніе дохода съ права собственности на землю въ пользу общества.

Что касается рабочихъ ассоціацій, то, говоря о нихъ, ваше святѣйшество имѣетъ въ виду, главнымъ образомъ, образованіе и поощреніе обществъ, подобныхъ католическимъ братствамъ или тѣмъ дружескимъ и благотворительнымъ обществамъ, въ родѣ общества Oddfellows, которыя получили столь широкое распространеніе въ странахъ англійскаго языка. Подобныя ассоціаціи могутъ содѣйствовать распространенію идеи братства, расширять сношенія между людьми и давать обезпеченіе въ случаѣ болѣзни или смерти, но сами они, если не идутъ далѣе, бессильны вліять на заработную плату даже въ средѣ своихъ членовъ. Что же касается собственно рабочихъ союзовъ, то представляется дѣломъ довольно труднымъ опредѣлить ваше отношеніе къ нимъ. Всего вѣрнѣе было бы, пожалуй, признать въ васъ чловека, вполне одобряющаго ихъ и желающаго только, чтобы они не заходили слишкомъ далеко. Правда, вы возражаете противъ стачекъ; вы осуждаете тѣ общества, которыя „изъ всѣхъ силъ стремятся захватить въ свои руки все поле трудовой дѣятельности, вынуждая рабочихъ или присоединяться къ нимъ или голодать“; вы относитесь враждебно къ понудительнымъ мѣрамъ со стороны рабочихъ противъ хозяевъ и, видимо, полагаете, что третейскій судъ могъ бы замѣнить собой забастовки; но тѣмъ не менѣе вы пользуетесь такими выраженіями и утверждаете такіе принципы, которыми, въ глазахъ всякаго приверженца рабочихъ союзовъ, оправдываются не только забастовки и бойкотированіе, но даже насиліе въ тѣхъ случаяхъ, когда оно могло бы вести къ цѣли. Ибо вы говорите о недостаточной заработ-

ной платѣ рабочихъ, какъ о зависящей отъ жадности богатыхъ хозяевъ. Вы признаете за рабочимъ нравственное право требовать отъ другихъ лицъ работы за плату большую той, которую желаютъ давать добровольно эти лица, и вы отрицаете за всякимъ человѣкомъ право работать за ту плату, за какую онъ пожелаетъ, притомъ въ такихъ выраженіяхъ, что г. Стэдъ, въ столь распространенномъ журналѣ, какъ „Review of Reviews“, безъ обвиняковъ заявлялъ, что вы смотрите на работу за плату, меньшую назначенной рабочимъ союзомъ, какъ на преступленіе.

Для людей, сознающихъ горькую несправедливость, для людей, которыхъ давить бѣдность, надъ которыми издѣваются надменные богачи, подобныя слова могутъ имѣть большее значеніе, чѣмъ то, какое вы, по моему мнѣнію, вкладывали въ нихъ.

Когда огонь сдѣлается холоднымъ, а ледъ — горячимъ, когда арміи, побросавъ свои заряды и штыки, станутъ рѣшать споры, перебрасываясь лепестками розъ, тогда станутъ возможными ассоціаціи рабочихъ, о какихъ вы думаете. Но только лишь тогда. Ибо ассоціаціи рабочихъ могутъ поднимать заработную плату только, лишь прибѣгая къ силѣ. Сила эта можетъ прилагаться пассивно, можетъ прилагаться активно, можетъ удерживаться въ запасѣ, но обязательно должна быть налицо. Ассоціаціи рабочихъ *роковымъ образомъ* должны пускаться въ ходъ противъ хозяевъ вынуждающія средства или угрозу ими, *роковымъ образомъ* должны пускаться въ ходъ понудительныя средства противъ тѣхъ изъ своихъ членовъ, которые отдѣляются отъ прочихъ, и *роковымъ образомъ* должны изо всѣхъ силъ стремиться къ захвату въ свои руки всего поля трудовой дѣятельности, съ которымъ они соприкасаются, и къ понужденію другихъ рабочихъ присоединяться къ нимъ или голодать. Тотъ, кто говоритъ вамъ о рабочихъ союзахъ, добивающихся повышенія заработной платы путемъ одного нравственнаго убѣжденія,

подобень чловѣку, который сталъ бы рассказывать вамъ о тиграхъ, питающихся апельсинами.

Положеніе народныхъ массъ въ настоящее время напоминаетъ собой положеніе толпы въ залѣ, входъ въ которую открытъ, въ которой народу все прибываетъ и прибываетъ, а выходъ изъ которой запертъ. Открыть выходъ и помочь всей массѣ нельзя, ибо для этого надо было бы уничтожить частную собственность на землю. Можно помочь себѣ, лишь отѣсняя другихъ, при чемъ самые слабые придавливаются къ стѣнѣ. Такъ именно и поступаютъ цехи и рабочіе союзы. Даже тѣмъ чловѣколюбивымъ обществамъ, на которыя вы ссылаетесь, въ ихъ усиліяхъ давать занятія своимъ членамъ, необходимо пришлось бы отнимать занятіе у другихъ.

Ибо даже филантропія, признающая зломъ вспомошествованіе трудящимся милостынею и стремящаяся помогать людямъ, находя имъ работу, роковымъ образомъ заходитъ въ область посягательства въ той слѣпой и жестокой борьбѣ, которая порождается частной собственностью на землю, и, помогая однимъ людямъ, вредитъ другимъ. Потому-то, чтобы ослабить горькія жалобы на лишеніе другихъ людей работы и на пониженіе заработной платы другихъ людей вслѣдствіе снабженія работой и заработной платой своихъ просителей, благотворительныя общества принуждены придумывать занятія въ родѣ поперебннаго выкапыванія ямъ и засыпанія ихъ. Эту трудность встрѣчаютъ наши американскія общества; на нее натолкнулся генераль Буеъ въ Англии, и съ ней должны встрѣтиться тѣ католическія общества, которыя рекомендуются вашимъ святѣйшествомъ, когда они будутъ организованы.

Ваше святѣйшество знаетъ и, конечно, цѣнить царскую щедрость барона Гирша къ своимъ страждущимъ единовѣрцамъ. Но вотъ въ то время, какъ я пишу, въ нью-іоркскихъ газетахъ появляются отчеты объ огромной сходкѣ, собравшейся въ залѣ Куперовскаго Союза въ пятницу вечеромъ 4 сентября. На этой сходкѣ значительное число еврей-

скихъ рабочихъ союзовъ самымъ рѣшительнымъ образомъ протестовало противъ лишенія работы и сокращенія заработной платы, которыя причиняются щедростью барона Гирша, доставляющаго сюда своихъ соотечественниковъ и обучающаго ихъ работѣ. Рѣшеніе, единодушно принятое на этой огромной сходкѣ, заканчивается такими словами:

„Мы требуемъ отъ барона Гирша, чтобы онъ избавилъ насъ отъ своей „благотворительности“ и взялъ назадъ тѣ милліоны, которые, вмѣсто благословенія, оказались проклятіемъ и источникомъ нищеты“.

Это говорятъ иммигранты, такіе же, какъ и тѣ, которымъ старается помогать баронъ Гиршъ, ибо евреи, уже во второмъ поколѣніи, утрачиваютъ у насъ свои отличительныя черты. И такое заключеніе еврейскихъ рабочихъ союзовъ отнюдь не доказываетъ того, чтобы они были сколь-нибудь менѣе великодушны, чѣмъ прочіе люди.

Ассоціаціи рабочихъ, подобныя ремесленнымъ цехамъ или союзамъ, бываютъ по необходимости себялюбивы; въ силу самаго закона своего существованія они должны сражаться за своихъ членовъ, не разбирая того, съ кѣмъ имъ приходится сражаться. Они отбрасываютъ и должны отбрасывать ученіе Христа, — поступаай съ другими такъ, какъ хочешь, чтобы поступали съ тобой, — то ученіе, которое признается истинной политической экономіей за единственное средство, могущее дать полное освобожденіе народнымъ массамъ. Они должны изо всѣхъ силъ добиваться того, чтобы рабочіе, которые не присоединяются къ нимъ, терпѣли голодъ, должны всѣми имѣющимися въ ихъ распоряженіи средствами отражать тѣхъ „шельмецовъ“, которые соглашаются работать за плату, назначаемую хозяевами, — какъ солдаты въ битвѣ должны стрѣлять хотя бы въ своихъ родныхъ братьевъ, если они оказываются въ рядахъ непріятелей. И кто же эти „шельмецы“? Такіе же люди, ищущіе работы; люди, по всей вѣроятности, даже болѣе угнетенные и замученные голодомъ, чѣмъ тѣ, ко-

торые жестоко ихъ преслѣдуютъ; люди, за которыми нерѣдко виднѣются истощенныя умоляющія лица ихъ женъ и дѣтей.

И чего же достигаютъ въ случаѣ успѣха ремесленные цехи и союзы? Развѣ не приводятъ они къ еще большому ограниченію естественныхъ правъ, къ созданію монополистовъ въ средѣ рабочихъ, къ умноженію привилегированныхъ классовъ другими нѣсколько менѣе привилегированными классами и къ большому подавленію наиболее слабыхъ?

Я говорю безъ предубѣжденія противъ рабочихъ союзовъ, въ которыхъ я былъ въ теченіе многихъ лѣтъ дѣятельнымъ членомъ. И доказывая вашему святѣйшеству, что они, по самой сущности своей, представляютъ изъ себя нѣчто преданное себялюбію и неспособное привести къ прочнымъ и серьезнымъ улучшеніямъ; доказывая, что ихъ образъ дѣйствія противорѣчитъ естественнымъ правамъ и ведетъ къ жестокости и несправедливостямъ,—я говорю вамъ лишь то, что я и ранѣе много разъ высказывалъ какъ въ книгахъ, такъ и въ собраніяхъ рабочихъ. И ничего нельзя возразить противъ моихъ словъ. Это понимаютъ образованные приверженцы рабочихъ союзовъ, и это смутно сознаютъ—необразованные. И это волей-неволей признаютъ даже тѣ лица изъ среды богатыхъ и досужихъ классовъ, которыя проповѣдуютъ рабочимъ необходимость организованной борьбы съ хозяевами, какъ бы понимая, что чрезъ это они могутъ отклонить рабочихъ отъ требованія возстановить за ними ихъ естественныя права.

Ваше святѣйшество, вѣроятно, помнитъ огромную стачку на лондонскихъ докахъ, бывшую два года тому назадъ, когда рабочіе, помимо прочихъ вліятельныхъ лицъ, получали также нравственную поддержку отъ того представителя церкви, котораго мы, люди говорящіе англійскимъ языкомъ, уважаемъ и цѣнимъ болѣе всѣхъ другихъ прелатовъ, находившихся среди насъ съ того времени, какъ кровь Өомы Бекета обогрила кентерберійскій жертвенникъ.

Въ книжкѣ, озаглавленной: „Исторія стачки на докахъ“, написанной гг. Смитомъ и Нэшемъ, съ предисловіемъ члена парламента Бёкстона, выставяющаго рабочіе союзы какъ рѣшеніе рабочаго вопроса, множество экземпляровъ которой было отправлено въ Австралію, какъ бы въ качествѣ официального выраженія благодарности за великодушную помощь, полученную оттуда стачечниками, я нахожу въ заключительной главѣ, на страницѣ 164—5, нижеслѣдующее признаніе:

„Если бы соглашеніе удержалось, то работа на докахъ сдѣлалась бы болѣе регулярной, стала бы лучше оплачиваться и продолжалась бы при лучшихъ условіяхъ, чѣмъ когда-либо ранѣе. Все это было бы неоспоримой выгодой для тѣхъ, которые оказались бы въ выигрышѣ. Но, съ другой стороны, въ результатѣ, безъ сомнѣнія, должно послѣдовать сокращеніе спроса на трудъ и уменьшеніе числа людей, которые могутъ найти для себя работу. Болѣе низкій классъ поденныхъ рабочихъ долженъ оказаться въ положеніи зависящемъ отъ случая болѣе, чѣмъ когда-либо ранѣе, и это сдѣлается какъ разъ въ той мѣрѣ, въ какой будетъ достигнуто постоянство работы для болѣе счастливыхъ рабочихъ. Слѣдствіемъ организациі рабочихъ на докахъ, какъ вообще какихъ бы то ни было другихъ рабочихъ, должно быть крайнее стѣсненіе остальныхъ. Бродяги, нищіе, неудачники изъ среды ремесленниковъ, члены „Класса В“ въ іерархіи общественныхъ классовъ Буса, — не окажутся въ выигрышѣ отъ переменъ, но скорѣе *найдутъ для себя закрытой еще одну дорогу къ трудовой жизни, и — во многихъ случаяхъ — послѣднюю дорогу*“.

Я далекъ отъ желанія, чтобы вы, ваше святѣйшество, присоединились къ этому фарисейскому осужденію рабочихъ союзовъ, обычному среди людей, склонныхъ замѣчать несправедливость, которую дѣлаютъ рабочіе въ союзахъ, отрицая за всѣми людьми равное право на работу, и въ то же время поддерживающихъ ту бѣольшую несправедливость, когда

за людьми отрицается равное право на мѣсто на землѣ и на матеріаль, необходимый для труда. Я только желаю доказать вамъ, что рабочіе союзы, хотя и могутъ быть отчасти палліативой, тѣмъ не менѣе не представляютъ изъ себя врачующаго средства; что они не обладаютъ тѣмъ нравственнымъ характеромъ, который одинъ только и могъ бы побудить ваше святѣйшество рекомендовать ихъ, какъ нѣчто хорошее само по себѣ. Однако, настаивая на частной собственности на землю, можете ли вы предложить что-либо лучшее?

V.

Въ началѣ окружнаго посланія вы заявляете, что долгъ апостольскаго служенія побуждаетъ васъ подвергнуть вопросу о положеніи трудящихся „открытому и всестороннему обсужденію, дабы не могло быть сомнѣній въ отношеніи тѣхъ принциповъ, которые должны лечь въ основу рѣшенія, согласнаго съ истиной и справедливостью“. Но будучи ослѣплены нѣкоторымъ ложнымъ предположеніемъ, вы не видите изъ числа этихъ принциповъ даже основныхъ.

Вы предполагаете, что рабочій вопросъ есть вопросъ, касающійся отношеній между наемными рабочими и ихъ хозяевами. Но работа за плату не есть первичный или исключительный способъ примѣненія своихъ силъ къ труду. Первоначально люди работаютъ отъ себя, безъ всякаго вмѣшательства хозяевъ. И первоначальнымъ источникомъ заработной платы бываетъ то, что добывается трудомъ; человекъ работаетъ отъ себя и потребляетъ производимое имъ, получая свою заработную плату въ плодахъ своего труда. Развѣ рыбаки, лодочники, извозчики, разносчики, крестьяне, короче, вся та масса народа, которая получаетъ свою заработную плату непосредственно отъ продажи своихъ услугъ или произведеній безъ всякаго участія хозяевъ, развѣ не предста-

вляеть изъ себя такихъ же работниковъ, какъ тѣ, которые трудятся за назначенную плату у хозяевъ? При своемъ разсмотрѣннн средствъ борьбы со зломъ вы, кажется, даже не думали о нихъ. Однако, въ дѣйствительности, работники, которые занимаются отъ себя, являются первыми, положеніе которыхъ слѣдуетъ обсудить; ибо та плата, за которую люди соглашаются работать у хозяевъ, очевидно, зависитъ отъ того, что они могутъ получать, работая отъ себя.

Вы предполагаете, что всѣ хозяева суть богатые люди, которые могли бы давать несравненно бѣльшую плату, если бы они не были столь жадными. Однако, развѣ это не фактъ, что огромное большинство хозяевъ, въ сущности, выдерживаютъ такую же конкуренцію, какъ и ихъ рабочіе, при чемъ множеству изъ нихъ постоянно грозитъ банкротство? Само собой разумѣется, что такіе хозяева не могли бы повысить назначаемой ими заработной платы, какъ бы они того ни желали, до тѣхъ поръ, пока не были бы принуждены повысить плату всѣ прочіе хозяева.

Вы предполагаете, что въ естественномъ порядкѣ существуютъ два класса: богатыхъ и бѣдныхъ, и что работники естественно принадлежать къ бѣднымъ.

Между людьми, говорите вы, существуютъ естественныя различія въ способностяхъ, въ прилежаніи, въ здоровьѣ и въ силѣ, которыя должны имѣть своимъ слѣдствіемъ неравенство судьбы. Это вѣрно. Но вѣдь не эти различія приводятъ къ дѣленію людей на бѣдныхъ и богатыхъ. Единственная разница въ силахъ и способностяхъ бываетъ, конечно, не больше естественной разницы въ ростѣ. Однако, лишь подбирая великановъ и карликовъ, мы можемъ найти людей, изъ которыхъ одинъ былъ бы вдвое выше другого; тогда какъ разница между богатыми и бѣдными въ настоящее время такова, что одни люди бываютъ въ тысячу и въ миллионъ разъ богаче другихъ.

Нигдѣ эти различія между богатствомъ и бѣдностью не

совпадаютъ съ различіями въ индивидуальныхъ силахъ и способностяхъ. Истинное различіе между богатыми и бѣдными сводится къ различію между людьми, которые устанавливаютъ заставныя пошлины, и людьми, которые уплачиваютъ ихъ, между людьми, которые налагаютъ дань, и людьми, на которыхъ она налагается.

Оправдываетъ ли гдѣ природа подобное различіе? Среди безчисленнаго разнообразія живыхъ существъ мы находимъ нѣкоторые виды, очевидно, предназначенные жить на счетъ другихъ видовъ. Но ихъ отношеніе такого рода всегда бываетъ ясно выражено въ особенностяхъ ихъ роста, формы или внутренней организаціи. Человѣку дано владычество надъ всѣми другими живыми существами, населяющими землю. Но развѣ это превосходство его не выражается даже въ его внѣшности? Развѣ затруднится кто, даже по виду, отличить человѣка отъ другого какого-либо низшаго существа? Наши американскіе защитники рабства доказывали, обыкновенно, что природа предназначила негровъ служить бѣлой расѣ, ссылаясь на темную окраску ихъ кожи и ихъ курчавые волосы; но вѣдь то различіе между людьми, которое вы признаете естественнымъ, касается людей одной и той же расы. Установила ли природа между этими людьми такое различіе, которое показывало бы, что одни изъ нихъ предназначены жить въ праздности и богатствѣ, а другіе въ бѣдности и тяжеломъ трудѣ? Если бы я могъ привезти къ вамъ изъ Соединенныхъ Штатовъ человѣка, имѣющаго 200.000.000 долларовъ, и человѣка, готоваго работать цѣлую недѣлю за нѣсколько долларовъ, и поставилъ бы ихъ рядомъ въ вашей аванзалѣ, то развѣ были бы вы въ состояніи сказать, кто изъ нихъ первый, кто второй, даже обратившись за разъясненіемъ къ искусному хирургу? Не ясно ли, что Богъ отнюдь не благословляетъ или не оправдываетъ дѣленія людей на бѣдныхъ и богатыхъ, которое существуетъ въ настоящее время, и что если Онъ допу-

скаеть его, то только лишь предоставляя людямъ свободу, свободу выбора между добромъ и зломъ, свободу отказываться отъ рая, предпочитая ему адъ? Ибо развѣ не ясно, что дѣленіе людей на классъ богатыхъ и бѣдныхъ всегда имѣеть своимъ источникомъ насиліе и обманъ, неизбѣжно предполагаетъ собой нарушеніе нравственнаго закона и по существу своему является дѣленіемъ людей на лицъ, пользующихся грабежомъ, удерживающихъ въ своемъ исключительномъ обладаніи то, что предоставлено Богомъ для всѣхъ, и на лицъ, лишаемыхъ Божьей благодати? Развѣ Христосъ во всѣхъ своихъ словахъ и притчахъ не указывалъ на то, что рѣзкая разница между богатыми и бѣдными противна Божьему закону; развѣ Онъ осуждалъ бы столь рѣшительно богачей, если бы классовое различіе не заключало въ себѣ несправедливости, если бы оно не противорѣчило Божіимъ намѣреніямъ?

Намъ кажется, что ваше святѣйшество не усматриваетъ истиннаго значенія факта, говоря, что Христосъ, сдѣлавшись сыномъ плотника и Самъ работая, какъ плотникъ, показывалъ чрезъ это лишь то, „что нѣтъ ничего позорнаго въ снисканіи себѣ пропитанія трудомъ“. Вѣдь сказать это почти то же, какъ сказать, что, не грабя людей, Онъ показывалъ, что нѣтъ ничего позорнаго въ честности. Если вы вдумаетесь, насколько вѣрна, при всякомъ сколь-нибудь широкомъ взглядѣ на вещи, классификація людей на рабочихъ, нищихъ и воровъ, то вы поймете, что для Христа было бы нравственно невозможно за время своего пребыванія на землѣ быть кѣмъ-либо инымъ, а не рабочимъ, ибо Тотъ, Кто пришелъ исполнить законъ, долженъ былъ и дѣломъ и словомъ повиноваться Божьему закону труда.

Посмотрите, какимъ полнымъ и прекраснымъ примѣромъ исполненія этого закона является земная жизнь Христа. Вступивъ на землю слабымъ ребенкомъ, какъ это предна-

значено всякому человѣку, Онъ съ любовью принялъ то, что въ естественномъ порядкѣ вещей съ любовью дается людямъ: средства къ жизни, собранныя трудомъ, которыя одно поколѣніе доставляетъ другому, непосредственно слѣдующему за нимъ. Достигнувъ зрѣлости, онъ зарабатывалъ себѣ пропитаніе тѣмъ обычнымъ трудомъ, какимъ должно зарабатывать его и зарабатываетъ большинство людей. Потомъ, поднявшись до болѣе высокой, до наивысшей ступени труда, Онъ сталъ зарабатывать себѣ пропитаніе, уча нравственнымъ и духовнымъ истинамъ, получая матеріальную плату въ братскихъ приношеніяхъ признательныхъ слушателей и не отказываясь отъ драгоцѣннаго народоваго масла, которымъ Марія помазала Ему ноги. Такимъ же образомъ, избирая Себѣ учениковъ, Онъ обратился не къ собственникамъ земли и другимъ монополистамъ, живущимъ на счетъ чужого труда, а къ обыкновеннымъ рабочимъ людямъ. И, призвавъ ихъ къ болѣе высокой дѣятельности, Онъ повелѣлъ имъ, уча нравственнымъ и духовнымъ истинамъ, брать, безъ всякой угодливости, съ одной стороны, безъ всякаго чувства униженія — съ другой, любовное вознагражденіе за такой трудъ. „Трудящійся достоинъ награды своей“, сказалъ Онъ имъ. Черезъ это Онъ далъ понять, съ чѣмъ мы вполне согласны, что трудъ вообще состоитъ не въ одной только физической работѣ, но что подъ трудящимся слѣдуетъ понимать всякаго, кто съ матеріальной, умственной нравственной или духовной стороны увеличиваетъ полноту жизни ¹⁾.

---

1) Не должно также забывать и того, что изслѣдователи, философы, учителя, художники тоже не заняты производствомъ богатства. Тѣмъ не менѣе они не только создаютъ полезности и доставляютъ удовлетвореніе, ради котораго, въ сущности, производится богатство, но, приобрѣтая и распространяя знанія, возбуждая умственные силы и возвышая нравственное чувство, увеличиваютъ также въ огромной мѣрѣ способность къ произведенію богатства.

Признавая, что трудящіеся, даже обыкновенные рабочіе, бѣдны въ силу естественнаго порядка, вы игнорируете тотъ фактъ, что трудъ есть производитель богатства, и приписываете естественному закону Творца несправедливость, которая проистекаетъ отъ нечестиваго противленія людей Его благимъ намѣреніямъ. При самомъ грубомъ состояніи техники, тамъ, гдѣ господствуетъ справедливость, всякій здоровый человѣкъ имѣетъ возможность добывать себѣ средства къ жизни. При берегающихъ трудъ орудіяхъ нашего времени каждый человѣкъ долженъ бы былъ добывать несравненно болѣе. И потому, говоря, что бѣдность не есть безчестіе, вы дѣлаете противное разуму допущеніе. Бѣдность *должна* быть безчестіемъ. Ибо, при справедливыхъ общественныхъ условіяхъ, не порожденная религіозными побужденіями или не вызванная неотвратимыми несчастіями, она можетъ зависѣть лишь отъ безпечности или отъ лѣни.

Сочувствіе вашего святѣйшества, повидимому, исключительно направлено въ сторону людей бѣдныхъ, работниковъ. Но справедливо ли это? Развѣ люди богатые, праздные не заслуживаютъ также сожалѣнія? По слову Евангелія, надо жалѣть скорѣе богатыхъ, чѣмъ бѣдныхъ, ибо бога-

---

Ибо не однимъ только хлѣбомъ живетъ человѣкъ. Онъ не машина, въ которой столько-то топлива даетъ столько-то силы. При работѣ кабестаномъ или при поднятіи парусовъ хорошая иѣсня какъ бы освобождаетъ силу мускуловъ, и задушевный смѣхъ, благородная мысль, воспріятіе гармоніи могутъ увеличивать нашу способность воздѣйствія даже на предметы матеріальнаго міра. Всякій, кто своимъ умственнымъ или физическимъ трудомъ увеличиваетъ совокупность богатства, которымъ могутъ пользоваться люди, расширяетъ область человѣческаго знанія или придаетъ человѣческой жизни болѣе возвышенный обликъ, большую полноту, есть „производитель“, „работникъ“, „рабочій“, въ истинномъ смыслѣ этихъ словъ, и честно зарабатываетъ свой трудовой хлѣбъ.

„Покровительство отечественной промышленности или свобода торговли?“ (*Русскій переводъ, изд. „Посредника“, стр. 65 и 66.*)

тыхъ, всего вѣроятнѣе, ожидаетъ судьба того богача, у воротъ котораго лежалъ бѣдный Лазарь. И для всякаго, кто вѣритъ въ будущую жизнь, положеніе человѣка, разставшагося съ землей и съ своими дорогими милліонами, должно казаться плачевнымъ. Но даже и въ этой жизни положеніе богатыхъ поистинѣ плачевно. Зло кроется не въ самомъ богатствѣ, не въ его власти надъ матеріальнымъ міромъ; зло заключается въ обладаніи богатствомъ въ то время, когда другіе страдаютъ отъ бѣдности, — въ удаленіи себя отъ соприкосновенія съ жизнью людей, отъ ихъ труда и борьбы, отъ ихъ надеждъ и опасеній и, главное, въ удаленіи отъ любви, которая улаживаетъ жизнь, и отъ нѣжныхъ симпатій и великодушныхъ поступковъ, которые усиливаютъ вѣру человѣка и его упованіе на Бога. Богачамъ приходится видѣть по преимуществу болѣе низкія стороны человѣческой природы. Они окружены обыкновенно льстецами и наушниками; всегда у нихъ подъ руками не только средства для удовлетворенія своихъ порочныхъ наклонностей, но также орудія для ихъ развитія и возбужденія; они всегда должны стоять насторожѣ, чтобы не быть обманутыми, и имъ часто приходится подозрѣвать себялюбивые интересы тамъ, гдѣ есть лишь дружескій поступокъ или сердечное слово. Лишь только пытаются они быть великодушными, какъ ихъ уже окружаетъ толпа безсовѣстныхъ нищихъ и хитрыхъ обманщиковъ. А какъ легко утрачиваются среди нихъ семейныя привязанности... Какъ часто смерть ихъ является чѣмъ-то вождельнымъ для родныхъ, мечтающихъ о наслѣдствѣ... Наибольшее зло бѣдности проистекаетъ не отъ недостатка въ матеріальныхъ предметахъ, а отъ подавленія и извращенія высшихъ свойствъ человѣческой природы. Подобно этому, и обладаніе незаработаннымъ богатствомъ, хотя и инымъ путемъ, подавляетъ и извращаетъ все то, что есть наиболѣе благороднаго въ человѣкѣ.

Нельзя безнаказанно уклоняться отъ исполненія Божьихъ

заповѣдей. Если Божья заповѣдь состоитъ въ томъ, чтобы человѣкъ зарабатывалъ свой хлѣбъ трудомъ, то ясно, что праздные богачи должны страдать. И они страдаютъ. Посмотрите, какая страшная пустота чувствуется въ жизни людей, которые живутъ въ свое удовольствіе; какіе отвратительные пороки развиваются среди того класса, который живетъ въ богатствѣ, окруженный бѣдностью. Подумайте о страшныхъ мученіяхъ скуки, которыхъ бѣдняки даже не въ состояніи и понять; подумайте о пессимизмѣ, развивающемся въ богатыхъ классахъ, который отклоняетъ отъ Бога, побуждаетъ смотрѣть съ презрѣніемъ на человѣка, признаетъ зломъ самое существованіе и, страшась смерти, мечтаетъ о полномъ уничтоженіи.

Когда Христосъ сказалъ богатому юношѣ, который обратился къ Нему, чтобы онъ продалъ все, что имѣетъ, и роздалъ бѣднякамъ, то Онъ заботился не о бѣднякахъ, а объ этомъ юношѣ. И я не сомнѣваюсь, что среди богатыхъ людей, особенно среди лично пріобрѣвшихъ себѣ состояніе, есть не мало такихъ, которые съ горечью чувствуютъ, по крайней мѣрѣ по временамъ, все безуміе своего богатства и съ ужасомъ думаютъ объ опасностяхъ и искушеніяхъ, ожидающихъ изъ-за него ихъ дѣтей. Но сила долгой привычки, побужденія гордости, инстинкты игрока, семейныя ожиданія, принявшія характеръ права, и крайняя трудность сдѣлать полезное употребленіе изъ своего богатства привязываютъ ихъ къ ихъ грузу, уподобляя ихъ измученному ослу, привязанному къ тюку, вмѣстѣ съ которымъ онъ сваливается въ пропасть.

Люди, которые бываютъ увѣрены въ томъ, что они будутъ имѣть пищу, когда она потребуется, ѣдятъ лишь столько, сколько подсказываетъ имъ ихъ аппетитъ. Но это чувство мѣры незнакомо племенамъ, разсѣянными по окраинамъ обитаемаго міра; ихъ жизнь представляетъ изъ себя то голодовку, то сплошной праздникъ. Натерпѣвшись отъ

голода въ теченіе нѣсколькихъ дней и страшась его повторенія, при удачной охотѣ на дичь люди пожирають добычу, подобно боа. Такимъ-то образомъ и среди насъ богатство становится проклятіемъ изъ-за того, что побуждаетъ добиваться его, изъ-за того, что побуждаетъ желать его и удивляться ему—изъ-за боязни нужды. Слишкомъ богатые роковымъ образомъ являются тамъ, гдѣ есть слишкомъ бѣдные, и растлѣвающее душу свойство богатства есть лишь отраженіе вліянія нужды, которая оскотиниваетъ и унижаетъ. Истинное зло заключается въ несправедливости, отъ которой проистекають какъ неестественное изобиліе, такъ и неестественное лишеніе.

Однако въ этой несправедливости едва ли можно винить отдѣльныхъ лицъ или отдѣльные классы общества. Отъ этой великой общественной неправды, частной собственности на землю, одинаково страдаетъ все общество, и богатые являются такими же жертвами ея, какъ бѣдные, хотя и на разныхъ полюсахъ. Потому намъ кажется чѣмъ-то въ родѣ нарушенія христіанскаго милосердія та мысль, будто богачи индивидуально отвѣтственны за страданія бѣдняковъ. И однако, высказывая ее, вы настаиваете на томъ, что причина чудовищнаго богатства и унижающей бѣдности должна оставаться неприкосновенной. Вотъ человѣкъ съ безобразнымъ и опаснымъ наростомъ. Одинъ врачъ предлагаетъ осторожно, но быстро удалить этотъ наростъ. Другой настаиваетъ на томъ, чтобы его не срѣзали, и въ то же время выставяетъ несчастную жертву на поруганіе и насмѣшки. Который относится лучше къ больному?

Добиваясь возврата всѣмъ людямъ ихъ равныхъ и естественныхъ правъ, мы стремимся ко благу не одного какого-либо класса, а всѣхъ. Ибо и разумъ, и чувство подсказываютъ намъ, что несправедливость не можетъ быть выгодной ни для кого, а справедливость будетъ благодѣяніемъ для всѣхъ.

И мы не гонимся за „пустымъ и смѣшнымъ равенствомъ“. Мы вмѣстѣ съ вами признаемъ, что среди людей всегда будутъ различія и неравенства. Мы признаемъ ихъ, поскольку они согласуются съ нравственнымъ закономъ, поскольку при нихъ не нарушается заповѣдь „не укради“. Мы хотимъ не улучшить Божіе дѣло, мы хотимъ лишь исполнить Его волю. Равенство, котораго мы желаемъ, не есть равенство судьбы, а есть равенство естественныхъ удобствъ, то равенство, которое одинаково провозглашаютъ и разумъ и религія—равенство для всѣхъ дѣтей въ пользованіи благостью своего Отца, который на небесахъ.

И отбирая для пользованія общества тотъ великій фондъ, который въ божественномъ планѣ былъ предназначенъ для общества, мы не наложили бы ни малѣйшаго налога на обладателей богатства, все равно, какъ бы они ни были богаты. Мы не только считаемъ подобные налоги нарушеніемъ права собственности, но признаемъ даже, что въ силу чуднаго соотвѣтствія между экономическими законами Создателя ни одинъ человѣкъ не можетъ честно пріобрѣтать богатства, не увеличивая въ то же время богатства всего міра.

Настаивать на несправедливости, отказываться отъ уничтоженія ея всегда значитъ идти къ новымъ несправедливостямъ. Потому люди, которые оправдываютъ частную собственность на землю и, стало быть, отрицаютъ первое и самое главное изъ человѣческихъ правъ—равное право на матеріальныя условія существованія,—принуждены бываютъ избирать одинъ изъ двухъ путей. Или они должны, вмѣстѣ съ тѣми лицами, которыхъ откровеніе сводится къ принципу: „чортъ хватаетъ послѣдняго“, отрицать равное право на жизнь и доказывать, что природа (они не рѣшаются сказать: Богъ) вноситъ въ міръ болѣе существъ, чѣмъ сколько можетъ въ немъ прокормиться; въ своемъ утвержденіи они могутъ опираться и на теоріи въ родѣ той,

которой англійскій пресвитеръ Мальтусъ передалъ свое имя. Или они должны, какъ то дѣлаютъ социалисты, признавать за право то, что по своей сущности есть неправда. Ваше святѣйшество въ своемъ окружномъ посланіи вступило именно на этотъ послѣдній путь. Отвергая равенство правъ на матеріальную основу существованія и, однако, признавая право на жизнь, вы стали настаивать на правѣ работниковъ имѣть занятіе и на ихъ правѣ получать отъ хозяевъ какую-то неопредѣленную плату. Никакихъ подобныхъ правъ не существуетъ. Никто не имѣетъ права требовать работы отъ другого или требовать отъ другого за работу высшей платы, чѣмъ тотъ хочетъ дать, или вынуждать другого человѣка къ повышенію этой платы. Подобныя требованія со стороны рабочихъ имѣли бы не больше нравственнаго оправданія, чѣмъ требованія хозяевъ, чтобы рабочіе были принуждаемы работать у нихъ помимо своего желанія или за плату, какой они не хотятъ брать. Всякое кажущееся оправданіе должно вытекать изъ основной неправды, изъ отрицанія за рабочимъ его естественныхъ правъ, и въ конечномъ анализѣ можетъ опираться лишь на тотъ высшій законъ самосохраненія, которымъ, при исключительныхъ обстоятельствахъ, оправдываются дѣйствія, являющіяся въ сущности кражей, святотатствомъ или даже убійствомъ.

Рабъ, бѣгущій отъ погони и преслѣдуемый собаками, съ точки зрѣнія христіанской нравственности, не былъ бы виновенъ, если бы онъ вскочилъ на первую попавшуюся лошадь, даже сбивши съ нея всадника. Однако этимъ не оправдывалось бы конокрадство, какъ обычное средство для путешественниковъ.

Христосъ, когда ученики Его были голодны, позволилъ имъ срывать колосья въ субботу. Но Онъ никогда не отвергалъ святости субботы и не утверждалъ, что при обыкновенныхъ обстоятельствахъ она была надлежащимъ временемъ для собиранія хлѣба.

Онъ оправдывалъ Давида, который изъ-за голода сдѣлалъ въ обычномъ смыслѣ святотатство, взявъ изъ храма хлѣбы предложенія. Но Онъ далекъ былъ отъ того, чтобы утверждать, будто обирание храмовъ является надлежащимъ способомъ добыванія пропитанія.

Въ своемъ окружномъ посланіи вы рекомендуете, однако, приложеніе къ обычнымъ жизненнымъ отношеніямъ при нормальныхъ условіяхъ тѣхъ принциповъ, которые могутъ быть терпимы лишь при исключительныхъ обстоятельствахъ. И вы были приведены къ этому утвержденію ложныхъ правъ вслѣдствіе вашего отрицанія истинныхъ правъ. Естественное право, принадлежащее каждому человѣку, состоитъ не въ правѣ требовать работы или заработной платы отъ другого человѣка, но въ правѣ трудиться, въ правѣ прилагать свои силы къ тому неисчерпаемому запасу, который заготовленъ въ землѣ Творцомъ для всѣхъ людей. Будь сдѣланъ доступнымъ этотъ запасъ, какъ это можетъ быть сдѣлано при помощи единаго налога, и естественный спросъ на трудъ всталъ бы въ соотвѣтствіе съ предложеніемъ труда. Люди, которые продаютъ трудъ, производили бы тогда свободный обмѣнъ къ взаимной выгодѣ, и были бы устранены всѣ причины пререканій между хозяевами и рабочими. Всякій былъ бы свободенъ тогда самостоятельно пользоваться своимъ трудомъ, и простая возможность трудиться перестала бы представлять изъ себя милость. А такъ какъ никто не сталъ бы работать на другого за вознагражденіе меньшее того, какое онъ могъ бы получать, при равенствѣ прочихъ условій, работая отъ себя, то заработная плата неизбѣжно поднялась бы до своей полной цѣнности, и отношенія между рабочими и хозяевами стали бы регулироваться взаимнымъ интересомъ и удобствомъ.

Это единственный путь, какимъ они могутъ регулироваться сколь-нибудь удовлетворительно.

Ваше святѣйшество, видимо, полагаетъ, что существуетъ

нѣкоторый справедливый размѣръ заработной платы, которую хозяева должны охотно уплачивать, а работники — съ готовностью брать. Вамъ кажется, что если бы она была установлена, то былъ бы положенъ конецъ спорамъ. Размѣръ этотъ, очевидно, представляется вамъ достаточнымъ для того, чтобы рабочіе могли вести скромную жизнь и, пожалуй, при тяжеломъ трудѣ и строгой бережливости откладывать кое-что на черный день.

Однако какимъ образомъ можетъ быть установленъ справедливый размѣръ заработной платы безъ того „рыночнаго торга“, которымъ опредѣляется настоящая цѣна хлѣба, свиней, судовъ или картинъ? И не было ли бы въ этомъ случаѣ, какъ и въ прочихъ, такое произвольное установленіе самымъ серьезнымъ препятствіемъ къ экономичному распредѣленію производительныхъ силъ? Почему покупатели труда болѣе, чѣмъ покупатели товара, должны были бы уплачивать не ту цѣну, какая устанавливается на свободномъ рынкѣ, а другую, болѣе высокую? Почему продавцы труда должны были бы довольствоваться не тѣмъ, что они могутъ получить на свободномъ рынкѣ, а чѣмъ-то меньшимъ? Почему рабочіе должны довольствоваться скромнымъ пропитаніемъ, когда міръ такъ богатъ? Почему должны они удовлетворяться жизнью въ мучительномъ трудѣ и лишеніяхъ, когда міръ такъ прекрасенъ? Почему не должны они такъ же желать удовлетворенія своихъ болѣе высокихъ стремленій, своихъ болѣе утонченныхъ вкусовъ? Почему они вѣки вѣчные должны довольствоваться пребываніемъ на палубѣ, когда другіе находятъ болѣе удобными каюты?

Нѣтъ, рабочіе не будутъ удовлетворены. Броженіе въ ихъ умахъ вызывается не тѣмъ фактомъ, что имъ становится тяжелѣе жить при одной и той степени благосостоянія. Оно вызывается также, и, быть-можетъ, въ болѣе сильной мѣрѣ, ростомъ ихъ желаній съ каждымъ поднятіемъ на болѣе высокую ступень. А этотъ ростъ желаній долженъ

продолжаться непрерывно. Ибо рабочіе суть люди, а человекъ есть ненасытное животное.

Онъ не волъ, о которомъ можно сказать, что столько-то сѣна, столько-то овса, столько-то воды и немного соли дадутъ ему довольство. Онъ, напротивъ, чѣмъ болѣе получаетъ, тѣмъ болѣе желаетъ. Когда у него есть довольно ѣды, то онъ желаетъ лучшей ѣды. Когда у него есть жилище, то онъ желаетъ еще болѣе удобнаго и красиваго жилища. Когда удовлетворены его животныя потребности, то у него возникаютъ умственныя и духовныя.

Постоянное недовольство есть одна изъ основныхъ чертъ человѣческой природы, есть то благородное свойство ея, которое отдѣляетъ неизмѣримою пропастью человекъ отъ прочихъ животныхъ и показываетъ, что онъ дѣйствительно созданъ по образу и подобию Божію. И не надо сѣтовать на это свойство человекъ, ибо онъ есть двигатель всякаго прогресса. Именно оно воздвигло соборъ св. Петра и на грубомъ, безжизненномъ полотнѣ проявило божественный ликъ Мадонны. Именно оно взвѣшивало планеты, опредѣляло составъ звѣздъ и прочитывало страницу за страницей въ чудномъ твореніи божественнаго Разума. Именно оно превратило Атлантическій океанъ въ великую международную дорогу и заставило молнію летать съ вѣстями отъ края до края земли. И именно оно открываетъ для насъ возможность такого будущаго, предъ которымъ блѣднѣетъ все выполненное современной цивилизаціей. Подавить это свойство можно, лишь унизивъ и оскотинивъ человекъ, сдѣлавъ изъ Европы Азію.

Въ виду этого невозможно установить такой размѣръ заработной платы, который былъ бы признанъ справедливымъ или могъ бы удержать рабочихъ отъ стремленія получить больше. Единственной нормой заработной платы можетъ быть лишь тотъ размѣръ ея, который долженъ установиться при отбѣнѣ всѣхъ стѣсненій труда и обезпеченіи за всѣми людьми доступа къ естественнымъ удобствамъ на равныхъ условіяхъ.

Всякая другая нормировка, вмѣсто того, чтобы дѣлать рабочихъ болѣе довольными при нѣкоторомъ улучшеніи ихъ положенія, будетъ, конечно, усиливать ихъ недовольство.

И вы требуете несправедливости, когда требуете, чтобы хозяева уплачивали своимъ рабочимъ болѣе, чѣмъ сколько они принуждены уплачивать, болѣе той платы, за которую они могли бы нанять другихъ рабочихъ. Вы требуете милосердія, ибо тотъ излишекъ, который такимъ образомъ выплачивали бы хозяева, былъ бы на самомъ дѣлѣ не заработной платой, а являлся бы по существу своему милостыней.

Говоря о практическихъ мѣропріятіяхъ для улучшенія быта трудящихся, которыя предлагаетъ ваше святѣйшество, я не упоминалъ о томъ, на что вы возлагаете такъ много надежды, — о милосердіи. Однако оно не представляетъ изъ себя чего-либо практически пригоднаго въ смыслѣ средства для борьбы съ бѣдностью, и никто не будетъ видѣть въ немъ ничего подобнаго. Если бы было возможно подаваніемъ милостыни уничтожить бѣдность, то, конечно, бѣдности уже не существовало бы въ христіанскомъ мірѣ.

Милосердіе, по существу своему, есть высокая и прекрасная добродѣтель, цѣнимая людьми и благословляемая Богомъ. Но милосердіе должно основываться на справедливости. Оно не можетъ сдѣлать излишней справедливость. Неправда, которая сказывается въ жизни трудящихся всюду среди христіанскаго міра, заключается въ томъ, что ихъ грабятъ. И до тѣхъ поръ, пока вы будете оправдывать продолженіе этого грабежа, напрасно вы будете взывать къ милосердію. Выставляя милосердіе, какъ замѣну справедливости, вы, въ сущности, будете очень и очень уподобляться тѣмъ еретикамъ, — осужденнымъ вашими предшественниками, — которые учили, будто Евангеліе уничтожило законъ и будто любовь Божія избавила человѣка отъ его нравственныхъ обязательствъ.

Все, что можетъ сдѣлать милосердіе тамъ, гдѣ существуетъ несправедливость, сводится лишь къ случайному смягченію слѣдствій несправедливости. Но оно не можетъ устранить ихъ. И даже то малое, что оно можетъ сдѣлать, смягчая слѣдствія несправедливости, не обходится безъ вреда. Ибо тѣ добродѣтели, которыя могутъ быть названы вспомогательными, добавочными, оказываются зломъ тамъ, гдѣ отсутствуютъ основныя или первичныя добродѣтели. Такъ, хладнокровіе и прилежаніе суть добродѣтели; но хладнокровный и прилежный воръ является наиболѣе опаснымъ. Терпѣніе есть добродѣтель, но терпѣніе при несправедливости есть потворство несправедливости. Подобнымъ образомъ является добродѣтелью стремленіе къ знанію и развитію своихъ умственныхъ силъ; но порочный человѣкъ становится болѣе способнымъ ко злу благодаря своему умственному развитію. Чертей мы всегда представляемъ себѣ существами, развитыми въ умственномъ отношеніи.

Такимъ же образомъ творитъ зло и то милосердіе, которое отказывается отъ справедливости и отвергаетъ ее. Съ одной стороны, оно развращаетъ вспомошествоваемыхъ, оскорбляя въ нихъ то человѣческое достоинство, къ которому, по вашему выраженію, самъ Богъ относится съ уваженіемъ, и превращая въ просителей и нищихъ людей, которые, чтобы сдѣлаться самостоятельными и уважающими себя гражданами, нуждаются лишь въ возвращеніи того, что далъ имъ Богъ. Съ другой стороны, оно вліяетъ какъ заглушающее средство на сознаніе тѣхъ, которые живутъ на счетъ грабежа своихъ ближнихъ, и питаетъ то нравственное заблужденіе и ту духовную гордость, которыя, безъ сомнѣнія, имѣлъ въ виду Христосъ, когда говорилъ, что легче верблюду пройти чрезъ игольное ухо, чѣмъ богатому человѣку войти въ царство небесное. Ибо люди, погрязшіе въ несправедливости и пользующіеся своими средствами и своимъ вліяніемъ для поддержанія несправедливости, невольно думаютъ, что, давая ми-

лостыню, они дѣлаютъ нѣчто бѣльшее того, что предписываетъ ихъ долгъ человѣка, что они чрезъ это возвышаются въ глазахъ Бога. Они смутно приписываютъ своей добротѣ то, что, въ сущности, есть даръ Божьей благодати. Ибо подумайте: кто есть податель всякихъ благъ? Кто, по словамъ вашимъ, „долженъ былъ заготовить для человѣка запасъ, изъ котораго онъ могъ бы постоянно удовлетворять свои повседневныя нужды“, запасъ, которымъ „являются именно неистощимое плодородіе земли?“ Развѣ не Богъ? И потому, когда люди, лишенные благодати своего Бога, становятся въ зависимость отъ благодати такихъ же, какъ и они, созданій, то развѣ эти созданія не занимаютъ какъ бы мѣсто Бога, относя къ себѣ уплату тѣхъ обязательствъ, которыя, по вашимъ словамъ, были приняты на себя Богомъ?

Но, быть-можетъ, самое худшее, къ чему должна повести эта замѣна ясныхъ требованій справедливости смутными предписаніями милосердія, заключается въ томъ, что она открываетъ признаннымъ учителямъ христіанской религіи, во всехъ ея вѣтвяхъ и вѣроисповѣданіяхъ, удобный путь для служенія маммонѣ, сохраняя убѣжденіе, что они служатъ Богу. Примѣровъ вліянія такого рода не мало въ исторіи христіанства, начиная со времени Константина и до нашихъ дней. Не подчини англійское духовенство проповѣдь справедливости внушеніямъ милосердія, и никогда не возникла бы тираннія Тюдоровъ, при чемъ было бы предупреждено и отдѣленіе церкви. Не замѣни французское духовенство справедливость милосердіемъ, и чудовищныя неправды стараго порядка не привели бы затѣмъ къ ужасамъ Великой революціи. Да и на моей родинѣ отмѣна рабства не привела бы къ жертвамъ междоусобной войны, если бы тѣ люди, которые должны были проповѣдывать справедливость, не довольствовались проповѣдью доброты.

Да, ваше святѣйшество, милосердіе, которое не опирается на справедливость, ничего не можетъ сдѣлать для блага

трудящихся. Это такъ же вѣрно, какъ то, что вѣра безъ дѣлъ—мертва. Это такъ же вѣрно, какъ то, что человѣкъ не можетъ воздать должное Богу, не исполнивъ своихъ обязанностей въ отношеніи ближняго. Даже если бы богатые роздали все свое имѣніе на прокормленіе бѣдняковъ и отдали тѣла свои на сожженіе,—бѣдность все же продолжалась бы до тѣхъ поръ, пока существовала бы частная собственность на землю.

Вникните въ положеніе богатаго человѣка, который искренно желалъ бы посвятить свое богатство на улучшеніе быта трудящихся. Что могъ бы онъ сдѣлать?

Раздать свое богатство нуждающимся? Онъ помогъ бы чрезъ это нѣкоторымъ лицамъ, но не улучшилъ бы положенія всѣхъ. И опять то доброе, что онъ дѣлалъ, заключало бы въ себѣ опасность вреда.

Строить церкви? Но подъ сѣнью церквей усиливается бѣдность и умножается порокъ, порождаемый ею.

Строить училища и гимназіи? Но вѣдь образованіе, если только оно не раскрываетъ несправедливость частной собственности на землю, не можетъ ничего сдѣлать для простаго рабочаго, ибо вмѣстѣ съ распространеніемъ образованія падаетъ и заработная плата образованныхъ рабочихъ.

Устраивать больницы? Но вѣдь рабочимъ ужъ и теперь кажется, что слишкомъ много народу ищетъ работы, а сберегать и продолжать жизнь рабочихъ значить усиливать среди нихъ конкуренцію.

Строить образцовыя жилища для рабочихъ? Но если они не будутъ пущены по удешевленнымъ цѣнамъ, то нуждающіеся рабочіе будутъ оттѣснены далѣе; если же за нихъ будутъ назначены удешевленныя цѣны, то чрезъ это окажется тамъ наплывъ рабочихъ, и заработная плата ихъ упадетъ.

Устраивать научныя курсы, химическія и физическія лабораторіи? Но вѣдь это побуждало бы духъ открытій и

изобрѣтеній, вызывало бы къ жизни тѣ самыя силы, которыя всюду, гдѣ существуетъ частная собственность на землю, давятъ трудящуюся массу какъ бы между двумя жерновами.

Содѣйствовать переселенію изъ мѣстъ, гдѣ заработная плата низка, въ мѣста, гдѣ она стоитъ нѣсколько выше? Но если бы какой богачъ занялся этимъ, то вскорѣ тѣ самыя лица, которымъ онъ помогаль, обратились бы къ нему съ требованіемъ, чтобы онъ пріостановилъ такое переселеніе, ибо изъ-за него падаетъ ихъ заработная плата.

Отдать имѣющуюся у него землю, отказаться брать съ нея ренту или сдавать ее по цѣнѣ, ниже рыночной? Но чрезъ это онъ лишь создалъ бы новыхъ землевладѣльцевъ или участниковъ въ землевладѣніи, сдѣлалъ бы нѣкоторыхъ лицъ болѣе богатыми, но нисколько не улучшилъ бы общаго положенія трудящихся.

Или, вспомнивъ о тѣхъ исполненныхъ патріотизма гражданахъ классическаго времени, которые тратили огромныя суммы на благо своей родины, онъ могъ бы заняться украшеніемъ своего родного города. Онъ могъ бы расширять и выпрямлять узкія и кривыя улицы, устраивать парки, воздвигать фонтаны, сооружать желѣзныя и конножелѣзныя дороги и дѣлать все возможное для улучшенія и украшенія своего города. Но что же оказалось бы въ результатѣ? Развѣ тѣ люди, которые прибираютъ къ своимъ рукамъ Божьи дары, не прибрали бы также къ своимъ рукамъ и всѣ милости этого богача? Развѣ не стала бы возрастать цѣнность земли и развѣ прямымъ слѣдствіемъ его благодѣяній не явилось бы повышеніе ренты въ подарокъ землевладѣльцамъ? Уже одно извѣстіе о его намѣреніяхъ такого рода вызвало бы спекуляцію и стремительное повышеніе цѣнъ на землю.

Что же въ такомъ случаѣ могъ бы сдѣлать богатый человѣкъ для улучшенія быта трудящихся?

Онъ ничего не могъ бы сдѣлать, кромѣ какъ восполь-

зоваться своими средствами для борьбы противъ той великой неправды, которая лишаетъ людей ихъ естественнаго права. Божья справедливость не такова, чтобы люди могли ее замѣнить чѣмъ-нибудь другимъ.

Если, говоря о практическихъ мѣропріятіяхъ, предложенныхъ вашимъ святѣйшествомъ, я не указывалъ на тѣ нравственныя внушенія, которыя содержатся въ вашемъ окружномъ посланіи, то отнюдь не потому, чтобы я считалъ нравственность за нѣчто непрактичное. Напротивъ того, намъ кажется, что въ ученіяхъ нравственности заключается наивысшая практичность. Мы полагаемъ, что вопросъ: „мудро ли это?“ всегда можетъ быть смѣло подчиненъ вопросу: „справедливо ли это?“ Но ваше святѣйшество въ своемъ окружномъ посланіи открыто лишаетъ установленныя въ немъ нравственныя истины всякаго реальнаго значенія въ отношеніи быта трудящихся, лишаетъ такъ же, какъ американскій народъ своими законоположеніями о рабствѣ лишалъ всякаго практическаго значенія ту декларацію, которая признавалась имъ основой своего существованія и торжественно читалась по обычаю въ годовщину республики. Декларация эта гласила: „мы признаемъ очевидной истиной, что всѣ люди созданы равными и надѣлены ихъ Творцомъ извѣстными неотчуждаемыми правами, между прочимъ—правомъ на жизнь, свободу и исканіе счастья“. Но какое значеніе имѣла эта истина въ устахъ людей, которые утверждали, будто одинъ человекъ составлялъ законную собственность другого, купившаго его; которые утверждали, будто рабъ грабилъ своего хозяина, убѣгая отъ него, и будто мужчина или женщина, помогавшіе бѣглецу, хотя бы подавшіе ему чашу холодной воды во имя Христа, являлись соучастниками воровства и подлежали карѣ закона?

Вникните въ нравственное ученіе вашего окружнаго посланія:

Вы утверждаете, что необходимость труда есть слѣдствіе

первороднаго грѣха. Однако вы отстаиваете систему, которая избавляет привилегированный классъ отъ необходимости трудиться, давая нѣкоторымъ людямъ возможность возлагать на другихъ свою долю труда и даже болѣе, чѣмъ свою долю.

Вы утверждаете, что „Богъ создалъ насъ не для тлѣннаго и преходящаго на землѣ“, что „Онъ назначилъ намъ этотъ мѣръ, какъ мѣсто изгнанія, а не какъ наше истинное отечество“. И тѣмъ не менѣе вы говорите, что нѣкоторые изъ изгнанниковъ имѣютъ исключительное право собственности на это мѣсто общаго изгнанія, такъ что они могутъ принуждать своихъ товарищей по изгнанію платить *имъ* за свое пребываніе на землѣ, и что это исключительное право собственности они могутъ передавать другимъ изгнанникамъ, имѣющимъ явиться, оставляя обездоленными прочихъ.

Вы утверждаете, что добродѣтель есть общее наслѣдіе каждаго; что всѣ люди суть дѣти Бога—общаго Отца; что всѣ они имѣютъ одну и ту же конечную цѣль; что всѣ они искуплены Иисусомъ Христомъ; что дары природы и благодати принадлежать сообща всѣмъ людямъ, и что всѣмъ, за исключеніемъ недостойныхъ, обѣщано наслѣдіе Царства Небеснаго! И при всемъ томъ вы настаиваете, какъ на нравственномъ долгѣ, на поддержаніи системы, которая дѣлаетъ хранилище всѣхъ матеріальныхъ милостей и благословеній, данныхъ отъ Бога людямъ, исключительной собственностью нѣкоторыхъ лицъ изъ ихъ числа,—признаете за ними равное право на небо, но отвергаете равное право на землю!

Существуетъ преданіе о знаменитомъ рѣшеніи верховнаго суда Соединенныхъ Штатовъ, которое состоялось о бѣгломъ рабѣ, какъ разъ предъ междуусобной войной. Было постановлено „отдать законъ Сѣверу, а негра — Югу“. Подобнымъ образомъ и ваше окружное посланіе отдаетъ Евангеліе—работникамъ, а землю—помѣщикамъ. Можно ли послѣ этого удивляться тому, что существуютъ люди, которые съ презрѣніемъ говорятъ: „священники охотно предоставляютъ

бѣднымъ равную долю во всемъ, что мы не можемъ видѣть, но они всѣ свои силы употребляютъ на то, чтобы богатые крѣпко удерживали въ своихъ рукахъ все видимое нами?“

Въ этомъ кроется причина, почему всюду въ мѣрѣ рабочія массы отвращаются отъ организованной религіи. Да и какъ имъ не отвращаться? Въ чемъ заключается дѣло религіи, какъ не въ указаніи тѣхъ принциповъ, которые должны направлять поступки людей въ отношеніи другъ къ другу? Въ чемъ заключается оно, какъ не въ томъ, чтобы давать людямъ ясное, точное познаніе добра и зла, могущее руководить ими при всѣхъ ихъ положеніяхъ — въ мастерскихъ, на рынкѣ, на площади и въ сенатѣ, равно какъ и въ церкви? Въ чемъ заключается оно, какъ не въ томъ, чтобы давать людямъ, такъ сказать, компасъ, на который они могли бы полагаться въ случаяхъ отклоненія отъ пути изъ-за страсти, жадности или близорукаго расчета? Но что же можетъ сдѣлать религія, которая стоитъ въ безсиліи и замѣшательствѣ предъ наиболее важными вопросами? Что можетъ сдѣлать религія, говорящая о благахъ въ будущей жизни, но не могущая предупредить несправедливость въ жизни настоящей? Христіанство первыхъ вѣковъ было не такой религіей, иначе оно отнюдь не выдержало бы римскихъ преслѣдованій, иначе оно никогда не уничтожило бы римскаго міра. Властители Рима, скептически отнесшіеся къ вопросамъ вѣры, терпимые ко всякимъ богамъ, мало заботившіеся о томъ, что они считали за суевѣріе черни, были однако крайне чувствительны къ ученію, основывавшемуся на равенствѣ правъ. Они инстинктивно боялись религіи, которая вдохновляла пролетаріевъ и рабовъ новой надеждой; которая дѣлала своей центральной фигурой распятаго плотника; которая проповѣдывала, что Богъ есть общій отецъ, а всѣ люди одинаково братья; которая видѣла скорое торжество справедливости и которая учила молиться: *Да будетъ воля Твоя и на землю, какъ на небо.*

Въ настоящее время тѣ же самыя чувства, тѣ же самыя желанія сохраняются среди народныхъ массъ. Человѣкъ былъ названъ религіознымъ животнымъ. Онъ никогда не можетъ заглушить въ себѣ сознанія, что есть какое-то нравственное руководящее начало въ мірѣ, что есть какое-то вѣчное различіе между неправдой и справедливостью; въ немъ никогда не можетъ угаснуть мысль о царствѣ правды. И теперь даже люди, думающіе, что они порвали всякую связь съ религіей, все же могли бы сказать вамъ, что въ положеніи трудящихся *есть какая-то неправда*, хотя, быть-можетъ, и не были бы въ состояніи указать вамъ, въ чемъ она заключается. Если богословіе, по словамъ *Томы Аквинатскаго*, является суммой и фокусомъ всѣхъ знаній, то развѣ не дѣло религіи сказать ясно и безбоязненно, въ чемъ заключается эта неправда. Въ старину, повинуваясь глубочайшимъ велѣніямъ духа, люди, при грозящемъ или смущающемъ ихъ общемъ несчастіи, шли къ оракуламъ, чтобы спросить ихъ, чѣмъ оскорбили они боговъ. Въ настоящее время, страшась растущаго зла, которое грозитъ самому существованію общества, люди, сознающіе, что *есть какая-то неправда*, обращаются съ тѣмъ же вопросомъ къ служителямъ религіи. Какой же отвѣтъ получаютъ они? Увы! за немногими исключеніями, имъ даютъ отвѣтъ столь же туманный и несоответствующій вопросу, какъ тѣ отвѣты, которые обыкновенно исходили отъ языческихъ оракуловъ.

Можно ли послѣ этого удивляться, что масса людей теряетъ вѣру?

Позволю себѣ сказать еще нѣсколько словъ по поводу вашего окружнаго посланія.

Вы справедливо замѣчаете, что вопросъ о положеніи трудящихся является въ настоящее время „злобою дня“ и вызываетъ мучительныя опасенія въ душѣ каждаго человѣка. Но какъ можно опредѣлить особенность положенія трудящихся? Развѣ нельзя признать за эту особенность бѣдность

людей, готовыхъ работать,—то, что имъ недостаетъ хлѣба, понимая подъ этимъ словомъ все, потребное для удовлетворенія матеріальныхъ нуждъ человѣка, безъ чего наступаетъ нужда?

Но о чемъ молится христіанскій міръ? Въ чемъ состоитъ его всеобщая молитва, та молитва, съ которой ежедневно, ежечасно обращаются къ Богу люди всюду, гдѣ почитается имя Христа; та молитва, которую возноситъ ваше святѣйшество въ алтарѣ св. Петра; та молитва, которую лепечетъ со словъ матери самый малый ребенокъ въ самой бѣдной христіанской семьѣ, прося своего небеснаго Отца? — „Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь!“

Однако во всѣхъ странахъ, гдѣ ежедневно и ежечасно возносится эта молитва, у людей оказывается недостатокъ въ хлѣбѣ. Развѣ не дѣло религіи сказать, почему это такъ? Если же она не въ состояніи дать отвѣта, то развѣ не станутъ враги ея смѣяться надъ ея служителями, какъ Илія смѣялся надъ пророками Ваала, говоря: „Кричите громкимъ голосомъ, ибо онъ Богъ; можетъ-быть, онъ задумался или занять чѣмъ-либо, или въ дорогѣ, а можетъ-быть, и спитъ, — такъ онъ проснется!“ Что же могутъ отвѣтить эти служители? Или что Бога нѣтъ, что Онъ спитъ, или что Онъ даетъ людямъ ихъ насущный хлѣбъ, но что тотъ такъ или иначе перехватывается.

Вотъ отвѣтъ, единственный истинный отвѣтъ: если людямъ недостаетъ хлѣба, то не потому, чтобы Богъ не позаботился снабдить ихъ имъ. Если люди, желающіе трудиться, обречены на бѣдность, то не потому, чтобы Богъ не далъ людямъ должныхъ запасовъ; не потому, чтобы не было избытія тѣхъ благъ, которыми Его дѣти могли бы постоянно удовлетворять свои повседневныя нужды. Трудящіеся обречены на бѣдность изъ-за нечестиваго противленія людей благимъ намѣреніямъ своего Творца, изъ-за того, что они сдѣлали землю частной собственностью и такимъ образомъ

отдали въ исключительную собственность немногихъ тотъ запасъ, который заготовленъ былъ для всѣхъ благимъ Отцомъ.

Всякій другой отвѣтъ, хотя бы онъ и казался по внѣшности религіознымъ, будетъ по существу атеистическимъ отвѣтомъ.

Я писалъ это письмо не только для васъ, ваше святѣйшество, но и для всѣхъ людей, которые пожелаютъ прочесть его. Однако, отправляя его къ вамъ лично и передъ его опубликованіемъ, я льщу себя надеждой, что оно будетъ лично прочтено и обдумано вами. Излагая основы своихъ убѣжденій и представляя тѣ размышленія, которыя, къ несчастію, кажется, были упущены вами изъ виду, я писалъ вамъ откровенно, такъ, какъ требовалъ того мой долгъ въ виду огромной важности дѣла и какъ, я увѣренъ, пожелали бы и вы, чтобы я писалъ вамъ. Но при этомъ, надѣюсь, я ничѣмъ не оскорбилъ васъ. Я отношусь къ вашему сану съ должнымъ почтеніемъ, питаю лично къ вамъ чувство глубокаго уваженія. И, говоря противъ тѣхъ взглядовъ, которые кажутся мнѣ ошибочными и опасными, я не замѣчалъ въ своей душѣ и тѣни сомнѣнія въ томъ, что, усвоивая ихъ, вы оставались искреннимъ и разсудительнымъ человѣкомъ. Ибо такихъ же взглядовъ придерживаются почти всѣ признанные учителя вѣры всѣхъ церквей и исповѣданій всюду въ христіанскомъ мірѣ, и именно эти взгляды пользуются санкціей людей, считающихся мудрыми и учеными. Нельзя было и ожидать, чтобы вы до сего времени могли усомниться въ нихъ, зная тѣ условія, которыя окружали васъ, и ту массу трудовъ и обязанностей, которые всегда приходилось выполнять вамъ, особенно въ вашемъ теперешнемъ высокомъ положеніи. Тѣмъ не менѣе я льщу себя надеждой, что размышленія, предложенныя мной, побудятъ васъ усомниться въ истинности вашихъ взглядовъ. Даже если дѣла и работы, осаждающія васъ, отклонятъ васъ те-

перь отъ того внимательнаго разсмотрѣнія предмета, безъ котораго вы, какъ лицо, занимающее столь отвѣтственное положеніе, конечно, не можете измѣнить своихъ совѣтовъ, то все же, мнѣ думается, написанное мною не останется безъ пользы для другихъ.

Какъ я уже говорилъ, мы глубоко признательны вамъ за ваше окружное посланіе. Вы сдѣлали многое, открыто обративъ вниманіе на положеніе трудящихся и поставивъ на видъ забываемый большинствомъ фактъ, что общественныя бѣдствія и задачи нашего времени ближайшимъ образомъ и непосредственно касаются церкви. Вы сдѣлали многое, выразивъ чрезъ это свое неодобреніе той нечестивой доктринѣ, которая столь долгое время явно или неявно проповѣдывалась повсюду отъ имени христіанства: будто страданія бѣдныяковъ зависятъ отъ таинственныхъ рѣшеній Провидѣнія, которыя люди могутъ оплакивать, но которыхъ они не могутъ измѣнить. Ваше окружное посланіе, какъ это можетъ замѣтить всякій, кто вдумается въ него, направлено не противъ социализма; къ нему, въ его умѣренныхъ формахъ, вы относитесь благосклонно. Посланіе ваше направлено противъ ученія людей, называющихъ себя сторонниками одинаго налога. Но мы въ отношеніи истины заботимся лишь объ одномъ: чтобы она сдѣлалась предметомъ обсужденія, и въ вашемъ посланіи мы видимъ самое дѣйствительное средство, побуждающее къ ея разсмотрѣнію, притомъ съ наиболѣе важныхъ для насъ точекъ зрѣнія: нравственности и религіи. Съ этой стороны вы въ правѣ рассчитывать на признательность всякаго, кто ищетъ истины; ибо такова уже природа истины, что она всегда торжествуетъ надъ заблужденіемъ, лишь только возникаетъ ея обсужденіе.

А истина, которую мы отстаиваемъ, уже настолько подвинулась впередъ въ умахъ людей, что она уже не можетъ не быть услышана, не можетъ быть заглушена, а должна идти отъ побѣдъ къ побѣдамъ. Далекая Австралія движется

въ авангардѣ и уже сдѣлала первые шаги въ направленіи одинаго налога. Въ Великобританіи, въ Соединенныхъ Штатахъ и въ Канадѣ вопросъ о введеніи его вступаетъ уже въ сферу практическихъ мѣропріятій и вскорѣ долженъ сдѣлаться злобою дня. Континентальная Европа не можетъ долго оставаться назади. Міръ движется быстрее, чѣмъ когда-либо.

Сорокъ лѣтъ тому назадъ рабство въ Соединенныхъ Штатахъ держалось какъ будто сильнѣе, чѣмъ въ прежнее время, и рыночная цѣна на рабовъ — какъ на рабочихъ, такъ и на „самокъ“ — стояла выше, чѣмъ когда-либо прежде, ибо казалось, что власть владѣльцевъ дѣлалась болѣе обезпеченной. Передъ тѣмъ зданіемъ, въ которомъ провозглашены были равныя права всѣхъ людей, то и дѣло отводили снова въ неволю закованныхъ въ цѣпи бѣглецовъ, и въ тѣхъ мѣстахъ, которыя представляются каждому американцу какъ бы нашимъ Мараономъ свободы, рабовладѣльцы хвастались, что они еще попровѣрятъ списки своихъ рабовъ.

Тѣмъ не менѣе сорокъ лѣтъ тому назадъ, какъ мы видимъ это теперь, рабство уже было осуждено. Приговоръ ему уже былъ подписанъ, хотя еще и не образовывалась та партія, которая избрала въ президенты Линкольна, и только лишь спустя семь лѣтъ прогремѣлъ сигнальный выстрѣлъ.

И вотъ теперь готовится болѣе широкій, глубокій и благодѣтельный переворотъ, захватывающій не одну какую-либо націю, а всѣ народы земли. Его требуетъ Божія истина. Къ нему побуждаютъ силы, превосходящія своимъ могуществомъ все то, чѣмъ обладали когда-либо люди. „Законные“ интересы могутъ воспрепятствовать ему такъ же мало, какъ движенію солнца. Судьба Сизары уже рѣшена, и всякій, имѣющій уши, чтобъ слышать, можетъ лишь радоваться возвѣщенію дня, когда не станетъ болѣе промышленнаго рабства на землѣ.

Какое же положеніе займутъ сановники церкви въ пред-

стоящей брѣбѣ, въ борьбѣ, которая уже началась? Окажутся ли они на сторонѣ справедливости и свободы или на сторонѣ неправды и рабства? Окажутся ли они съ освобожденными и ликующими или съ колесницами и всадниками, вновь ввергнутыми въ море?

Что касается массы, то мало можетъ быть сомнѣнія относительно того положенія, какое будетъ занято ею. Среди людей, которые съ религіознымъ рвеніемъ проповѣдуютъ установленіе одинаго налога, насчитывается огромное число католиковъ (многіе изъ нихъ священники, бѣлые и монашествующіе, есть въ числѣ ихъ епископы), и нѣтъ ни одного вѣроисповѣданія или секты среди христіанъ, говорящихъ англійскимъ языкомъ, въ которыхъ не оказывалось бы сторонниковъ этого установленія.

Въ послѣднее воскресенье я былъ въ одномъ нью-іоркскомъ храмѣ, самомъ богатомъ въ мірѣ, и видѣлъ тамъ крестный ходъ вокругъ алтаря, въ которомъ принимало участіе около сотни пѣвчихъ. Священникъ той англійской вѣтви церкви, которая триста лѣтъ тому назадъ удалилась отъ повиновенія вамъ, провозглашалъ предъ огромнымъ собраніемъ, что рабочій вопросъ въ своей основѣ есть вопросъ религіозный; что онъ можетъ быть разрѣшенъ, лишь слѣдуя велѣніямъ справедливости; что первое и самое ясное изъ всѣхъ правъ есть право на пользованіе физическими элементами существованія, и что никакой человѣческой законъ не можетъ лишить человѣка земли, которая дарована Богомъ всѣмъ людямъ.

Когда затѣмъ тронулся крестный ходъ и пѣвчіе запѣли:

Къ борьбѣ зоветъ всѣхъ христіанъ
Крестъ Господа Христа!

то люди, для которыхъ это было нѣчто новое, склонили свои головы. Смягчились ихъ сердца, съ давняго времени ожесточенныя противъ церкви, какъ противъ послушнаго

орудія угнетенія. И черезъ всю толпу пронесся крикъ: „Того хочетъ Богъ“, какъ призывъ къ величайшему и важнѣйшему изъ крестовыхъ походовъ.

Рабъ рабовъ Божіихъ! Я называю васъ самымъ сильнымъ и цѣннымъ изъ вашихъ титуловъ. Вы болѣе, чѣмъ кто-либо другой, обладаете властью сказать слово и дать знакъ, которые положили бы конецъ теперешнему неестественному положенію и вновь соединили бы съ религіей всѣ чистыя и благородныя стремленія людей.

Посылая вашему святѣйшеству самое дорогое изъ всѣхъ пожеланій: познать истину и быть освобожденнымъ ею; желая вамъ долгоденствія и силы для исполненія того великаго дѣла на пользу человѣчества, которое прославитъ ваше первосвященническое служеніе на всѣ грядущія времена; съ глубокимъ почтеніемъ къ вашему личному характеру и къ вашему высокому сану, — остаюсь искренно преданный вамъ

Генри Джорджъ.

Нью-Йоркъ.

1891 г., сентября 11 дня.

Издавія „ПОСРЕДНИКА“ по земельному вопросу.

Л. Н. ТОЛСТОЙ „Великій Грѣхъ“. (О народной нуждѣ въ землѣ.) Ц. 3 к.

Л. Н. ТОЛСТОЙ. Письмо къ крестьянину о землѣ. Ц. 1 коп.

ГЕНРИ ДЖОРДЖЪ. Избранныя рѣчи и статьи. (О земельномъ вопросѣ и поднятіи народнаго благосостоянія.) Переводъ съ англійск. С. Д. Николаева. Изд. 3-е. Ц. 75 к.

Содержаніе. Объ изученіи политической экономіи.—Моисей.—Преступность бѣдности.—Земля и налоги.—„Не укради“.—„Да придетъ царствіе Твое“.—Земля для народа.—Справедливость—цѣль, налогъ—средство.—Что такое единый налогъ.—Причина застоевъ.—Положеніе трудящихся.—Приложеніе къ статьѣ „Положеніе трудящихся“: „Окружное посланіе папы Льва XII по вопросу о положеніи трудящихся“.

Съ портретомъ Г. Джорджа и біографіей его, составленной переводчикомъ.

Отзывъ печати. *Русское Богатство*: „Аграрный вопросъ у насъ былъ всегда однимъ изъ самыхъ жгучихъ. Соціализація земли была исконной мечтой русскаго народа. Джорджъ былъ пламеннымъ защитникомъ этой идеи. Съ силой горячаго убѣжденія, съ рѣдкимъ краснорѣчіемъ и огромнымъ популяризаторскимъ талантомъ онъ выступилъ противъ первороднаго грѣха нашей цивилизаціи — частной собственности на землю. Мало кѣмъ превзойдена и краснорѣчивая критика его вообще отрицательныхъ сторонъ нашего соціального строя. Въ частности по отношенію къ Россіи можно сказать, что его ученіе о спекулятивной рентѣ затронуло одну изъ самыхъ больныхъ сторонъ нашего крестьянскаго хозяйства: разорительный ростъ арендныхъ цѣнъ параллельно съ ростомъ культурности, искусственное вздорожаніе цѣнъ на землю...“

„Въ рѣчахъ и статьяхъ Джорджа все дышитъ огнемъ энтузіазма, ясностью, силой, убѣдительностью, вѣрой въ конечное торжество соціальной справедливости. Въ стилистическомъ отношеніи это—шедевры въ родѣ памфлетовъ Ламеннэ и Мадзини. Каждая рѣчь, каждая статья—горячій призывъ къ соціальной справедливости, яркое обнаженіе великаго соціального бѣдствія—монополизаціи земли.“

„Къ сборнику приложены: превосходно исполненный портретъ Джорджа и подробная біографія, составленная переводчикомъ и представляющая совершенно самостоятельный интересъ. Джорджъ замѣчательнѣе не только какъ выдающійся экономистъ, писатель и соціальный агитаторъ, но и какъ яркая индивидуальность. Въ немъ счастливо соединились удивительный талантъ писателя съ могучимъ даромъ оратора, неутомимость соціального борца и трогательная вѣра деиста, внутренняя цѣльность и внѣшняя обаятельность, привлекавшая къ нему людей даже несогласныхъ“.

ГЕНРИ ДЖОРДЖЪ. Покровительство отечественной промышленности или свобода торговли (въ связи съ положеніемъ рабочаго народа и земельнымъ вопросомъ). Переводъ С. Николаева. Ц. 2 руб.

С. Д. НИКОЛАЕВЪ. Въ защиту проекта земельной реформы Генри Джорджа. Съ пред. Л. Н. Толстого. Ц. 5 к.

С. Д. НИКОЛАЕВЪ. Объ уравнительномъ землепользованіи. Ц. 1 коп.

Издавія „ПОСРЕДНИКА“ продаются въ книжномъ магазинѣ „Посредникъ“ (Москва, Петровскія линіи) и въ другихъ книжныхъ магазинахъ.

Адресъ редакціи и главной конторы книгоиздательства „ПОСРЕДНИКЪ“ Москва, Дѣвичье поле, Трубецкой пер., д. Осиповыхъ, И. И. Горбунову.

Каталоги издавій „ПОСРЕДНИКА“ высылаются бесплатно.

Цѣна 12 коп.